

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦИ ВЛКСМ ВОКРУГ СВЕТА

№3(9)
1962

СКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ОСОБАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Научно-фантастическая повесть

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

Рисунки А. Гусева, В. Немухина

1

— Это у нас рассказывали, бывало, по вечерам, — сказал Сенцов.

— Да, по вечерам... — отозвался Раин со вздохом.
Вечеров они давно не видели.

2

Вечера остались там же, где и тень деревьев, прозрачные, бегущие по круглым камешкам ручьи, белые облака и веселые огни городов. Там можно было запросто встать и пойти гулять по улицам, не надевая скафандров.

3

Там оставалось и многое другое, имя чему было — Земля. Странное дело: с расстояния в семьдесят миллионов километров должна была, верно, показаться совсем незначительной родная планета, давно уже превратившаяся в яркую звездочку, неотличимую от других. Но получалось иначе — Земля отсюда становилась гораздо больше, сильнее, роднее до невозможности. И каждое воспоминание о ней — дороже дорогого.

2

— Так вот, — продолжал Сенцов, сдерживая улыбку и внимательно оглядывая всех прищуренными глазами. — Баранцева вы все, конечно, помните — ну, заведующий сектором астронавигации института? В плане подготовки намечалось вывести в полет на околоземную орбиту и всех преподавателей — чтобы получше разобрались в психике курсантов. И вот подходит очередь Баранцева...

Он остановился на полуслове. Звук, мягкий и печальный, зародился где-то под потолком. Постепенно он усиливался, приобретал остроту, холодной иглой колот уши. Мигнули голубые плафоны. Затем звук, словно устав, пошел на убыль и затих на низкой, чуть хрипловатой, ворчливо-жалобной ноте.

— Быть по местам! — отчетливо сказал Сенцов, хотя все и так сидели на своих местах. — Через десять минут — поправка...

...От сильного толчка на мгновение закружилась голова, качнуло в креслах. На экране заднего обзора мелькнули и погасли длинные языки огня.

Сенцов, нагнувшись к укрепленному в центре пульта — прямо перед его креслом — микрофону, нажал клавишу, раздельно продиктовал:

— Двадцать — сорок две... Автоматически выполнен коррекционный поворот. Уточненный курс...

Калве, оператор, со своего поста управления молектронным вычислителем уже протягивал ему только что выданную печатающим устройством ленту. Сенцов, прищурившись, назвал цифры координат корабля в пространстве.

— Экипаж здоров, механизмы и приборы без нарушений, происшествий нет. Всё.

Он выключил микрофон. Повернул свое кресло (среднее из пяти, помещавшихся в выгибе подковообразного пульта) так, чтобы лучше видеть всех: не нужно ли успокоить, ободрить товарищей перед трудным участком пути?

Высокий широкоплечий Калве, новичок в космосе и человек явно некосмических габаритов, как шутили товарищи, сидел, погружившись в размышления, машинально пригладивая рукой редущие волосы. Он казался глыбой, позаимствовавшей спокойствие и невозмутимость у своих счетно-решающих устройств, и никто, кроме, пожалуй, Сенцова, не знал о той боязни пространства, от которой Калве еще не успел окончательно излечиться. Калве не подведет. Так....

Рядом с ним откинулся в кресле Раинн. Глаза его были полузакрыты, словно бы его занимал вовсе не полет, а некоторые особенности спектра звезды RR Лиры, подмеченные при наблюдении именно отсюда, из пространства, свободного от атмосферных помех. Невысокий, худой — известный астроном и одновременно штурман, или, как теперь говорили, астронавигатор экспедиции, он на первый взгляд казался слабым и каким-то чуждым этой тесной рубке, где техника, техника, техника окружала их со всех сторон. Но Сенцов, не первый рейс уже проводивший с Раинным (правда, то были лунные рейсы, но это дела не меняло), знал, что на ученого можно положиться во всем.

Сенцов перевел взгляд на Азарова. Порыв и движение... Из него выйдет толк. Всего во втором рейсе, а ведет себя, как старый звездолетчик. Пока, правда, выдержки не хватает. Вот и сейчас...

Действительно, Азаров не мог вынести столь долгого молчания, беспокойно заерзал в кресле.

— Вот... — сказал он. — И это называется человек вышел в космос. А если рассудить — в космос вышли автоматы. Летят они, а мы их обслуживаем.

Сенцов пожал плечами. Калве (он был латыш) неторопливо — чтобы не ошибиться в русской грамматике — ответил:

— Движением корабля управляют быстрорешающие устройства. Они с этим справляются лучше нас. Люди выполняют свои задачи, машины — свои. Так мне кажется...

— А мне не кажется! — сердито сказал Азаров. Отстегнувшись, он встал и, шурша присосками башмаков (с ними можно было при известном навыке передвигаться по полу), заходил по рубке, цепляясь плечом за стены.

— И вообще, — запальчиво продолжал он, — бросьте вы так носиться с вашими машинами! Вы-то, наверное, охотно бы жили в мире таких вот микромодульных интеллектов. А мы — пилоты, и должны работать, вести корабль. А тут организовали какой-то санаторный режим. Да если...

Сенцов не стал вслушиваться в очередной бесполезный спор о том, кто старше: космическое яйцо или курица. Главное было ясно: ребята в порядке. Повернув кресло в нормальное положение, он стал смотреть на зеленоватый круглый экранчик локатора, по которому волнисто струилась светлая линия.

Двести шестидесятый день полета подходил к концу. Сказывалось напряжение небывалого по продолжительности рейса. Не хватало ощущения скорости, которое всегда дает известный подъем духа; корабль, казалось, просто висел в пространстве. Однако покой этот был обманчив, и напряжение от него только возрастало: вокруг был космос, еще неизвестный, неисследованный и мало ли что тающий в своих черных глубинах.

Повысилась раздражительность. Что ни говори, а сидение в рубке или в тесных постах наблюдения за девять месяцев всем осточертело. Для полугодового пребывания (а именно столько должно было продлиться путе-

шествие) корабль оказался явно тесноват. Или это только казалось? Нестерпимо хотелось иногда выйти, освободиться, увидеть что-нибудь не столь надоевшее, как стены рубки или каюты, в которой они отдыхали.

Полет был разведывательным. Проверялась возможность облететь Марс без длительной, более чем на год, остановки на круговой орбите. И сейчас полет входил в решающую фазу: на расстоянии тридцати тысяч километров предстояло обогнуть Марс. Поэтому так внимательно и вглядывался в лица товарищей Сенцов.

Его, как и всех остальных, собственно, беспокоил не сам поворот. Тревожило другое. Их ракета была не первым кораблем, ушедшим с Земли к Марсу. Несколько раз посылали сюда автоматические ракеты. Путь их удавалось проследить до тех пор, пока они не входили в теневой конус Марса. Затем передача информации прерывалась. Даже самые мощные радиотелескопы не могли уловить никаких сигналов. И ни одна ракета не вернулась на Землю...

У них пока все шло нормально. Но ведь что-то происходило с теми ракетами, и вряд ли это была всего лишь случайность... Происходило... Что же? Что?.. Метеорный поток большой плотности? Но на ракетах была защита... Встреча с какими-то астероидами, сбившими своим притяжением ракеты с курса? Но астрономы таких случаев не наблюдали... Недостаток топлива? По расчетам, его должно было хватить.

Во время полета они беседовали об этом не раз и не два. Оставалось поверить в существование каких-то мощных магнитных полей, в решающую минуту то ли создававших помехи для работы электронных пилотманов, то ли вообще выводивших их из строя. Возможно, что машины начинали отдавать неправильные распоряжения, и корабли падали на Марс или уходили безвозвратно в пространство.

Чтобы разрешить, наконец, загадку, на этот раз и летели люди. Они могли в нужный момент взять управление в свои руки и привести корабль обратно к Земле. Метеорную защиту усилили. Ракете был придан космический разведчик.

Все это делало ракету практически неуязвимой — неуязвимой, насколько это вообще возможно в космосе. Но неизвестная, и от этого еще более пугающая, опасность, навверное, все же подстерегала их где-то впереди. И Сенцов безошибочно знал, что это о ней думал Калве, приглаживая волосы, ее пытался увидеть Раин, закрыв глаза, и на нее злился Азаров, когда клял автоматы.

...А автоматы пока отлично справлялись. И хотя все три пилота поочередно несли восьмичасовую вахту — один из них неотлучно находился у пульта, — людям оставалось лишь с завистью поглядывать на опломбированные, закрытые множеством предохранителей, рычаги.

Занятие было не из самых приятных. Подчас и у Сенцова начинало сосать под ложечкой от желания сорвать пломбы и своими руками блистательно посадить корабль

на Марс. Но он настойчиво отгонял эти мысли: все будет в свое время.

Так он успокоил себя и сейчас. Глаза же его привычно следили за стрелками, и где-то в подсознании велся отсчет минут. До начала выхода на круговую орбиту вокруг Марса оставалось тридцать две минуты.

В рубке уже шла мирная беседа о театрах. Кажется, о рижском балете, а может быть — о московском. И Сенцов мысленно похвалил ребят за спокойствие. Потом он откашлялся, и беседа сразу оборвалась. Все смотрели на него.

— Ну... — сказал он, стараясь, чтобы это прозвучало как можно спокойнее и бодрее.

Все поняли: пора. Калве и Раин отстегнулись от кресел. Азаров тряхнул головой — волосы взвились и встали дыбом («Беда с прическами при невесомости!» — мельком усмехнулся Сенцов). Оттолкнувшись от пульта, Азаров поплыл по воздуху; отворив дверь, нырнул в коридор, изогнувшись как-то по-особому: каждый раз он ради развлечения избирал новый способ выбираться из рубки. Калве передвигал свое массивное тело неторопливо, придерживаясь рукой за пульт. — Он любил чувствовать почву под ногами. Раин вышел стремительными шагами, словно и не было никакой невесомости, — на прощанье махнул рукой, улыбнулся. Дверь за ним громко вздохнула герметизирующей окантовкой. Он отправился к телемагнитоскопу — так назывался новейший бортовой телескоп, непрерывно записывавший все, что попадало в поле его зрения, на магнитную ленту.

Из каюты в рубку, словно на смену ушедшим — чтобы не воцарялась здесь тревожная тишина, — вошел Коробов, второй пилот. В рубке запахло одеколоном. Сенцов потянул носом воздух, усмехнулся. Коробов опустился в кресло рядом с Сенцовым. Заметив его взгляд, улыбнулся.

— Чистую рубашку надел... — сказал он весело, как бы показывая самым тоном, что ни слов его, ни возможной опасности принимать всерьез не следует.

Оба склонились к микрофону бортового журнала. Коробов принял вахту. Теперь Сенцов мог некоторое время отдыхать, ни о чем не думая, пока предупреждающий сигнал не возвестит о начале маневра. Хотя как это сделать — ни о чем не думать, — он так никогда и не мог понять.

Сенцов по очереди повернул регуляторы, усилил яркость бортовых экранов. Они замерцали неживым, призрачным блеском. Проступила звездная россыпь, словно потянуло пронзительным холодом пустоты. Коробов зябко повел плечами. Сенцов покосился на него, нащупал выключатель курсового экрана, нажал.

Рубку залило красноватым светом. Косые тени легли на стену, заиграли на циферблатах. На миг оба пилота испытали легкое головокружение.

Марс висел перед ними кровавым ятаганом. Легкая дымка смягчала его очертания. Извечная загадка, красное яблоко раздора... До сих пор спорили, есть ли на планете что-нибудь, кроме песка и скудной растительности, а может —

даже и ее нет, являются ли спутники Марса искусственными, была ли здесь когда-нибудь высокоорганизованная жизнь...

Ответ на все вопросы был рядом, рукой подать: всего в тридцати тысячах километрах от ракеты светилась Аэрия, темнели Большой Сырт, загадочный Лаокоонов узел... Было от чего закружиться голове.

Коробов смотрел, уткнув подбородок в грудь, тихонько посапывая. Сенцов, сам того не замечая, чуть улыбался.

Вот так выглядит победа — красным полумесяцем на экране. Без увеличения, с расстояния в тридцать тысяч километров. Добрались все-таки!

В кресле рядом заворочался Коробов. Вдохнул. Негромко сказал:

— Обидно все-таки... Ползем чуть не год, а лет через пятьдесят-сто люди будут сюда добираться за день. Ну, за три дня... Мы с тобой, знаешь, кто? Из каменного века... Мы сейчас в дубовом челноке плывем, даже не в челноке, а на раме, обтянутой шкурами. А будут когда-нибудь океанские атомоходы на крыльях. Притом пращуры наши, в дубовых челноках, — они не знали о будущих океанских кораблях. Даже и не задумывались, вероятно. А мы-то в общем знаем, что после нас будет. Для этого и работаем: ведь наша работа не столько даже для этого поколения, сколько для будущих. Ты скажешь — так работают многие ученые. Но ведь истины, открытые ими, остаются надолго. А о нас потом что скажут? Поймут ли они нас, потомки? Не усмеются ли: «Летали тут когда-то на тихоходах!..» Удается ли нам сделать такое, чтобы и правнуки сказали: «Нет, не зря старики жгли топливо!»

Коробов настороженно покосился на Сенцова, ожидая всегдашней усмешки: все знали, что Сенцов человек трезвой логики. А Коробову хотелось еще поговорить о том, как страстно любит он свою профессию и хочет, чтобы не было в ней никаких неясностей.

Но было уже некогда. Почему-то желание такого вот душевного разговора приходит всегда именно в те мгновения, когда надо к чему-то готовиться, что-то выполнять. Когда же времени вдоволь, говорится о вещах самых будничных. Лишь в ответственные минуты поднимается то, что таится в глубине души.

И Сенцов ничего ему не ответил, впившись взглядом в стрелку хронометра.

— Последние минуты... — сказал он негромко. И ему показалось вдруг, что стрелка неуклонно бежит навстречу неведомой опасности.

— Может, пустим разведчика? — словно ощутив его тревогу, спросил Коробов.

— Рано, пожалуй... — ответил Сенцов. — Топлива у него мало, назад вернуться не сможет. Потеряем, а вдруг он по-настоящему понадобится?.. — И решительно заключил: — Выпустим только при явной опасности.

На голубоватой поверхности экрана серп планеты становился все уже и уже, таял на глазах, как догорающий во

мраке уголек. Сенцов перевел взгляд на нижний правобортовой экран — там сквозь фильтры сияло темно-багровое солнце. И вдруг оно погасло — сразу, будто кто-то резко выключил его. Одновременно погас и красный уголек.

Мгновенно на нескольких шкалах стрелки разом качнулись влево и застыли, под серыми кожухами распределителей звонко защелкало — это отключались солнечные батареи, подсоединялись резервные группы аккумуляторов. На панели дальней связи вспыхнул красный огонек.

Ракета вошла в теновой конус Марса, и для космонавтов наступило солнечное затмение. Начался полет над неосвещенной стороной планеты. Коробов вздохнул. Сенцов сказал:

— Пять минут осталось. Усиль-ка освещение...

Коробов протянул руку к переключателям. Повернул. И словно не свет, а звук включил он — сразу пронзительным, прерывистым ревом захлебнулись sireны радиометров, измерявших количество заряженных частиц в пространстве. Оба пилота, вздрогнув, подняли головы — и приборы смолкли, но смолкли только на миг, чтобы снова завывать на еще более высокой ноте. Зловеще вспыхнули красные лампы, и в окошечках дозиметров сначала медленно, потом все быстрее двинулись, заскользили цифровые колесики.

Сенцов мгновенно — быстрее даже, чем подумал: «Вот оно — то самое!..» — понял, что ракета внезапно влетела в мощный поток проникающего излучения. Летящие с околосветовой скоростью частицы, вонзаясь в металл оболочки, порождали ливень опасного рентгеновского излучения.

Он бросил взгляд на приборы. Да, оно проникало и в кабину сквозь защитный слой.

Это было опаснее метеоритов, встреч с которыми, по традиции, больше всего боялись космонавты.

— Ну, что же они там? — крикнул Сенцов и резко кинул тело вперед, натягивая до предела ремни.

Но автоматы уже сработали — на курсовом экране сверкнула яркая вспышка пламени. Это рванулась во тьму автоматическая ракетка — космический разведчик. Повинуясь радиосигналам управляющих ею автоматов, она начала описывать вокруг корабля все более широкие круги, непрерывно посылая счетно-решающему устройству сведения об интенсивности потока частиц.

Нестерпимо тянулись страшные секунды... Корабль стремглав мчался, может быть, в самый центр потока, способного за тридцать-сорок минут создать в ракете такой уровень радиации, от которого не спасут никакие костюмы... Гибель надвигалась с давящей неотвратимостью, как в кошмарных снах. что насылает космос: когда небывалая перегрузка сковывает руки и ноги и нельзя пошевелить даже пальцем, чтобы уйти от неведомой опасности.

Наконец трянуло. На ходовом экране мелькнули огненные струи выхлопов. Оба почувствовали, как их прижало к ремням: ракета тормозилась. Автоматы вновь и вновь включали тормозные двигатели, переключивали газовые

рули, стрелка счетчика ускорения катилась вправо, а унылый, похоронный вой радиометров все не умолкал. В багровом дрожащем свете лица космонавтов казались залитыми кровью.

Сенцов сжал зубы, громадным усилием воли заставил себя сунуть руки в карманы комбинезона — так трудно оказалось побороть искушение сорвать пломбы с предохранителей и взять самому управление. Сердце властно требовало: действовать, работать, вдохнуть в механизмы корабля свое желание жить... Руки рвались из карманов. И уж, конечно, не уважение к параграфу инструкции удержало их там, а вера в то, что не может подвести автоматика.

То же самое, очевидно, переживал и Коробов. Он сцепил пальцы так, что они побелели, челюсти его двигались, словно перемалывая что-то... Но вот ракета резко свернула и пошла на сближение с Марсом. Сигналы тревоги стали ослабевать, багровый свет померк. Сенцов вытер пот со лба. Коробов разжал противно задрожавшие руки.

— Вот это встреча... — сказал он невнятно. — Откуда же?..

Сенцов пожал плечами. Бесполезно было гадать: из каких глубин вселенной примчался поток космических частиц, откуда вытекала и куда впадала эта невидимая и грозная река, в стремительном течении которой они чуть не захлебнулись вместе с кораблем? Невозможно было предугадать ее заранее, как весной в лесу под снегом не подозреваешь ручья, пока не провалишься в него и не хлебнешь ледяной воды. Да и думать об этом сейчас не было времени.

Оба глядели на курсовой экран. Другая группа автоматов, которой не было дела ни до каких космических лучей на свете, аккуратно переключила экраны обзора на прием в инфракрасных лучах. Марс стал значительно больше: ракета заметно приблизилась к планете. Но решающее устройство почему-то не дало рулевым автоматам команды вывести корабль на прежнюю орбиту; возможно, в конце концов оно отказало из-за сумасшедшей вибрации. А это прежде всего означало, что курс надо выправлять самим, не надеясь на автоматы.

— Ну, — сказал Сенцов, — вот и дождались. Вот тебе и особая необходимость, при которой, как гласят правила, экипаж имеет право перейти на ручное управление. Соберика всех...

Коробов нажал кнопку общего сбора. Несколько секунд оба сидели молча. Первым, придерживаясь за стену, вошел Калве. Он казался спокойным, как всегда, только пальцы теребили застежку комбинезона. Узнав, в чем дело, он пожал плечами, сел в свое кресло, пристегнулся, стал нажимать контрольные клавиши. Под пластиковой облицовкой вычислителя успокоительно гудело, звякало, на панелях мирно вспыхивали многочисленные цветные огоньки.

— Машина в порядке, — сказал Калве, не оборачиваясь.

Он выслушал задание — рассчитать поворот. Согнувшись, заиграл на клавиатуре что-то быстрое, как чардаш Монти, левая рука его подхватывала ползущие из блока интеграторов ленты с данными о скорости, запасах горючего, напряжении гравитации, расстоянии от планеты. Затем он надел наушники справочника — в уши полезли цифры поправок и коэффициентов.

Потом вошли встревоженные Азаров и Раин — их посты находились дальше всего от рубки. Азаров потирал багровую шишку на лбу: ясно, во время наблюдений не пристегнулся к креслу. Теперь все четверо, быстро поворачивая головы, смотрели то на экран, то на мелькавшие руки Калве.

Им казалось, что прошло очень много времени, пока машина звонком сообщила, что работа окончена. Калве пробежал глазами ленту и передал Раину. Астронавигатор прочел, пожевал губами. Подумал. Сказал:

— Орбита нестабильна. При торможении потеряна скорость...

В переводе на общечеловеческий язык это означало, что ракета при торможении потеряла ход настолько, что скорость стала меньше круговой, и теперь, правда, медленно, по пологой спирали, но корабль все же падал на Марс.

Это никого особенно не смутило — в их власти было включить двигатели и снова развить нужную скорость. Вычислением этого маневра и занимался сейчас Калве. Он снова пустил машину.

Прозвенело. Калве нажал клавиш — машина, стрекоча, выбросила из печатающего устройства короткий кусок ленты. Калве, казалось, ждал, но индикаторы разом погасли: аппарат выключился.

Калве поднял брови, нерешительно потянул ленту к себе. Прочел. Брови поднялись еще выше. Прочел еще раз. Повернулся к товарищам — на лице его, казалось, остались только глаза.

— По данным расчета, — сказал он медленно, — в этих обстоятельствах мы... как это? Мы невозможны выйти на заданную орбиту при условии сохранения посадочного запаса горючего... Перерасход топлива. Из баков последней ступени — так здесь сказано... Мы падаем на Марс.

3

Тяжелое молчание стояло в рубке; привычное гудение приборов, как всем вдруг показалось, стало угрожающе громким.

Калве сидел уронив руки — из-за отсутствия тяжести они нелепо торчали в воздухе. Остальные кто сидел, кто стоял, откинувшись, ухватившись за что попало. Обрывок бумажной ленты, подгоняемый слабым ветерком от скрытых в стенах вентиляторов, медленно кружился под потолком, пока не прилип накрепко к решетке регенератора. Тогда Сенцов, внимательно (словно это и было самое главное сейчас) следивший за его полетом, сказал:

— А почему беспорядок? Всем быть на местах...

...В первую минуту никто из них не поверил случившемуся, хотя у каждого дрогнуло сердце. Сенцов даже начал было с досадой: «Ну, дорогой товарищ, и загнул же ты!..» Калве, пожав плечами, ответил: «Так есть». И Сенцова убедили даже не слова его, а слишком спокойный тон. Тогда все замолчали надолго...

Теперь все расселись по креслам, и Сенцов сказал:

— Ну, погоревали — хватит.

— Собственно говоря, — сказал Калве, — я не совсем понимаю... Вычислитель, конечно, лучше знает... Но какое значение имеет, где именно горючее — в последней или в основной ступени? Почему мы не можем включить двигатели?

Азаров пожал плечами, выражая этим свое молчаливое презрение по поводу незнания самых элементарных технических истин. Коробов спокойно ответил:

— Как ты знаешь, ракета наша сейчас состоит из двух ступеней. В основной, задней ступени — только топливо и ходовой двигатель. А тормозиться мы можем только при помощи двигателей, сопла которых обращены вперед. Они находятся в этой вот, последней ступени ракеты, где мы сидим.

— Ну и что? — спросил Калве.

— А то, что расход топлива последней ступени на этом этапе полета не был предусмотрен. А мы его израсходовали, и общий запас стал меньше расчетного.

— Остальное мне понятно, — сказал Калве. — Вычислитель не сработал именно потому, что запас топлива ниже нормы. Он не блокировал двигателя, пока ракете угрожала смертельная опасность, но теперь... О, это очень совершенное устройство.

— Да, — сказал Азаров. — Но теперь решать должно уже не устройство, а мы. Хотя мы от этого и отвыкли, кажется...

— Вздор! — сказал Сенцов. — Но решать надо быстро.

— Объявлен конкурс на лучшее рационализаторское предложение, — серьезно сказал Коробов. — Премия — экскурсия по маршруту Марс — Земля...

Никто не поддержал шутки. Сенцов повторил:

— Решать надо быстро и основательно. Слишком дорого стоит стране наш полет...

Но так вот, на скорую руку, ничего в голову не пришло, кроме мыслей самых фантастических. Наконец Раин сказал:

— Ну, так мы далеко не уедем... не дальше Марса. Слово за Калве. Пусть посоветуется с вычислителем...

Калве с сомнением покачал головой, но глаза его заблестели от удовольствия. Он подошел к программному устройству; несколько секунд, размышляя, ласково поглаживал его матовый кожух... Машина не отвечала долго — за фасадом вычислителя, судя по сумасшедшей пляске огоньков, шла напряженная работа. Наконец Калве получил ответ, пробежал его глазами и протянул Сенцову.

Тот минут пять изучал ленту. Все напряженно следили за его лицом, почти физически ощущая, как корабль все приближается и приближается к поверхности Марса. Но вот Сенцов поднял глаза. Сказал:

— Ну, вот так-то... не мудрствуя лукаво. Выход вполне разумный. Поскольку количество топлива, нужное нам, зависит от массы корабля и дозаправиться мы не можем, значит остается только одно, что машина и предлагает: уменьшить массу...

Пилоты переглянулись. Чтобы принять такое решение, не нужно обладать электронной логикой, и тем не менее никто из них не додумался. Это объяснялось просто: каждый из них воспринимал ракету как живой организм, у которого нельзя отнять какую-то, пусть даже самую малую часть без того, чтобы не нарушить точной и согласованной работы всех органов. Для машины же корабль был всего лишь комплексом деталей — важных и менее необходимых.

Для людей это предложение в первую секунду выглядело таким же нелепым, как если бы кто-нибудь из них предложил бегуну, чтобы увеличить скорость, расстаться с рукой, или с желудком, или с печенью. Но аналогия была лишь внешней, и машина напомнила им об этом.

— Что ж, — сказал Коробов, — это выход. Надо только разобраться, без чего мы можем обойтись.

— И как это осуществить технически, — добавил Азаров. — Тут надо выходить в пространство...

Стали подсчитывать. Только Раин не участвовал в работе — он надел наушники справочника и что-то вычислял на листке бумаги, изредка поглядывая на хронометр.

Утешительного было мало. Если даже пожертвовать аккумуляторным резервом (восемьсот килограммов), резервом воды (полторы тонны), кое-какими приборами (об этом говорилось вполголоса, чтобы не услышал Раин), то получалось всего две с половиной тонны, а нужно было сбросить гораздо больше.

Пилоты пригорюнились. Раин продолжал что-то высчитывать, поднимая изредка глаза к потолку.

Потом все три пилота разом взглянули друг на друга, одновременно открыли рты, будто хотели что-то сказать, и одновременно же закрыли. Тогда Сенцов, засмеявшись, сказал Азарову:

— Ну, Витя, давай ты...

— Вторая ступень! — сказал Азаров, блестя глазами.

— Вторая ступень! — подтвердил Коробов. — А топливо из ее баков — его осталось немного — перекачаем в баки первой ступени — именно туда, где у нас недостача.

— А как перекачать? — спросил Сенцов.

— Да очень просто! — торопливо объяснил Коробов только что возникшую идею. — Демонтируем один компрессор, расчалим тросами на оболочке ракеты...

Сенцов оглядел обоих, потом перевел взгляд на экран: что такое притяжение какого-нибудь там Марса по сравнению с такими вот ребятами! Вслух же сказал самым обычным голосом:

— Что ж, верно. Только есть одна опасность: если во время работы корабль снова подвергнется какой-нибудь атаке — ну, хотя бы метеорной, то, понимаете, сами... Двигатели сработают, а это гибель для всякого, кто окажется вблизи. Мы ведь не можем отключить автоматику метеорной защиты...

— Другого выхода нет, — сказал Азаров.

— Почему же нет? Есть, — спокойно, не оглянувшись, ответил Раин. — Вот он... Мы сейчас приближаемся к орбите Деймоса — внешнего спутника Марса. Я тут подсчитал... Через час с небольшим — тут точные цифры — он нас нагонит. На Деймос можно сесть. Там можно работать спокойнее. А взлететь с него несложно...

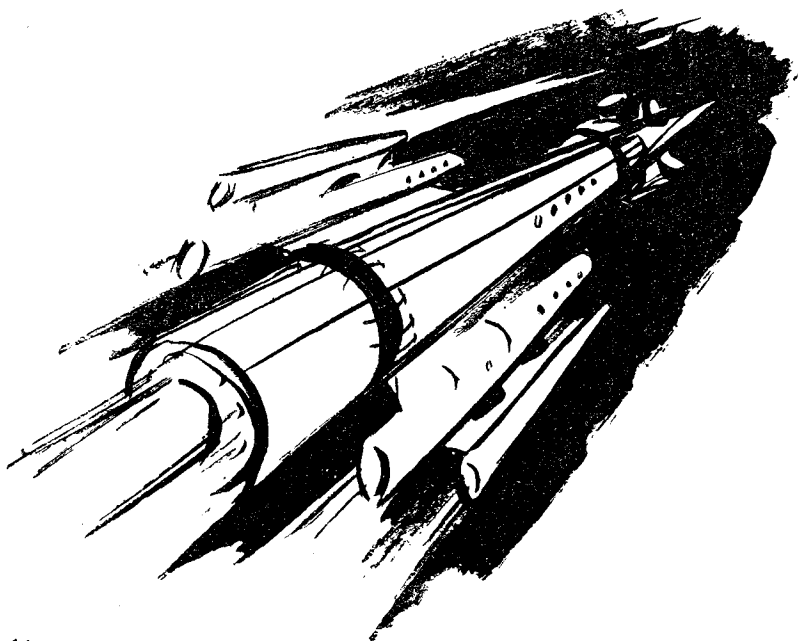
Все оживились. Все-таки будет почва под ногами, демонтаж пойдет гораздо быстрее.

— А заодно, — Сенцов улыбнулся, и улыбки прошли по лицам остальных, — посмотрим, что же это за спутник Марса... Ну, вот и всё. Прошу курс.

Раин и Калве вновь надели наушники. Калве включил вычислитель. Сенцов, секунду помедлив, сорвал пломбы с рычагов автономного управления, отвел предохранители, кивнул Коробову.

— Давай акт!

Нагнувшись над микрофоном, Коробов стал отдельно диктовать: «Сего числа... ввиду особой необходимости... зна-

чительное отклонение от курса...» Не спускавший глаз с хронометра Раин сказал:

— Еще сорок шесть минут точно.

— Крепить всё! — скомандовал Сенцов. — Готовиться к посадке!

Работы по подготовке к посадке заняли более получаса: пришлось привести в посадочное положение большинство приборов, в особенности астрономических. Закончив, снова собрались в рубке, заняли места по взлетно-посадочному расписанию. Сенцов, повернув кресло, проверил, хорошо ли пристегнулись. Он чувствовал себя, как спринтер перед стартом: учащенно билось сердце, сознание стало предельно ясным, каждое движение было рассчитано заранее.

Он повернулся к пульту, и тогда Раин кивнул ему: «Пора!»

— Внимание! — громко сказал Сенцов.

Предостерегающе завывли сирены локаторов — где-то сзади нащупали они невидимую во тьме поверхность Деймоса. Сенцов нажал рычаг — все кресла поднялись, обнажив блестящие стальные цилиндры противоперегрузочных устройств. Затем, мальчишески подмигнув сам себе, он твердо положил руку на красную рукоятку пуска, плавно потянул... Корабль, вздрогнув, начал прибавлять ход.

Задуманный маневр был достаточно сложен. Предстояло выйти на орбиту Деймоса, оказаться впереди него и, сохраняя ход несколько меньший, чем орбитальная скорость

спутника Марса, позволить ему догнать себя. Тем самым не было бы истрачено ни грамма топлива из баков тормозных двигателей.

Спутник неслышно скользил по своей орбите, изображение его на экранах все вырастало. Сенцов включил рули, и ракета изменила направление движения так плавно, что никто почти не почувствовал заметного ускорения. Да, Сенцов был артист — это все знали. Калве уже рассчитал точку встречи. Маленькая планетка догоняла корабль.

Сенцов чуть увеличил ход, чтобы скорость сближения уменьшилась до предела. Цилиндры амортизаторов медленно двинулись. Тела заметно отяжелели. Чья-то парившая под потолком тетрадь бабочкой снижалась на пол...

В нескольких километрах от Деймоса, когда скорости корабля и спутника почти уравнились, Сенцов выключил двигатель. Откинулся на спинку кресла и, глядя в потолок, сказал:

— Ну, вот. Теперь полчасика посидим, и...

Потом, когда они пытались вспомнить, как это случилось, все признались, что подумалось им в эту минуту одно и то же: Деймосу надоело смотреть на бегущий перед ним корабль, и он решил взять его в руки и рассмотреть поближе. Впрочем, сомнительно, что именно так представлялись им события в тот момент, когда, словно притянутый могучим механизмом, корабль стремительно рванулся кормой вперед — к спутнику. Все вздрогнули в креслах. Сенцов неуловимо-быстрым движением снова включил двигатель, чтобы смягчить посадку. Но Деймос надвигался все ближе и ближе и гораздо скорее, чем хотелось бы любому из них. Надвигалась катастрофа...

Тогда Сенцов, чисто инстинктивно, решил ускользнуть в сторону с орбиты спутника и включил рули. Но темная громада была уже рядом.

Тряхнуло так, что взвизгнули амортизаторы. Заскрежело... Казалось, ракету волоком тащили по острым камням... Сенцов рывком выключил рули, и скрежет затих. Неожиданно погас экран заднего обзора. Ракета замерла на месте. Сенцов торопливо закреплял предохранители... Внезапно ракета снова дрогнула, стала медленно наклоняться, опуская нос. Никто в рубке не произнес ни слова — расставив локти, чтобы не швыряло в креслах, не мигая, смотрели на экраны, словно оттуда и должно было прийти что-то — спасение или гибель... Только Сенцов поднял было руку, крикнул «Держись!..». Калве подумалось: сейчас ракету швырнет куда-то в пропасть. Он хотел закрыть глаза, чтобы не видеть последней минуты. Но даже на такое движение не оставалось сил...

4

Ничего страшного не произошло: наклонившись, ракета остановилась — замерла под углом градусов в шестьдесят к уже явно ощутимой теперь горизонтали. Все медленно приходило в себя; Калве неудержимо зевал, Азаров поти-

рал ушибленный локоть. Пытались сообразить, что же именно произошло. Сенцов мрачно подвел итоги:

— Ну, сегодня переживаний, кажется, — за весь полет сразу.

В рубке царила некоторая растерянность. Так, наверное, чувствуют себя потерпевшие кораблекрушение, выбравшись на твердую почву необитаемого острова: и радуются и в то же время понимают, что ничто хорошее их, по всей видимости, впереди не ждет...

Наконец Коробов поднялся, кивнул Азарову — оба ушли проверять рабочие помещения и двигатели, лазить по тесным закоулкам вокруг компрессоров и камеры сгорания. Калве присел на корточки перед вычислителем, начал осматривать его. Сенцов приказал выключить лишнее освещение, все локаторы и электростатическое поле метеорной защиты.

— А если?.. — спросил Раин.

— А если — все равно не спасешься, — ответил Сенцов.

Раин кивнул, словно совершенно успокоенный ответом, и стал переключать экраны на телеприемник заднего обзора. Они не оживали: очевидно, на корме были повреждения.

Коробов и Азаров вскоре вернулись, вытирая измазанные руки. Коротко доложили. При первом беглом осмотре все оказалось в порядке, прокрутить же компрессоры вхолостую они не решились: потребуется слишком большой расход электричества. Кое-где испортилось освещение, но это уже мелочь.

Внимательно изучавший приборы Сенцов выслушал все доклады. Кивнул, как будто бы даже равнодушно. Потом повернулся к Раину:

— Сильное магнитное поле — странно... Да и гравитация больше теоретической, если память не изменила...

— Не исключено, что спутник состоит из сверхтяжелых пород. Или...

— Или? — быстро спросил Сенцов.

— Ничего... — замылся Раин. — Нет, конечно, ничего... Просто очень интересный случай...

— А посадка? — спросил Сенцов? — Тоже породы?

— Для гипотез — не время... Посадка? И ты всего лишь человек. Неточное движение...

— В общем, — не утерпел Коробов, — тут некоторые жаловались на недостаток приключений... — Он подмигнул Сенцову, похлопал по плечу Раина. — Вот вам приключение по первому разряду. Администрация не жалеет затрат...

Азаров покосился на него, что-то проворчал. Больше никто не сказал ни слова — все смотрели на командира. Он молчал, как всем показалось, слишком долго... Было ясно, что придется выйти из корабля, и на лице Азарова было написано такое откровенное желание поскорее выбраться наружу, что Сенцов пожалел его больше остальных, потому что знал: именно Азарову придется остаться. Выходить следовало более осторожным, да к тому же Азаров незаменим для связи.

Нельзя, по соображениям безопасности, выходить и Калве. Хозяин кибернетических устройств, он должен дежурить возле них. Ожидать в ракете предстояло и Коробову — опытный пилот-космонавт, он в случае чего примет командование.

— Наружу выйдем я и Раин, — проговорил Сенцов. — Спутники — по его специальности, — добавил он, хотя мог ничего не объяснять. — Остальным — дежурить по аварийному расписанию. Исправить освещение, наладить быт, держать с нами связь...

— В общем культурно развлекаться, — буркнул Коробов.

Азаров не сказал ничего, лишь гневно взглянул из-под бровей, поднялся и подсел к рации малой связи.

— Не унывайте, — утешил Сенцов. — Успеете... Работать все будут: это могу гарантировать. Мы только разведка...

Опять-таки он мог ничего не объяснять, но ему почему-то хотелось их утешить, оставить успокоенными. «Как перед смертью», — сердито подумал он.

Из стенных шкафов достали два скафандра. Сенцову и Раину помогли одеться. В скафандрах оба выглядели одинаково толстыми, большими. Прозрачные спереди шлемы сделаны из существами, принадлежащими тому, наружному миру. Проверили кислород, систему регенерации. Сенцов подал в микрофон шлема, проговорил раздельно: «Раз, два, три, четыре...» То же сделал и Раин. Потом они, прощально подняв руки, направились к двери. Калве и Коробов проводжали их к выходу.

Стальная, в десять миллиметров, дверь закрылась за ними. Прижимавшие ее рычаги, сверкнув голубоватым металлом, холодно лязгнув, упали на место. Прошла минута, и Коробов увидел, как стрелка манометра стремительно прыгнула вниз: гидравлика и давление воздуха в камере выжали прикипевшую к гнезду крышку входного люка.

Трос остались в ракете... Азаров сидел у рации, по временам негромко спрашивал: «Ну, как там? Как?» Со связью творилось что-то непонятное: голоса Сенцова и Раина слышались глухо, словно космонавты уже успели отойти далеко от ракеты или же между ними и кораблем была какая-то экранирующая преграда.

Время от времени слышимость вообще пропадала, как будто над поверхностью спутника бушевала магнитная буря. Стрелки магнитометров судорожно дергались. Магнитная буря на поверхности ничтожного камня, неприкаянно мотающегося в пустоте? Здравый смысл Азарова никак с этим согласиться не мог, но приборы упрямо показывали свое. А тут еще Калве не давал покоя...

— Скажи Сенцову, пусть в первую очередь осмотрит солнечные батареи, — повторил Калве уже в третий раз.

Азаров, наконец, понял, чего он хочет, кивнул. Действительно, без источников энергии им придется плохо.

Прибавив мощность, он начал вызывать в микрофон. Наконец голос Сенцова, как сквозь подушку, ответил: «Ба-

тарен? Да ладно — подожди ты там со своими батареями...» Азаров пожал плечами. Потом в наушниках кто-то забормotal. Можно было разобрать только, что это голос Раина. Сенцов воскликнул ему в ответ: «Не может быть!»

Азаров торопливо переключил прием с телефонов на динамик, чтобы было слышно всем, и нетерпеливо закричал в микрофон: «Ну, что там? Да ну же, отвечайте!» Но голоса делались все неразборчивее. Вошедший из коридора Коробов остановился у двери — он услышал, как из динамика донеслось раинское: «Смотри, смотри!..» На этом связь окончательно прервалась. Только густое фоновое гудение доносилось из динамика.

Азаров стремительно протянул руку — усилить напряжение, и в этот момент все трое почувствовали, как дрогнул и стал ускользать из-под ног покатый пол рубки...

5

В выходном отсеке Сенцов и Раин на миг задержались. Двигаться в скафандрах показалось непривычно тяжело. Раин почувствовал капли пота на лбу, а стереть их было нельзя, хотя астроном и попробовал, вытягивая шею, дотянуться лбом до верхней непрозрачной части шлема.

Сенцов отодвинул один за другим два предохранителя. Секунду внимательно смотрел на Раина. Тот кивнул. Тогда Сенцов ладонью нажал красную большую пуговицу на щитке.

Какое-то мгновение казалось, что люк вообще не откроется; потом он со вздохом уступил. Последнее, что они услышали через выведенные на внешнюю сторону шлемов микрофоны, был короткий свист рванувшегося из отсека воздуха. Затем наступила странная, невесомая тишина. Еле слышные шумы в наушниках раций заставляли морщиться, словно от грохота поезда.

Люк оказался почти над головой, однако здесь это не играло роли. Чуть присев и резко оттолкнувшись ногами, Сенцов взлетел вверх. Сел, придерживаясь за борт. За ним таким же образом последовал Раин и тоже задержался на краю люка.

Секунд десять они парили так, оглядываясь, но после яркого света в ракете разобрать что-либо вокруг было трудно: Марс прятался где-то за близким горизонтом.

А прямо перед ними — перед ними была вселенная... Они видели ее такую впервые; это не было звездное небо Земли. Здесь вселенная обнимала их со всех сторон. Они были в самом центре ее, лицом к лицу, наедине с нею. Медленно, едва уловимо она вращалась вокруг них, поражающая обилием звезд, невиданным на Земле. Их не застилала атмосфера; они сияли так ярко, не мерцая, что от их неистового света, казалось, нельзя будет больше никогда и никуда укрыться. И это было совсем не то зрелище, что в телескопе, потому что велико ли поле зрения и самого большого телескопа? За кажущейся неподвижностью светил

угадывалось стремительное движение. Далекие галактики пламенели, как застывшие взрывы. Казалось, до них можно было дотянуться — выпрямленная рука здесь простиралась во вселенную, не встречая никаких преград.

Раин вздохнул глубоко. Дрожь восторга заторопила сердце, глаза ломило от этой красоты, и Раин еще раз порадовался в душе, что из всех возможных в жизни путей он избрал звездный.

Отгоняя чары вселенной, Сенцов тряхнул головой. Смирив глазами расстояние, прыгнул; медленно, как падают во сне, опустился на поверхность Деймоса. Раин прыгнул за ним, чуть помедлив — чтобы не обогнать Сенцова и дать ему возможность первым войти в неведомый мир, как и подобало капитану.

Постояли, пока глаза не начали привыкать к темноте. Потом Раин нагнулся, присел на корточки.

— Порода какая-то странная... Коренная, разумеется, но...

Достав из зажима на поясе так называемый универсальный инструмент, он попробовал вырубить кусочек грунта. Но даже электрическое долото оказалось бессильным: то ли с непривычки работать в скафандре, то ли по другой причине, ничего у Раина не получилось. Сверхтвердый сплав долота даже не поцарапал темную поверхность планеты.

Раин пожал плечами, задумчиво убрал инструмент. Провел перчаткой по тому месту шлема, которое закрывало лоб, и сказал, почему-то перейдя на «вы» — так бывало с ним в минуты размышлений:

— Странно... Вы обратили внимание — грунт, я бы сказал, гладкий и, по всему судя, с большой отражательной способностью. С точки зрения минералогии — это нонсенс... Даже лед — ну, лед, пожалуй... Но эта твердость, а?

Но Сенцов его не слушал. Бурча что-то под нос, он отошел на несколько шагов, ступая осторожно, словно по горячим камням. Отсюда лучше было видно место, где опустилась ракета, — та скала, на которой она лежала.

— И все-таки эта посадка... — сказал он. — Ума не приложу!.. Ведь не первый же день в конце концов я за пультом! Пытаюсь вспомнить — нет, ни у кого не было ничего подобного, и никакая теория таких случаев не предсказывает. А факт налицо. А факты, как известно, дают начало новым теориям...

Он снова начал гудеть что-то под нос. Раин, подойдя к нему, сказал:

— Да, как это вам удалось посадить корабль на вершину такой скалы — не понимаю!.. Это даже не искусство, это что-то сверхъестественное. И смотрите, как ракета легла на склон — хоть сейчас взлетай... Очень удачно, очень...

— Взлетать хорошо, слетать плохо... — мрачно проговорил Сенцов.

— А вообще-то любопытно... На Земле это приняли бы за результат выветривания...

Но ветра здесь быть, конечно, не могло, да и никакой

ветер не смог бы так обработать поверхность планеты, чтобы придать скале форму эстакады, устремленной вверх под углом градусов в шестьдесят. И Раин судорожно схватил Сенцова за руку — перчатка скользнула по твердому пластику скафандра: он понял, что это не могло быть простым капризом природы.

Наверное, и Сенцов почувствовал то же самое. Он топорпливо повернул выключатель; вспыхнул голубоватым светом укрепленный на шлеме небольшой, но сильный прожектор. От него не протянулось привычного светового луча — здесь не было ни воздуха, ни пыли, и лишь где-то вдалеке, в пустоте сверкнула серебряным блеском крохотная пылинка — исчезающе малый, но самостоятельный мир.

В свете прожектора Сенцов увидел поднимавшиеся из-за близкого горизонта вершины еще двух таких же странных эстакад. И наклон у них был одинаков — у всех в одну и ту же сторону...

Сенцов, экономя энергию, выключил прожектор. И сейчас же Раин, приподнимаясь на цыпочки, словно для того, чтобы высокий Сенцов лучше услышал его шепот (хотя разговор велся по радио), пробормотал:

— Это же... Ты понимаешь? Это же...

Оба опустили на колени, принялись внимательно рассматривать поверхность под ногами. На этот раз включил прожектор Раин. Оба тотчас же зажмурились, глаза их наполнились слезами: прожектор, казалось, отражался в зеркале и бил прямо в лицо.

— Действительно, альbedo — примерно ноль семь, — сказал Сенцов. — И поверхность чистая, нет никакой пыли. Значит — защита? Наведенное поле? А выводы?

Раин, не отвечая, поднялся с колен, движения его были торжественны. Он выключил прожектор (сразу все вокруг утонуло в непроглядном мраке), откашлялся, словно на кафедре перед лекцией. Слишком велико, слишком необозримо по значению и последствиям было то, что раскрылось перед ними. Но в этот самый момент Сенцов сердито сказал:

— Вот и верь вам, корифеям, после этого!.. Вы же с пеной у рта доказываете, что спутники Марса естественные образования!

Раин не защищался. Он просто протянул Сенцову руку, и перчатки скафандров сомкнулись в рукопожатии. Не отпуская руки астронома, Сенцов сказал — по голосу чувствовалось, что он улыбается:

— Вот так-то!.. Теперь начинает проясняться и история с нашей посадкой. Раз спутник искусственный, значит...

— Значит, на нем есть хозяева! — сказал Раин, счастливо блестя повлажневшими глазами. — Они увидели нас, посадили... Встреча с иным Разумом, ты понимаешь? Подумать только, мы могли пройти в каких-нибудь семи тысячах километрах и ничего не узнать! А еще говорят, что не бывает везенья...

Они были счастливы в этот момент. В самом деле, как иначе назвать встречу с Разумом, обитавшим, как оказа-

лось, совсем по соседству с их родиной. По расчетам, события этого следовало ждать еще поколениям, а их, оказывается, отделяли от него лишь часы или даже минуты...

Не разнимая рук и не сознавая даже, что они делают, оба торопливо зашагали вперед по гладкой поверхности. Это был чисто инстинктивный порыв, в котором не участвовал разум, а подталкивало вперед лишь подсознательное желание скорей, как можно скорей встретить разумных братьев, творцов и создателей этой искусственной планеты. Они почти бежали, забыв о необходимости соизмерять движения с небольшой силой тяжести и высоко подскакивая от этого при каждом шаге.

Так они пробежали метров пятьдесят, и возвышение, на котором лежала ракета, стало уже отодвигаться к горизонту. Тогда Сенцов внезапно остановился.

— Постой!... — сказал он. — Куда это мы вдруг помчались?

— Как это куда? — изумленно спросил Раин, тоже останавливаясь.

Потом внезапно рассмеялся.

— Да, действительно — помчались!... — весело проговорил он.

Сенцов нахмурился, сердито засопел. Ему стало стыдно за такое легкомыслие. — побежали, как мальчишки.

Тут к ним из наушников и донесся голос Азарова, напоминавший о батареях. Сенцов разозлился еще больше: сколько минут потеряно на какую-то беготню! Разведчики, называется!..

Оба быстро пошли назад, к ракете. Стараясь не отстать от Сенцова, Раин размышлял о том, как лучше включить в обследование спутника весь экипаж. Ну, одного Сенцов, конечно, непременно оставит на дежурстве, но остальные-то могут выйти из корабля. Раз спутник искусственный — значит, встреча с его хозяевами состоится. И чем больше людей выйдет за пределы ракеты, тем больше шансов скорее отыскать если не самих хозяев, то хотя бы ведущий к ним ход, если они по какой-то причине сами не хотят выйти из внутренних помещений. Придется как-то продумать способы переговоров, передачи хотя бы основных понятий, установления какого-то общего языка, чтобы возвратиться на Землю не с пустыми руками, а с грузом тех знаний, которые космонавты смогут почерпнуть у хозяев этого мира — очевидно, превосходящих людей, во всяком случае, по уровню технических знаний; Раин судил так потому, что на Земле еще не умели монтировать в пространстве такие гигантские спутники. Разобраться во всем было так интересно, не говоря уже о том, что надо было получить ответ на вопрос, почему такие близкие соседи до сих пор не навестили Землю, что Раин поймал себя на мысли: «А неплохо было бы здесь задержаться подольше...» И даже восторженно помотал головой, подумав о том, какую бурю поднимет их открытие среди ученых всего мира — да только ли среди ученых!

— Да ты что, уснул, что ли? — в этот момент Сенцов хлопнул его по плечу.

— А? Нет. Я слушаю, как же, — сказал Раин. — Я вполне согласен...

Сенцов усмехнулся, начал терпеливо повторять:

— Сначала осмотрим корму. Ее, наверное, здорово потрепало. Конечно, может быть, и не стоило в последний момент включать рули... — Последнее замечание далось Сенцову не очень легко. — Потом — солнечные батареи. И в зависимости от результатов составим план работ. Если никаких серьезных повреждений нет, возьмемся за перекачку топлива.

Они подошли к корме и снова поразились строгим геометрическим формам сооружения, на которое опирался корабль. Поверхность планетки поблескивала у них под ногами, кое-где в ней отражались даже звезды. Но это был не металл, а, скорее, какая-то пластмасса или даже керамика.

Однако изучать ее сейчас было некогда. Сенцова все больше беспокоили частые перерывы связи с ракетой, хотя они стояли совсем рядом с ней — только на несколько метров ниже. Следовало скорее возвращаться к товарищам.

Но как попасть обратно в ракету? Ее корма нависала над ними, упираясь амортизаторами в покатый выступ странной эстакады. Один из амортизаторов, кажется, был основательно покалечен. Но это неважно — все равно ведь основную ступень ракеты придется отбросить, оставить здесь.

Пока Сенцов ломал голову, как по гладкой вертикальной поверхности взобраться наверх к ракете, а если просто прыгнуть, то за что же уцепиться, Раин, видно, думал совсем о другом.

— Тут бы неплохо поставить телескоп, — мечтательно сказал он. — Хотя бы и без магнитного устройства: лучших условий для наблюдений Марса и не придумать.

Сенцов хмуро ответил:

— Подождать придется с телескопами... Похоже, что... — и вдруг вскрикнул, схватил товарища за плечо: — Смотри, смотри!..

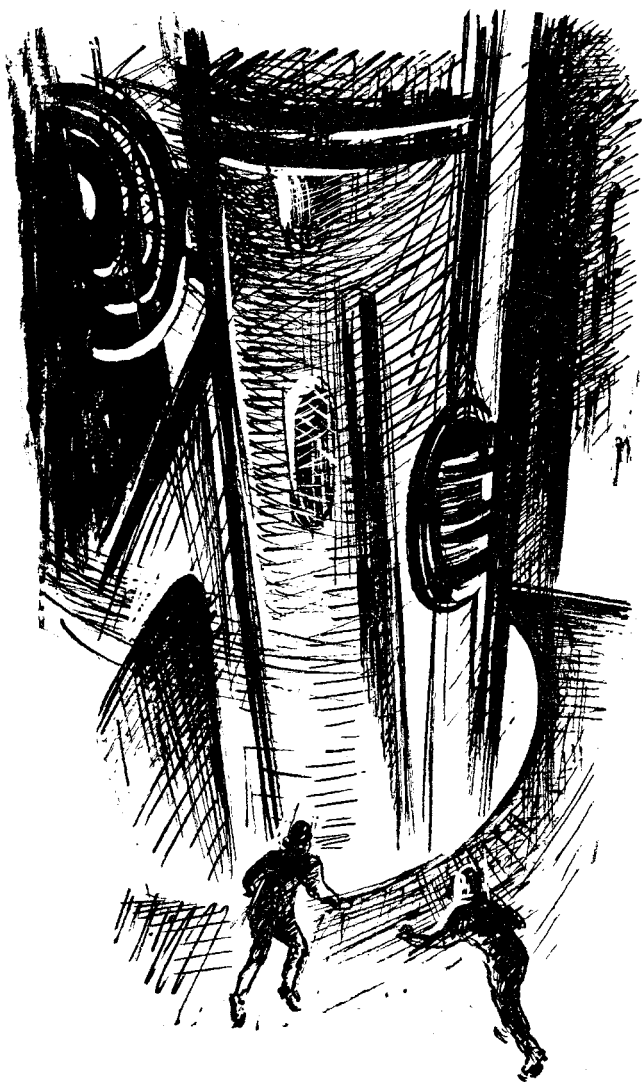
Гладкая поверхность внезапно задрожала под ногами. Ракета дернулась и медленно заскользила по эстакаде кормой вперед, как бы погружаясь в тот самый выступ, на который только что опиралась. Металлический борт корабля тускло блеснул в луче прожектора. Еще мгновение — и ракета исчезла, провалилась куда-то внутрь планетки. Эстакада была пуста...

6

Ракета скользила бесконечно долго — казалось, проваливалась к самому центру спутника. Однако это не было падением: скорость не возрастала. Похоже было, что какой-то механизм опускал их...

Внезапно ракета остановилась. Сидевший у радиации Азаров попытался встать на ноги, но непонятное скольжение на-

чалось снова. Коробов смотрел на циферблат хронометра; секундная стрелка так медленно перескакивала от деления к делению, словно каждый раз ей приходилось подолгу собираться с силами. «Как в агонии...» — подумал Коробов. И в этот миг ракета остановилась окончательно.

— Семнадцать секунд... — ровным голосом сказал Коробов и на какую-то долю мгновения пожалел, что спуск закончился. Теперь надо было принимать решение, а Сенцова не было рядом.

— Зачем это они? — спросил Калве растерянно.

— Кто? — спросил Коробов и тут же понял его мысль. — Ты думаешь?.. — И вдруг вытянул руку, призывая к тишине.

Все прислушались. Было явственно слышно, как кто-то постукивает, скребется, трется о металлическую броню ракеты. Впечатление было такое — и всем сразу припомнилось это, — будто вдоль ракеты ходит осмотрщик, постукивает молотком по оболочке, как по вагонным колесам, и что-то деловито бормочет.

Одновременно экраны начали светлеть, словно за бортом ракеты занималась слабая заря. В ее свете стали смутно видны какие-то вогнутые поверхности, непонятные аппараты, приборы... Мимо одного из экранов промелькнула округлая тень, сейчас же послышались шорохи со стороны левого борта. Азаров с шумом выдохнул воздух.

Но Коробов уже полностью овладел собой. Обстановка требовала действий быстрых и решительных, и он готов был действовать.

— Внимание! — сказал он, быть может, чуточку громче, чем следовало. — Искусственный спутник... Сейчас мы встретимся с ними. Как понимаете, церемониал таких встреч пока еще не разработан, но в общих чертах задача ясна: достойно представить свою планету... В любом случае мы немедленно принимаем меры к розыску оставшихся на поверхности товарищей, если их еще не доставили сюда. Помните, что как бы они там ни выглядели, встречаемся мы с друзьями: у них не может быть никаких причин враждебно отнестись к существам с иной планеты, к братьям по Разуму. Встречать их будем у люка... Слышите? — прервал он сам себя. — Опять стучатся...

— Одному надо остаться в ракете, — сказал Калве и сделал шаг по направлению к шкафу со скафандрами.

— Я пойду, Игнатьич! — сказал Азаров. — Хоть теперь-то...

— Нет, — ответил Коробов. — Минуточку! — оборвал он собравшегося что-то возразить Азарова. — Для дискуссионный будет отведено специальное время... впоследствии. Пока твоя задача — наладить связь с нашими, и не терять связи с нами, если мы будем вынуждены выйти из ракеты.

Азаров замотал головой; но покорно отошел к рации, сел, начал что-то лихорадочно чертить на листке бумаги. Коробов оглядел рубку, сложил стопочкой на откидном столике рабочие тетради, рукавом смахнул с матово блестящего пульта какую-то пылинку, еще раз оглядел все критическим взглядом.

— Ну, пошли...

Быстро надели скафандры, проверили кислород, связь. Калве сказал:

— Захватим по запасному баллону... на всякий случай.

— И аптечку возьми... тоже на всякий случай, — ответил Коробов.

Калве мысленно усмехнулся: видимо, полной уверенности относительно благополучного исхода встречи у пилота все же не было...

Вышли в тамбур. Постояли, пока вокруг них бушевало ультрафиолетовое излучение: такой душ полагалось принимать всякий раз при выходе и входе, чтобы не вынести и не занести в ракету ни одного микроба.

Люк открывался медленно. Наконец над их головами засветился, замерцал серым рассеянным светом выход. Они не услышали свиста, с каким воздух из тамбура должен был стремительно вырваться в пустоту.

— Какая-то атмосфера здесь, значит, есть... — сказал Коробов. — Ну, да оно и понятно: раз есть живые...

Он неотрывно глядел на отверстие люка, откуда должны были показаться эти живые. Они медлили. Прошла минута, вторая, третья, а ни одно живое существо так и не появилось. Коробов усмехнулся, сказал:

— Да, смельчаками их не назовешь... Ну что же, покажем пример...

Он вылез наружу, огляделся. Ракета наклонно лежала на длинной, чуть вогнутой платформе, один край ее — с той стороны, где находился люк, — они могли рассмотреть во всех подробностях. Двумя уцелевшими кормовыми амортизаторами ракета, очевидно, во что-то упиралась. Стучавшие в оболочку куда-то скрылись — никого не было видно, но вылезшему вслед за пилотом Калве все время казалось, что он чувствует чей-то пристальный, неотступный, тяжелый взгляд.

— Что же, прыгнем? — спросил Коробов. — Невысоко, метра три до пола...

— А обратно?

— Обратно нас будет четверо, справимся, посадим друг друга, — сказал Коробов уверенно, как будто не впервые приходилось ему разыскивать друзей на чужих искусственных спутниках.

Осторожно, придерживаясь за люк, они спрыгнули на край платформы.

— Тяготение порядка одной пятой земного, — прикинул Калве.

— Значит, искусственная гравитация для марсиан не проблема, — ответил Коробов. — Вот чему бы научиться...

Подойдя к краю платформы и еще раз оглядевшись в надежде увидеть хоть одно живое существо, они спрыгнули на пол. Осторожно ступая, отошли от ракеты на несколько шагов. Калве глянул на часы, потом — на абсолютный термометр.

— Двести семьдесят восемь — значит, пять по Цельсию... Давление — триста.

— Что ж, приемлемо, пока мы в скафандрах, — спокойно откликнулся Коробов. — Но куда же мы в конце концов попали? Где гостеприимное население? Где оркестр, цветы?

Они находились в большом, похожем на ангар зале. Внешняя широкая стена его, в которую упиралась эстакада с лежащей на ней ракетой, была чуть выгнута наружу, противоположная, узкая, казалась выпуклой, словно обе были выстроены по дугам концентрических окружностей. Плавно, без углов стены переходили в высокий потолок.

Вдоль стен этого огромного зала, который эстакада с ракетой делила точно пополам, возвышались какие-то машины или приборы неизвестного назначения; форма их была, видно, хорошо продумана, точно выверена, хотя и казалась непривычной для земного глаза: много острых углов, вогнутых поверхностей, нависающих, выдающихся плоскостей. Но все они создавали впечатление стройной системы, объединенной общим замыслом и стилем. Коробов привык по внешнему виду машины судить об общем уровне технической культуры, и похоже, здесь этот уровень был достаточно высок.

Отовсюду дружелюбно — или это так казалось? — подмигивали разноцветные огоньки. Вдоль стен тянулись трубы и кабели со множеством ответвлений, вентилях, патрубков, непонятных грибообразных отростков, блестящих голубым блеском наконечников, экранов с нервно пульсирующими огоньками. Разреженная атмосфера доносила легкий гул. Но никого не было видно, никто так и не захотел показаться людям. Очевидно, хозяева предпочитали наблюдать за гостями откуда-нибудь из укрытия.

— А проводочка у них наружная, — сказал Коробов. — У нас такого безобразия бы не допустили.

Калве кивнул. Он не удивился замечанию Коробова: и у него самого было такое чувство, словно это не на другой планете находились они, а просто на каком-то вполне земном заводе, хотя и неизвестного назначения. Здесь ничто не тяготило таинственным, потусторонним. Наоборот, хотя многое для них и оставалось пока непонятым, но в принципе было схоже с тем, что оставили они на Земле. Хотя бы вон та машина, определенно напоминавшая формой автомобиль, только почему-то перевернутый вверх колесами, и, конечно, это был вовсе не автомобиль — просто воспринимался именно так по земным ассоциациям. Над этим стоило поразмыслить. Но для размышлений сейчас не было времени.

Калве вздохнул, вспомнив о земных лабораториях, об «умной» тишине вычислительного центра, в которой было так приятно думать... Но Коробов уже зашагал по залу.

— Ну, раз хозяева не показываются, мы их ждать не станем. Надо самим искать ход на поверхность: наших здесь, судя по всему, еще нет, значит они остались наверху. Один ход наверняка есть — там, где прошла ракета.

— Но нам его не откроют, — возразил Калве.

— Может, и открыли бы, если им объяснить, — с досадой сказал Коробов. — Да объяснять-то некому, вот беда!..

— Поищем другой, — сказал Калве. — Мне кажется... по-моему, в том конце зала — видишь, не по оси эстакады, а правее — какая-то ниша в стене.

Оба торопливо пересекли зал. Действительно, это было похоже на выход. Только как его открыть, было совершенно непонятно. На двери — вернее, на пластине, перегораживавшей нишу, — не было ни намека на рукоятку или на замочную скважину.

— Да, эти самые местные жители... — сердито начал Коробов.

— Вот они! — прервал его Калве.

7

В длинном коридоре тусклым сероватым светом горели светильники, покрытые слоем пыли. Они сами зажигались перед идущими и гасли, оставшись позади.

Почему-то Раину пришли на память монументальные пирамиды фараонов с их скрытыми потайными переходами. Там так же, наверное, археологов давили стены таинственной неизвестностью. Но это ведь на Земле, а тут...

Они шли торопливо, внимательно оглядываясь по сторонам. Было пройдено около сотни метров, а коридор все не кончался, по-прежнему уводил их все дальше — прямой, без единой двери, без единой детали, которая нарушала бы однообразие. Казалось, он шел совершенно горизонтально, хотя в этом необычном мире вряд ли можно было целиком доверять своим ощущениям. Лампочки индикаторов радиоактивности слабо тлели в шлемах скафандров, напоминая о постоянном небольшом излучении.

Полчаса тому назад, на поверхности, когда лежавшая, казалось, неизбежно ракета вдруг скользнула вниз и так непонятно исчезла, оставив их одних в пустоте, им сгоряча показалось, что все кончено. И в самом деле, не пробиваться же сквозь материал, который сталь даже не царапала!

Несколько секунд они сидели молча, мысленно прощаясь со всем, что было дорого в жизни. Раин подумал, что если бы не Сенцов рядом (слышно было, как он яростно, шепотом выругался), то от такого полного, абсолютного одиночества посреди вселенной в пору было завыть, глядя на звезды.

Но как-то сразу, одновременно оба обнаружили, что как бы там ни было, умирать они все же не собираются. Тогда Раин сердито сказал:

— Вот они, ваши ракеты... Допрыгались!..

— А ракеты тут при чем? — зарычал Сенцов и, махнув рукой, полез на эстакаду.

— Зачем им понадобилось втягивать ракету, не понимаю! — бурчал он.

— Они могли и не заметить, что кто-то вышел из нее.

— Нечего сказать — хорошо у них тогда организовано наблюдение! — совсем рассердился Сенцов. — За такие вещи с работы снимают...

Они с трудом нашли запиравшую вход пластину — так плотно, почти без швов легла она обратно на место, проглотив ракету. Поднять ее нечего было и думать: она весила, верно, даже в этом мире уменьшенной тяжести мно-

гие тонны. Повозившись около нее минут пять, космонавты поняли, что это совершенно бесполезно.

— Давай-ка думать быстрее, — сказал Сенцов. — Кислорода у нас осталось примерно на час. Длительные прогулки вне ракеты программой нашего полета не предусмотрены. Это нас научит в будущем... — Он не окончил фразы, махнул рукой. — В общем будем искать, пока хватит дыхания.

— Во всех романах всегда не хватало кислорода, — сказал Раин.

— Ничего удивительного, — откликнулся Сенцов. — Много ли входит в такой вот баллончик?

— Да, — согласился Раин, распрямляя усталую спину. — А вес их чувствуешь даже здесь...

Сенцов ничего не ответил и начал спускаться с эстакады.

— Боюсь, чтобы ребята там чего-нибудь не натворили, — сказал он уже снизу. — Они же обязательно кинутся нас разыскивать. Вступят еще в конфликт с этими, наделают дел...

Раин только зажмурил глаза — такой родной показалась ему в этот миг опостылевшая рубка корабля, тесная жилая каютка.

Посоветовавшись, они решили разойтись и искать вход, описывая круги, постепенно захватывая все большую площадь. Сенцов сразу двинулся вправо. Раин пошел в другую сторону, в обход эстакады.

Пролезая под выступом платформы, он низко пригнулся, и в глаза ему бросилась какая-то светлая полоса, будто белыми нанесенная на более темную поверхность спутника. Раин внимательно осмотрел полосу. Нет, это была не краска, это был металл — металлическая дорожка сантиметров десяти шириной, проложенная по оболочке, вернее — в ней, так, что она ни на миллиметр не выдавалась над поверхностью. Металл тускло отсвечивал серебром.

Раину пришло в голову, что эта металлическая лента, назначение которой было непонятно, могла привести к ходу вовнутрь, по крайней мере идти по ней было вернее, чем бродить наугад.

Раин замигал прожектором, подзывая Сенцова.

— Есть? — спросил тот, поспешив к товарищу.

Оба двинулись вдоль металлической полосы. Не прошли они и тридцати метров, полоса внезапно оборвалась. Космонавты переглянулись в растерянности.

И в этот миг они почувствовали, как площадка под их ногами начинает медленно опускаться. Словно лифт, она уносила их в недра искусственной планеты.

Но вот площадка плавно остановилась. Сразу загорелся бледный свет. Другим он показался ослепительным. Раин не смог скрыть торжествующей улыбки: выбрались!.. Сенцов сказал возбужденно:

— Слышишь, шипит? Воздух...

Люк над их головами закрылся.

Небольшое квадратное помещение, в котором они оказались, на первый взгляд не имело дверей. Но не успели

они об этом подумать, как одна из стен стала медленно, словно нехотя подниматься.

— Приглашают... — сказал Сенцов.

— Что ж, согласимся... — в тон ему ответил Раин.

Но приглашала разве что сама дверь. За ней никого не оказалось. Просто открылся вот этот коридор, по которому они шли уже несколько минут, следуя за убегающей все дальше металлической полосой.

...Пройдя еще метров двадцать, Сенцов сказал:

— Похоже, что он никогда не кончится. Ты сориентировался, в какую сторону мы идем? Я, когда спускались, посмотрел: полоса шла левее по сравнению с направлением на эстакаду.

— Сейчас подсчитаем... — сказал Раин. — Форму спутника примем за шарообразную. Расстояние между соседними эстакадами я определяю примерно в двести метров. Прямая видимость была...

Раин умолк, погрузившись на ходу в вычисления. Потом сказал:

— Если я верно рассчитал, коридор идет строго в радиальном направлении. Иными словами, к центру спутника. Это, кстати, говорит о том, что аппараты, наводящие поле искусственной гравитации, расположены не в центре планеты. По логике, где-то мы должны будем обнаружить и поперечные ходы. Значит, пока все в порядке.

— В порядке-то в порядке, — сказал Сенцов, — а вот радиоактивность здесь повышена. Не идем ли мы куда-нибудь прямо в дьявольскую кухню? К тому же не похоже, чтобы здесь часто ходили: очень уж пыли много...

Действительно, тонкий слой пыли лежал на полу, покрывая стены.

— Что ж, — сказал Раин. — Свернем, как только представится возможность. Сворачивать надо вправо: ракета должна находиться именно в этом направлении.

— Интересно, что там у них такое...

— Очевидно, какое-то подобие хранилища или ангара.

— Ну, уж и подобие... — усмехнулся Сенцов. — Какое же тут подобие? Тут настоящее, нам еще поучиться. Ох, уж этот великопланетный шовинизм!..

Раин засмеялся, хотел что-то ответить — и в этот момент увидел нечто, заставившее его бегом броситься вперед.

— Вот! — Он остановился перед нишей в правой стене коридора. — Не здесь ли ход в сторону?

Сенцов торопливо подошел, осмотрелся. Такая же ниша виднелась и на противоположной стороне коридора. Но он двинулся дальше, в глубь спутника.

— А лента-то уходит туда... — пробормотал он. — Очень интересно, что там может быть?..

С минуту они стояли на месте, раздумывая. Но так хотелось побольше узнать — уже сейчас, в самом начале — о скрытых здесь тайнах, что оба разом тронулись с места — снова дальше вперед, по коридору — и уже через две минуты уперлись в наглухо перегородившую его стену.

— Должна открываться, — уверенно сказал Сенцов, пойдя к самой преграде.

Тотчас же лампочка индикатора в его шлеме запылала заметно ярче. Сенцов отпрянул, нервно провел рукой по скафандру, как бы отряхиваясь.

— Так и есть, чертова кухня, — сказал Раин. — Ладно, сюда мы еще заглянем...

Вернулись к нишам. Раин включил прожектор. Под слоем пыли угадывалась невысокая ступенька.

Не раздумывая, он наступил на нее ногой. Под полом что-то чуть слышно щелкнуло, стена беззвучно, медленно поднялась, уползла вверх. За ней оказалась — на расстоянии двух метров — вторая такая же дверь.

— Рискнем! — сказал Сенцов.

Они вошли в этот своеобразный тамбур. Поднявшаяся ранее плита осторожно, словно опасаясь их задеть, опустилась. И как только она коснулась порога, тотчас же поднялась внутренняя.

За ней снова был коридор, на этот раз поуже. Точно так же вспыхивали и гасли лампы...

Раин пробормотал строку из Багрицкого: «Коридоры в коридоры, в коридорах — двери...»

— Дверей-то как раз и нет, — сказал Сенцов. — Разыщем, ничего... Вспомни что-нибудь поинтереснее.

— Я так... — смущенно ответил Раин. — А заметь, любопытно: коридор изгибается влево. Значит, наши рассуждения были правильны.

— Ну, вот и дошли, — сказал Сенцов и остановился перед нишей уже знакомого вида. Уверенно нажал на ступеньку.

И здесь дверь была с блокировкой — двойная.

— Seriously построено, — сказал Сенцов. — А где же наши?

За дверью была темнота. Но вот замигало — сначала робко, потом все более уверенно. И, наконец, сероватый мерцающий свет, словно светился сам воздух, озарил внутренность огромного зала, разделенного пополам наклонной эстакадой.

На ней ничего не было.

Они постояли несколько секунд, скрывая разочарование. Потом Сенцов (он все беспокойнее поглядывал на часы и на кислородный манометр) поторопился:

— Пошли дальше.

...Снова коридор, двери и зал, залитый сероватым светом, и посреди него эстакада. Сенцов торжествующе сказал:

— А вот здесь уже кое-что интересное!

— Я же говорил, что они находятся поблизости... — пробормотал Раин.

Широкими шагами оба направились вперед, высоко подлетая над полом, пока Сенцов не сказал:

— Ну, а теперь-то чего мы так торопимся?

На эстакаде, видимая смутно, как сквозь туман, лежала ракета. Они подходили к ней неторопливо, точно возвращаясь с дачной прогулки.

Сенцов проворчал:

— Никаких работ не ведется... Что они, спят, что ли? Ну, дождется у меня Коробов!..

Раин покачал головой: тут что-то было не так, от Коробова трудно было ожидать такой нераспорядительности.

— И рация выключена, не отвечают, — сказал он. — Возможно, увлеклись внутренним ремонтом. Мало ли что могло случиться. А вдруг ребята пострадали?

— Или их там уже нет, — мрачно сказал Сенцов, убегая шаг.

Раин взглянул на часы. Кислорода оставалось на двадцать с небольшим минут.

Внезапно Сенцов так резко остановился, что даже качнулся вперед — если бы не присоски на подошвах, он наверняка бы упал. Раин с разбегу чуть не налетел на него. Сенцов негромко сказал:

— Посмотри-ка внимательно: это наша ракета?

Да, теперь они видели уже отчетливо, что ракета, лежащая на эстакаде, была создана не на Земле.

Как будто ничем особенным не отличались обводы этой чужой ракеты, они были даже, кажется, не очень красивы, но вряд ли и хороший рисовальщик смог бы сразу воспроизвести их на бумаге.

Этот корабль казался порождением самого пространства, в котором он скользил свободно и радостно. Это сразу чувствовалось даже при беглом взгляде на его длинное тело (оно было раза в полтора длиннее ~~их~~ корабля), хотя некоторые линии и выглядели непривычно для земного глаза. Но они были наверняка обусловлены какими-то требованиями пространства, пока непонятными людям, как не были им понятны в тридцатых годах этого века необычные законы дельтовидного крыла.

Сенцову подумалось, что такой корабль идет неуклонно, словно луч света, пронзая поля гравитации, как игла — мешковину.

— Это не наш корабль, — сказал Раин, подтверждая теперь уже очевидную истину.

Сенцов немного покашлял, глухо ответил:

— Да, красота какая... Ничего не попишешь — придется возвращаться. Тут пусто, никто и не заходил: каждый след отпечатался бы в пыли.

— Они наверняка в следующем отсеке, — сказал Раин. — Мы идем правильно.

Оба повернули к выходу. Раин с тревогой заметил, что двигался Сенцов уже не с такой легкостью, как раньше, и тяжелое дыхание его отдавалось в наушниках грозным шумом. Ясно: силач Сенцов первым должен исчерпать запас кислорода, ему уже трудно дышать...

Словно прочитав мысли товарища, Сенцов глухо сказал: «Ну, только не отставать...» — и с заметным усилием зашагал быстрее.

В момент, когда до двери оставалось шага два, свет в зале внезапно погас, непроглядная темнота окружила их. Инстинктивно оба включили прожекторы. Раин первым нажал

на ступеньку — дверь на это никак не реагировала. Тогда за ним со злостью топнул по ступеньке и Сенцов. Чувствовалось, как площадка свободно оседает под ногами, где-то под ней едва слышно в разреженной атмосфере щелкали переключатели, но дверь не открывалась.

Сенцов обессиленно опустился на пол, хрипло сказал:

— Ну, теперь, кажется, влипли основательно...

Помолчал. Потом, словно эти слова показались ему недостаточно ясными, добавил:

— Подвела автоматика... Правильно ее критиковал Азаров.

— Автоматы автоматами, а мы — люди, нам положено быть умнее, — откликнулся Раин.

— Что ж, — с трудом проговорил Сенцов после долгой паузы, — остается одно: осмотреть ракету.

Раин удивленно посмотрел на него и вдруг понял: в ракете может быть кислород, если только она не автоматическая или телеуправляемая. Если только в ней летели живые существа, то дышать они должны были кислородом — во всяком случае, за это было девять шансов из десяти. Вдруг хоть аварийный запас его остался в резервуарах!

Подтащив товарища к эстакаде, Раин начал карабкаться по скользким отвесным балкам. Несколько раз он срывался и едва не порвал скафандр. Но в конце концов все же вскарабкался на платформу.

Теперь надо было найти люк: ведь должен же был экипаж как-то входить в ракету. Она не могла быть автоматической. Ее совершенные формы убеждали Раина, что только для людей (так Раин для простоты называл про себя строителей спутника) должна быть она создана.

Он полз и полз вдоль ракеты, а люка все не было. Конечно, вход мог находиться и на другой стороне. Успеет ли он добраться до него? Раин и сам уже начинал задыхаться, а Сенцов, верно, совсем плох. Что он там бормотал насчет люка, пока Раин пристраивал его у подножья эстакады?

Раин полз и шарил рукой по обшивке корабля, а она была все такой же гладкой — никаких следов от ударов метеороидов, ни одной царапины — идеально полированная сплошная поверхность. Но ведь люк должен быть! И не может он закрываться, входя в пазы с точностью до микрона.

Он совсем уже пришел к выводу, что люка ему не найти, когда слабеющие пальцы его нащупали какую-то неровность, щель или трещину. Люк? Он повел пальцами по этой едва заметной бороздке. Она уходила вверх, потом, плавно изгибаясь, поворачивала направо. Сомнений не было — это, конечно, люк, только закрытый наглухо.

Раин наваливался на него всем телом, стучал по обшивке кулаками, топтался на платформе, пытаясь привести в действие автоматический запор. Все было тщетно: люк не открывался!

Совсем обессиленный, Раин лег возле него и закрыл глаза. В скафандре тепло, кислород еще сочился из баллона — последние капли, наверное...

И тут он вспомнил о Сенцове: как тот тяжело дышал и все поворачивал, поворачивал кран, пытаясь сбегать кислород.

Сенцов там, внизу, наверное, ждал. Надо было спуститься к нему — до конца быть вместе...

Он собрал последние силы и пополз. Но не к Сенцову, а вперед, все дальше вдоль гладкого борта ракеты.

Он вспомнил, о чем именно сказал Сенцов: что люк надо искать в носовой части. Тайно для самого Раина где-то в глубине его мозга все время велся подсчет расстояния, пройденного им, и потраченных на это минут. И этот подсчет говорил, что попавшийся ему люк находился чуть ли не на самой корме корабля, где могли располагаться лишь двигатели, запасы топлива, энергетические устройства.

Рабочие же помещения, не говоря уже о жилых, должны быть где-то дальше. Конечно, у автомобиля мотор можно устанавливать где угодно — хоть спереди, хоть сзади; у межпланетного же корабля, который неизбежно должен быть ракетой, двигатель мог помещаться только в кормовой части, какой бы там планете ни принадлежал корабль. Сенцов-то это понял сразу. Как он там, Сенцов?..

Раин полз, полз, почти теряя сознание, рука его больше не скользила по борту ракеты. Что-то притягивало Раина, как магнит, и ему понадобилось собрать все силы, чтобы понять: неведомо когда вспыхнувший впереди красный огонек был этим магнитом, и к нему-то полз Раин. Он даже не удивился огоньку, как и своей уверенности, что люк должен быть где-то возле него.

Люк был здесь, где горел красный огонек, а рядом с ним были три небольших углубления, расположенных треугольником. Как будто заранее зная, что именно надо делать, Раин вложил в углубления три пальца — и очерченный едва заметной бороздкой кусок обшивки стал втягиваться внутрь корабля. Засветился неправильной формы четырехугольник с закругленными углами — вход в ракету.

Раин перевалился через порог люка. Лицо его исказила гримаса. Каждый удар сердца болью отдавался в висках. Он вполз в просторное квадратное помещение. Четыре изогнутых рычага, распрямляясь, снова вжали крышку люка в обшивку. На стенах частым, прерывистым блеском замигали огоньки. Они мигали долго. Раин зачарованно смотрел на них, не зная, что делать дальше.

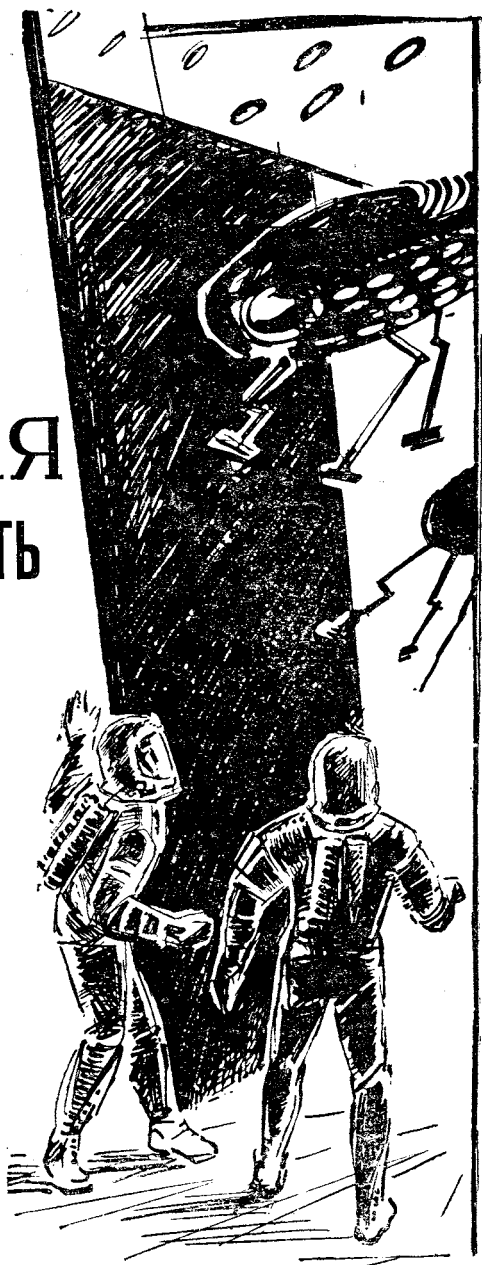
Послышалось тихое шипение. Раин скосил глаза на барометр — поднять руку к глазам не было сил. Прибор показывал, что давление увеличивается. Если даже камера, в которой находился Раин, продувалась сейчас не кислородом, а каким-нибудь ядовитым газом, выбирать не приходилось...

Стрелка барометра ползла все дальше. Раин услышал что-то хриплое, затухающее дыхание, едва понял, что это так дышит он сам, и сорвал крышку шлема...

(Продолжение следует)

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

ОСОБАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Рисунки А. Гусева,
В. Немухина

Услышав слова Калве, Коробов вздрогнул и оглянулся. Оно выбралось откуда-то из-под эстакады — странное, уродливое существо, похожее на большую блестящую лягушку, и с глухим воем стремительно метнулось вперед. Неподалеку от них остановилось, повисло в воздухе метрах в трех от пола.

— Летает... — изумленно прошептал Калве.

Лягушка вытянула длинные передние лапы — только их было три, с плоскими присосками на концах. Лапы прижались к стенке ракеты. Короткие пронзительные свистки прорезали тишину; даже под защитой скафандров захотелось зажать уши — так неприятен показался звук.

Затем лапы вытянулись, и с минуту марсианин — или как его назвать? — висел неподвижно. Снова Калве почувствовал на себе странный, внимательный взгляд. После этого летающая лягушка рывком скакнула дальше. Вновь раздался пронзительный звук, словно с визгом разрывалась сама оболочка корабля.

— Э-э... — сказал Коробов. — Они нам ракету испортили...

— Эй! — крикнул он и взмахнул рукой.

И неведомое существо словно послушалось, ускользнуло куда-то под ракету.

— На чем он держится, не пойму, — сказал Калве. — Ни ног, ни крыльев... Нет, как хочешь, а это автоматическое устройство, действующее по программе или же телеуправляемое.

— Значит, в розысках они нам не помогут ни на грош, — невесело сказал Коробов, по-своему оценив сообщение Калве. — Ага, еще одно! Или опять то же самое?

Действительно, еще одна такая же лягушка появилась наверху. Она парила над ракетой, прикладывала к ней свои присоски. Потом скрылась вслед за первой. Коробов опустился на колени, внимательно исследовал оболочку в тех местах, где к ней прикасались присоски.

— Нет следов никаких, — успокоенно сказал Коробов и стал спускаться. — Что им нужно, не пойму, но вреда от них, видимо, нет.

— Трудно сказать, что им нужно, — задумчиво произнес Калве. Коробов подошел к нему, нерешительно потоптался на месте. Он не знал, что делать дальше: и корабль нельзя оставить без присмотра, и товарищей надо искать...

— Ладно, — сказал он наконец. — Разыщем ребят, тогда... А то уж двадцать шесть минут гуляем без толку...

Они подошли к двери. Калве включил прожектор, пробормотал:

— Простейшее решение? Механическое воздействие. Достаточно нажать вот на эту планку... А ты видишь, что здесь давно никто не ходил? Пыль не тронута... Это, вернее всего, означает, что живых на спутнике действительно нет. Автоматы — единственные его жители. Ну что ж... А как там, в ракете?

Коробов начал вызывать Азарова. Ракета не отзывалась.

— Опять нарушения связи, — сказал Калве. — Ионизация, что ли, влияет?

Продолжение. Начало см. в № 3.

Коробов что-то проворчал; набрал побольше воздуха в легкие и, повернув регулятор на полную мощность, рявкнул в микрофон так, что тоненько запело, резонируя, прозрачное забрало шлема. Азаров не отзывался... И вдруг откуда-то — казалось, совсем близко — донеслось:

— А вот здесь уже что-то интересное...

В ответ что-то забормотал знакомый тихий голос Ранна.

— Они, это они! — крикнул Калве.

Коробов заорал:

— Сенцов! Ау!

Оба рванулись к двери, готовые бежать, искать, помочь... Но звуки не повторялись, сколько ни кричали оба в микрофоны, рискуя посадить аккумуляторы и сорвать голос.

А дверь с тихим шорохом ушла куда-то вверх, открывая вход в слабо освещенный коридор.

— Они живы, найдены! — сказал Калве, выглядывая в дверь.

— Теперь мы их быстро найдем! — уверенно отозвался Коробов. — Но Азаров...

— Ну, чего там? — голос Азарова раздался в наушниках неожиданно, и оба вздрогнули.

— Ну вот, — сказал Коробов. — Почему молчал? Ты их слышал?

— Кого? — быстро спросил Азаров.

— Как кого? Сенцова, понятно...

— Я другое слышал, — помолчав, ответил Азаров. — Вы где?

— Открыли дверь, — сказал Коробов. — Выходим. Мы их слышали. — Вызывай их все время.

— Счастливо. Вы там недолго... — сказал Азаров.

Как только космонавты вышли в коридор, дверь за ними снова опустилась. Дальше двинулись, лишь когда Коробов убедился, что и с этой стороны открыть дверь не составляет никакой трудности.

На миг задержались: куда идти? Коридор раздваивался.

— Может, разойтись? — предложил Калве, хотя ему вовсе не хотелось бродить в одиночку.

— Нет, не пойдет, — задумчиво ответил Коробов. — Для того мы и вышли вдвоем, чтобы помогать друг другу. Мало ли что может случиться... Давай пойдем, ну, хотя бы направо. Если они в этой стороне, обязательно наткнемся на следы: видишь, пыль какая... Если никаких следов не будет, поворачиваем назад и идем в противоположную сторону. За пять минут мы даже в скафандрах можем обследовать чуть не полкилометра. Вряд ли они успели уйти дальше...

Первая дверь попалась метров через шестьдесят. Они открыли ее. В этом ангаре тоже было пусто. Коробов уже повернулся — идти, но тут Калве вдруг схватил его за руку.

— Блестит... — сказал он и кинулся вперед, в ангар.

Коробов еще не успел сообразить, в чем дело, когда Калве с необычной для него поспешностью уже нагнулся и схватил лежавший на полу какой-то предмет. Поднес его к шлему. Затем протянул подбежавшему Коробову.

— Вот... — сказал он, переводя дыхание. — Они!

На его ладони поблескивал небольшой металлический приборчик. Это был переносный счетчик частиц. Такие находились

во всех помещениях ракеты и фиксировали те редкие частицы сверхвысоких энергий, которым удавалось пробить защиту корабля. Очевидно, Сенцов, а еще вернее Раин, выходя из корабля, взяли с собой один из этих счетчиков, не вполне полагаясь, может быть, на вмонтированные в их скафандры индикаторы радиоактивности...

— Ясно, они были здесь, — сказал Коробов.

— Я думаю даже... — проговорил Калве. — Смотри, нет ни одного следа. Они не шли — их ташили, несли! Возможно, такие же автоматы, какие мы видели.

— Ясно, — сказал Коробов. — Быстрее за ними!

Сжав в руке счетчик, он вышел обратно в коридор. Калве не отставал, только через несколько минут заметил:

— Тебе не кажется, что мы идем все время вверх?

— Похоже, — ответил Коробов. — Впрочем, может, это только кажется? А если и так, что с того?

— Ничего... — ответил Калве. — Интересно, куда этот ход нас приведет?

В конце концов он привел космонавтов опять к закрытой двери. Но теперь им уже было известно, как открывать двери в этом мире.

А за дверью был новый коридор. При входе в него им сразу бросилась в глаза голубоватая табличка на стене, покрытая какими-то видными и сквозь пыль ровными узорами из отрезков прямых линий. Калве громко вздохнул.

— Ну вот... — сказал он задумчиво.

— Что такое?

— А то, что это письменность. Значит, спутник все же населен разумными существами: автоматам письменные инструкции не нужны.

— Населен или был населен... Пойдем, — сказал Коробов, — потом будем разбираться.

Возле двери он нарисовал пальцем на слое пыли большое «К»: будет примета. Буква сразу же заиграла яркими красками.

Калве, заинтересовавшись, провел перчаткой — очистил от пыли небольшой участок стены.

— Это бы зарисовать, — сказал он, глядя на выющиеся по стене, слабо светящиеся узоры. — Очень любопытно.

— Как только найдем наших, фотографируем все, что сможем, а на Земле разберемся, — поторопил его Коробов.

Наверное, не стоило сейчас вспоминать о Земле... Пока что каждый шаг уводил их все дальше от нее, и лучше всего было заниматься делом.

Калве бросился догонять Коробова, который уже открывал новую дверь.

— Не пойму, — сказал Коробов после паузы, — это лаборатория, что ли?

Калве заглянул через его плечо.

Стены просторной комнаты заметно сужались — как будто художник переусердствовал, изображая перспективу. По обе стороны узкого прохода стояли на невысоких постаментах прозрачные прямоугольные ящики, до самого верха наполненные какой-то серой массой. Больше в комнате ничего не было, только разноцветные толстые щупальца кабелей тянулись во все

стороны от ящиков в закрытых прозрачными крышками лотках и уходили куда-то через заднюю, самую короткую стену. Освещение здесь было другое — жаркое, с фиолетовым оттенком, совсем не похожее на тот серый, мерцающий сумрак, к которому Коробов и Калве уже начали привыкать.

Они подошли к одному из ящиков. В лучах света прозрачная поверхность его слегка отсвечивала. Всмотрелись. Калве сразу же заметил, что передняя стенка, через которую ясно была видна серая масса, только издали казалась сплошной. На самом же деле она состояла из множества небольших квадратов, а весь ящик оказался разделенным на секции, точно картотека. Калве осторожно потянул одну из крышечек — на него поехал, выдвигаясь, прозрачный лоток, наполненный серой массой. Тотчас же передняя стенка ящичка залилась мигающим красным светом. Калве отнял руку. Ящичек сам медленно втянулся обратно, красный свет погас.

— Черт его знает! — сказал Калве. — Может быть, из этого они и готовят свои пластмассы? Или нечто вроде плантаций, на которых они выращивают питательное вещество? На хлореллу не похоже... В общем что-то непонятное. Тут надо осторожнее себя вести, ничего зря не трогать: хозяева обидятся, чего доброго... Да и напортить можно.

— Ни в коем случае, — согласился Коробов. — Питательное вещество? Не очень-то аппетитно выглядит...

Он снова выдвинул крайний ящичек, придерживая его пальцем, низко склонился, приблизил шлем к серому веществу, чтобы как следует рассмотреть неровную поверхность. Калве предостерегающе поднял руку, но было уже поздно. Голубая змейка вылетела из ящичка, на короткий миг затанцевала на шлеме пилота. Коробов стремительно разогнулся, взмахнул руками — за прозрачной пластмассой шлема Калве увидел его искаженное от боли лицо — и тяжело рухнул на пол, ударив при падении локтем прямо в середину медленно уползавшего на место ящичка. Снова прыгнула голубая змейка разряда. Калве схватил Коробова за плечи, оттащил на середину прохода, открыл ему подачу кислорода на полную мощность, стал делать искусственное дыхание — в скафандре это было совсем не легким делом... В момент, когда ему показалось, будто все уже бесполезно, Коробов открыл глаза, отстранил Калве, медленно поднялся на ноги.

— Нет, ничего... — сказал он. — Просто оглушило... Оказывается, это все под напряжением, и немалым. Пойдем-ка отсюда подальше, а то не ровен час...

Поглядывая на все пылавшую красным светом крышку ящичка, оба медленно пошли дальше по проходу мимо прозрачных хранилищ. Калве оглянулся. Тревожный красный огонек не гас. Почему-то спокойно от него было на душе. Коробов успокаивающе сказал:

— Это он просто сообщает, что нормальный режим нарушен...

Они подошли к задней стене комнаты. Осторожно перешагнули порог.

Круглый просторный зал открылся перед ними. Очевидно, он являлся центром, вокруг которого располагались хранилища серой массы, образующие правильный круг.

Коробов успел уже мысленно набросать схему спутника — шара, разделенного, по его предположениям, на слои, каждый из которых играл определенную роль: нижний, откуда они поднимались, — космодрома; этот — очевидно, сырьевой или пищевой базы. Впрочем, серая масса могла служить и для регенерации воздуха и мало ли еще для чего? Делать обобщения было, пожалуй, рано: они успели осмотреть лишь ничтожную часть спутника.

Все возраставшее беспокойство за судьбу товарищей не позволяло им задерживаться. У Сенцова и Раина скоро должен был кончиться кислород — оставались считанные минуты...

Они вышли в коридор, миновав по пути еще одно помещение с прозрачными ящиками. Коридор привел их опять к переборке, около которой Коробов нарисовал букву. Он был явно кольцевой, по внутренней его стороне располагались хранилища серой массы, а выводила из него лишь одна дверь — та, через которую они и пришли.

Это был тупик. Надо возвращаться к тому месту, откуда они начали поиски. Теперь стало ясно: ни Сенцов, ни Раин не шли этой дорогой.

Оглушенные этим открытием, космонавты стояли неподвижно. Коробов все еще сжимал в руке хрупкий приборчик.

— Но ведь счетчик! — уже во второй раз упрямо сказал Калве.

— Счетчик... — угрюмо сказал Коробов. — Но их здесь нет и не было. И нечего им здесь делать. Не людоеды же здесь живут, да и те скафандры не съели бы... Следов никаких. Ну, не будем терять времени. Все это когда-нибудь выяснится.

...Они почти бежали, надеясь больше всего (хотя ни один и не высказал этого вслух) на то, что Сенцов и Раин сами уже отыскивали ракету и сейчас сидят в рубке, спокойно дышат кислородом и ждут их.

Подбежав к двери в тот ангар, где стояла их ракета, они внимательно осмотрели пол. Никаких новых следов не появилось.

Тогда они бросились дальше по коридору. Вот еще одна дверь. Калве с маху опустился на колени.

Прожектор осветил ясно отпечатавшиеся на пыльном полу знакомые следы магнитных присосков, какими были снабжены у каждого из них башмаки для ходьбы в условиях невесомости.

Следы уходили под дверь. Обратных не было — значит, Сенцов и Раин могли быть только там, за дверью. И Коробов топорливо нажал на запорную ступеньку.

Дверь не открылась.

Еще не веря в несчастье, они топали по ступеньке вновь и вновь, нажимали на дверь — как будто чем-то, кроме взрывчатки, можно было взять этот материал, кричали — как будто кто-то мог их услышать.

Потом оба просто сидели возле неповинующей двери, по временам снова и снова пробуя открыть ее. У обоих была только одна мысль: если бы они сразу пошли сюда, налево...

И потом, уже вернувшись в ракету, они сидели в рубке, в креслах, не снимая скафандров, хотя это и запрещалось пра-

вилами. Они убеждали себя, что присели только на минутку и тотчас же вновь отправятся на поиски, хотя всем было ясно: это совершенно бесполезно: при самом экономном расходовании кислород у Сенцова и Раина кончился несколько минут назад.

Уже не было смысла следить за быстро бегущей по циферблату секундной стрелкой, но Калве не отрывал от нее глаз. Коробов сидел сумрачный, опустив глаза; прозрачный шлем его стоял рядом на полу; потирал лоб (нестерпимо болела голова) и слушал, что ему, размахивая руками, говорил Азаров.

Что он мог сказать? И чего теперь размахивать руками?

— Связь, связь надо было держать! — резко сказал Коробов. — Мы и то их услышали, а у тебя рация!

— Попробуй! — ответил Азаров, вертя рукоять настройки. — Вон какая чертовщина творится...

Действительно, в диапазоне между десятью и тридцатью семью сантиметрами в эфире гворилось что-то непонятное: мяукало, пищало, иногда заливалось звонкой трелью, раздавались какие-то завывания. Потом вдруг все смолкло, слышались только невнятные хриплые звуки, а через небольшой промежуток времени все начиналось сначала.

Послушав эту какофонию минут пять, Коробов приказал выключить рацию, чтобы не тратить питание.

— А может, это местные жители нас вызывают? — неуверенно сказал Азаров.

— Чепуха, — ответил Коробов. — Мы облазили чуть ли не полспутника — нигде ни следа. Я, конечно, не знаю, что значит этот писк, но...

— Я, кажется, знаю, — сказал Калве, не отрываясь от часов.

Оба посмотрели на него: Коробов — с интересом, Азаров — осуждающе. Калве отнимал у него последнюю надежду на спасение друзей, которые (окажись предположения Азарова правильными) могли бы найти приют у хозяев спутника...

— У нас просто не было времени подумать, — сказал Калве. — Если мы находимся в ангаре, предназначенном для ракеты (а мы, очевидно, находимся именно в ангаре, предназначенном для ракеты), и если нас, вернее — ангар, обслуживают автоматы (а его, судя по всему, обслуживают именно автоматы), то эти автоматические устройства должны откуда-то получать команды...

— Почему? — сказал Азаров. — Они могут и сами обладать...

— Логическими устройствами? Нет, не думаю, это противоречит принципу целесообразности. Тысяча арифмометров не заменит одной вычислительной машины... Так вот, все это дает нам основание предположить наличие достаточно сложных кибернетических устройств, ведущих управление автоматами и контроль за ними. Такой центр непременно где-то в спутнике имеется. Автоматы, как мы с Коробовым видели, не получают информацию по проводам. Нет у них контакта и с полом ангара. Следовательно, команды им передаются по радио. Вот источник этих сигналов.

— Стоп, стоп! — сказал Азаров. — Радиоволны-то сквозь стену не проходят...

— Это естественно, — сказал Калве. — Автоматов должно

быть много, частот в ограниченном диапазоне — меньше. Ангар тут не один... Значит, надо, чтобы автоматы, работающие на одной и той же волне, получали команды избирательно.

— Волноводы, очевидно... — задумчиво сказал Азаров. — Наверное, волноводы. И вы смогли услышать Сенцова и Райна только потому, что в этот момент находились где-то на концах одного и того же волновода.

Упоминание о друзьях переполнило чашу терпения Коробова. Он и так еле сдерживался: все нестерпимее (верно, от электрического удара в комнате с серой массой) болела голова, ныла рука, а Калве тут развел теорию, прямо хоть лекторий открывай, а мальчишка Азаров развесил уши и еще сам начинает строить гипотезы, а когда надо было держать связь, то он развлекался тем, что слушал всякое тарахтенье... Коробов с трудом поднял тяжелую голову, почувствовал: еще несколько минут, и он свалился здесь просто от недостатка сил.

Он медленно разогнул спину, тяжело поднялся с кресла. Азаров в это время спрашивал:

— А эти автоматы, которые вы видели, они, по-твоему, что делают?

— Летают, — мрачно сказал Коробов. — Свистят. Больше ничего не делают. А вот нам бы не мешало начать и делать что-нибудь... для разнообразия, что ли.

Калве насупился, стал медленно краснеть. Коробов выругал себя: еще доставало перессориться!

— Осмотр ракеты не закончен, — продолжал он. — Пойдем составим на месте план действий. Помочь нам никто не поможет, а засиживаться здесь мы не собираемся... С тобой пойдем, — сказал он Азарову (тот торопливо закивал, потянулся к шкафу за скафандром). — А ты, Лаймон, разденься, подежурь в рубке, потом сменишь одного из нас.

— Пока что я попытаюсь рассчитать... — начал Калве. — По-годи, в чем это скафандр у тебя?

Он потянул Коробова за локоть ближе к свету.

— Грязь какая-то. Да, наверное, эта серая масса. Когда это я успел?

— Когда падал, — сказал Калве. — Я вспомнил: ты локтем ударил прямо в лоток. — Он соскоблил с рукава Коробова темно-серые крошки непонятного вещества. — Рассмотрю их, попытаюсь понять, что же это такое. Явно органическое вещество. Иногда по структуре можно многое понять...

Калве включил рацию, кивнул товарищам. Они надели шлемы и скрылись за дверью выходного отсека. Калве остался один в ракете. Теперь здесь было непривычно тихо. Не слышалось тонкого стрекочущего шороха телеустановок, не гудела вычислительная машина, сверявшая курс корабля с программой, стрелки большинства приборов бессильно откинулись на нулевые ограничители. Калве поежился: тишина была неудобной, нехорошей; только легкое гудение рации напоминало о том, что в мире есть веселые, бодрые звуки.

Калве решил быстрее заняться делом, чтобы не замечать этой тишины. Нарочито громко шаркая подошвами, подошел к маленькому шкафчику; в нем был смонтирован портативный электронный микроскоп.

Он отделил крупинку серого вещества и включил ток. Долго смотрел на экран, осторожными движениями пальцев регулируя фокусировку, потом прильнул к окошечку. Определенно, вещество имело клеточное строение, и это была не колония простейших, а какой-то многоклеточный организм. Клетки вытянутые, с длинными отростками. Калве всматривался в них до боли в глазах, забыв обо всем на свете...

Коробов и Азаров вернулись через полчаса. Обследование не дало ничего утешительного: значительная часть элементов солнечных батарей разбита при посадке. Вышел из строя телеприемник заднего обзора, оторваны два посадочных амортизатора. Придется поработать, чтобы привести все в порядок...

Но это и нужно было сейчас каждому: работать, работать изо всех сил, чтобы хоть немного заглушить глубокую скорбь о погибших друзьях и не впасть в апатию — первый признак обреченности.

Об этом думал Коробов, ожидая в тамбуре, пока вихрь ультрафиолетовых лучей очистит на нем скафандр. Почему Калве не встречается? Пока Азаров стаскивал шлем, Коробов заглянул в рубку.

Калве сидел за столом, опустив голову, даже не повернулся на звук открываемой двери.

— Ты что, заболел, что ли? — спросил Коробов. Голос его гулко прозвучал из динамика: он еще не успел снять шлем и говорил через рацию. — Что стряслось-то?

Калве открыл глаза, облизал губы.

— Знаешь, почему погибли Сенцов и Раин?

— От недостатка кислорода, — ответил Коробов, сразу рассердившись на Калве за то, что он заговорил о вещах, о которых говорить пока не следовало. — А ты что, сомневаешься?

— В конечном итоге — да, от этого, — губы Калве скривились, он умолк. — В конечном итоге... — снова начал он после паузы. — Недостаток кислорода — это был топор... А ударили топором мы с тобой.

Коробов быстро подошел, обнял его за плечи. Калве, дернувшись, сбросил его руку.

— Нет, я в своем уме, — сказал он очень спокойно и устало. — Я не брежу... Не брежу, да... — он протянул Коробову предметное стекло с крупинкой серой массы, уже покрывшейся сверху каким-то странным, коричневого цвета налетом. — Я рассмотрел. Ты знаешь, что это?

— Ну, питательное вещество или что там... Нет? Ну, что же?

— Нет, не питательное вещество. Это ткань, можно даже сказать — живая ткань, состоящая из клеток, подобных клеткам головного мозга...

— К нам-то она имеет какое отношение?

— Мы знаем, что здесь должен быть кибернетический центр, — продолжал Калве. — Мы его нашли, только не догадались, потому что все это было слишком не похоже на наши земные кибернетические устройства. Вот эти прозрачные ящики и есть машины, очевидно, с высочайшей степенью надежности... Вместо наших микромодулярных или молектронных схем у них работает органическое вещество, понимаешь? Мы с тобой невольно повредили какую-то часть схемы, мы...

— Искусственный мозг, что ли?

— Ну, не мозг, конечно. Все это гораздо примитивнее. Не мозг, но большая кибернетическая машина, решающее устройство. А мы...

— А какое отношение все-таки это имеет к нашим? — мрачнел, спросил Коробов.

— Ну как можно не понимать! Здесь, очевидно, вся автоматика управляется из центра. Это облегчает работу и контроль. Об этом я догадывался и раньше. Ты понял, почему у них эти машины располагаются секционно, по комнатам? Наверное, весь спутник разделен на секции, как апельсин. Каждой секцией управляет своя машина. Это целесообразно: спутник не лишается жизнеспособности даже при выходе из строя одной или нескольких секций... Так вот, мы испортили ближайший к выходу блок машины. Помнишь красный свет? Он указывал на неисправность. Мы этого не знали. Да если бы и знали, исправить не смогли бы. Машина отказала, и весь комплекс ее автоматов, вся секция выключилась. Это, очевидно, тот случай, когда хозяева спутника вмешивались в работу автоматов: машина сама ремонтироваться, по-видимому, не может. Мы не знали. Но надо было предвидеть, надо! Как будто возможности техники исчерпываются нашими земными схемами! Чушь, ерунда...

Калве умолк, спрятал лицо в ладони. Коробов снова положил руку ему на плечо.

— Давай одевайся. Придется тебе идти, без тебя я не разберусь. Посмотрим на месте, что там можно сделать. Хоть так...

Калве понял недосказанное: хоть так мы их вновь увидим, сможем отдать последний долг.

Он молча встал, увидел — в дверях рубки стоит Азаров.

— Куда вы собрались? Калве совсем больной, да и ты... Что с тобой случилось? В таком виде идти нельзя.

Коробов молча отстранил его. Азаров отскочил к стене, схватился за маховичок аварийного закрывания, крикнул:

— Не выпущу, клянусь! Отдохните хоть час, полчаса!

Коробов остановился и удивленно, как будто впервые увидел, посмотрел на Азарова; понял — действительно не выпустит.

— Ладно... Отставить выход, раздеваться. Тридцать минут отдыха.

Уже из каюты Коробов угрожающе сказал:

— Но чтобы через полчаса...

Азаров плотно затворил дверь, включил электрический сон и, вернувшись на место, стал пристально смотреть в микроскоп на крохотную частичку серого вещества. Но, посмотрев минуту, не выдержал, плечи его задрожали...

Только часа через два нашли они силы выйти из ракеты. Калве все же отговорил Коробова от немедленного похода в кибернетический центр: были и более неотложные дела. Решили, что пилоты сразу примутся за ремонт, Калве же сходит наверх один и посмотрит, нельзя ли каким-либо образом вос-

становить управление тем отсеком, где на пыльном полу лежат бездыханные тела товарищей.

Калве, тяжело ступая, направился к выходу из отсека. Коробов сказал вдогонку:

— Ты, Лаймон, только там не перемудри — видишь, как с ними осторожно надо.

— Постараюсь, — коротко ответил тот.

Перед тем как выйти из отсека, Калве проверил укрепленный на шлеме скафандра инвертор. Аппарат этот давал возможность увидеть на особом экране сеть электрических токов, даже если провода будут изолированы или скрыты: улавливая возникавшее вокруг проводников магнитное поле, инвертор преобразовывал его в видимое изображение. Прибор применялся для ремонта электрических сетей ракеты, но Калве надеялся использовать его и при исследовании устройства здешних кибернетических машин.

Он уже совсем собрался открыть дверь в коридор, и в этот момент Коробов сказал:

— Опять автоматы...

Голос его раздался одновременно во всех шлемах, Азаров и Калве обернулись. Открылось несколько люков в стенах ангара — до этого, припорошенные пылью, крышки их неразличимо сливались с гладью стен; из люков показались странные конусообразные механизмы, увенчанные сверху гребнями наподобие того, как украшались некогда шлемы римских легионеров.

Машины медленно продвигались вперед в полной тишине. Двое на эстакаде и Калве перед дверью смотрели на них с любопытством и тревогой.

Роботы подплыли чуть ближе, и стало ясно видно, что «гребни» их состоят из множества тонких и гибких рычагов. Они чуть двигались, плавно, во все стороны, словно механизмы, разминали, как пианисты, пальцы.

— Ого, это сколько же у них степеней свободы? — сказал Азаров.

— Мне это очень не нравится, — сказал Калве встревожено. — Это похоже на...

И в этот миг — словно его слова были командой — роботы резко изменили направление, разделились на две группы, одна из них направилась к головной части, другая — к корме ракеты. Шушальца зашевелились, вытянулись вперед.

— Держите их! — крикнул Калве, бросаясь к ракете.

Сверкнул радужный разряд, за ним еще и еще один...

— Осторожно! — изо всех сил крикнул Коробов. — Держать-ся подальше!

Над ракетой взвились струйки голубого дыма. Сквозь них было смутно видно, как роботы в двух местах словно присосались изогнутыми рычагами к бортам ракеты. Снова блеснул разряд, за ним целая серия, а потом разряды слились в сплошное пламя. Язык его был, как факел газовой горелки — только газ не мог бы гореть в этой атмосфере, — и так ярко, что слепило глаза. Казалось, вокруг ракеты запылал весь воздух.

Закрывая глаза от нестерпимого сияния прижатых к лицу пальцами, Калве все же рассмотрел, что огненный язык вон-

зился в тело корабля и медленно повел тонкую линию разреза...

— Ракета! — только и успел вскрикнуть он, и тотчас же Коробов дико заорал: «Бей!» — и бросился на ближайшего к нему робота. Тут уж было не до вежливости, не до межпланетной дипломатии, — происходило самое настоящее нападение на корабль, и надо было защищаться.

Коробов, размахнувшись, рубанул по ближайшему роботу, но инструмент отскочил от непроницаемого панциря. Автоматы работали, словно бы никто и не пытался им помешать, и разрезы в теле ракеты все углублялись и углублялись; они шли так ровно, будто ракета лежала на операционном столе, под ножом опытейшего марсианского хирурга, в окружении целой свиты огнедышащих ассистентов.

— Надо опрокидывать! — крикнул Калве, и все втроем навалились на робота, висевшего невысоко над полом, пытаясь перекосить его, оттащить в сторону. Но конус сразу же принял прежнее положение (очевидно, его равновесие регулировали специальные устройства), один из рычагов медленно, словно бы нерешительно, изогнулся, потянулся к Азарову. Коробов едва успел, подставив подножку, швырнуть Азарова на пол.

— С ума посходили! А если он ударит? — крикнул он. — Так мы их не остановим...

Короткий грохот прокатился по залу. Из кормы ракеты вырвался огненный меч, ударил в подвернувшегося робота. Тот мгновенно покрылся пузырями, щупальца его бессильно свернулись. Через секунду изуродованный механизм опрокинулся набок, рванулся, как бы из последних сил, в сторону и рухнул на дрогнувший пол.

Казалось, покинутый людьми корабль решил обороняться своими силами. Потрясенный этим зрелищем, Коробов подпрыгивал на месте, сжав кулаки, кричал: «Дай им еще... еще дай!» И вдруг с ужасом понял, что произошло: автоматы заделали своими горелками топливные баки. Топливо не могло вспыхнуть в инертной атмосфере, но, видимо, какой-то не в меру усердный робот вспорол и бак, в котором содержался окислитель.

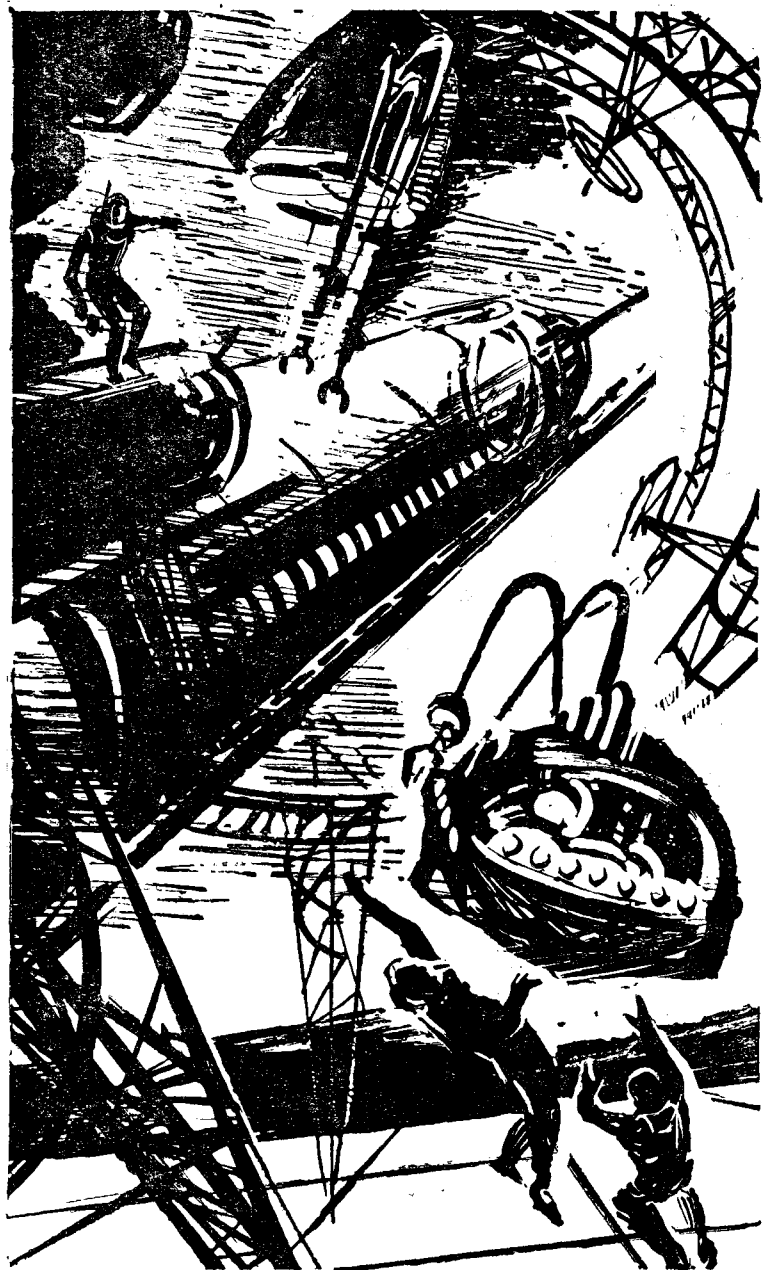
В любой миг мог произойти взрыв, способный разнести весь ангар! Коробов хотел уже крикнуть, чтобы товарищи спасались...

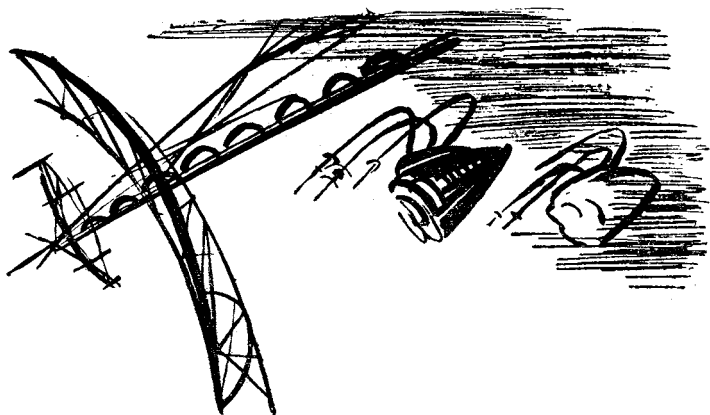
Но в этот момент огненный смерч погас. Остальные роботы вытянули по одному щупальцу в сторону бушевавшего пламени. Взвилось коричневое облачко, и пламя сразу опало.

Затем снова раздались гулкие удары: это почти одновременно в носовой и кормовой частях ракеты обрушились на пол два вырезанных куска оболочки. И сразу же, словно только этого они и добивались, роботы втянули щупальца и начали медленно удаляться в сторону открытых люков, из которых так внезапно недавно появились.

Атака по непонятной причине прервалась, но в любой миг можно было ожидать ее повторения. Надо было спасать из корабля все, что еще можно спасти...

Коробов торопливо нашел аварийную кнопку. Люк и внутренняя дверь распахнулись настежь. Калве, преодолевая сопро-

тивление вырвавшегося из ракеты воздуха (теперь было уже не до него), бросился в отсек, где хранились переносные баллоны кислородного резерва, обхватил один, с усилием приподнял и по узкому коридорчику, цепляясь за стены то баллоном, то скафандром, потащил к выходу. Коробов бросился в аккумуляторную: на всякий случай следовало подумать о спасении хотя бы части аккумуляторов; остаться без энергии было вряд ли лучше, чем без кислорода или продовольствия, спасением которого сейчас занялся Азаров.

Поставив баллон на пол, Калве бросился за следующим, но не мог не забежать по дороге в рубку — больше всего его заботили кибернетические устройства ракеты, скрытые за облицовкой стен...

Он пробыл там не более минуты и вышел с бледным лицом, пошатываясь: настолько ужасной была картина разрома, которую он увидел. С ожесточением он вцепился в очередной баллон, взвалил его на плечо, поднатужился и захватил еще один подмышку.

Еще не понимая, что ракета потеряна, они продолжали спасать из нее все, что возможно. Азаров швырял из люка резервные блоки рации, прозрачные мешки с продовольствием и аварийным запасом воды — его везли с собой на случай выхода из строя регенерационного устройства, и вот теперь он пригодился: регенерационные аппараты вытащить из ракеты было невозможно. Коробов вынес из рубки бортовой журнал вместе с микрофоном и хранилищем магнитных лент. Осторожно положив его на пол, он, перед тем как снова влезть на эстакаду, спросил у Калве:

— А может, они совсем ушли? Может, наконец, вмешаются эти?..

Калве поднял лицо, по которому — видно было — стекали струйки пота, на миг задумался, прежде чем ответить, и затем, увидев, как медленно поднялась, уползла вверх пластина входной двери. Он выпустил из рук только что вынесенную им из ракеты коробку с пленкой, она покатилась по полу... Коробов застыл в оцепенении.

На пороге появились странные фигуры. Примерно такого же роста, как и люди, они медленно, неуверенными шагами опасно и осторожно продвигались вперед. Они держались прямо, передвигаясь, как и люди, на двух конечностях и неуклюже размахивая, несомненно, руками. Их было только двое.

Молча, широко раскрыв глаза, Коробов и Азаров всматривались в надвигающиеся фигуры в черных, мешковато сидевших скафандрах. В цилиндрических шлемах не виднелось ни одного прозрачного окошка, позволявшего бы увидеть облик пришельцев.

Коробов пробормотал:

— Вот они... хозяева!

Азаров не выдержал и срывающимся голосом закричал:

— Немедленно... немедленно прекратите! Вы же разумные существа! Что вы наделали?!

Он кричал, не думая, что хозяева спутника могут его и не услышать, а даже услышав, не поймут...

Вошедшие ускорили шаги. Они двигались один чуть впереди другого и, казалось, вовсе не собирались вступать в переговоры. Вот первая черная фигура, неуклюже переваливаясь, побежала к ракете, за ней, точно, только с некоторым запозданием, повторяя все ее действия, побежала и вторая... Калве в оцепенении наблюдал за почти человеческими движениями этих представителей неведомого мира. Они торопились, очевидно, завершить работу, начатую послушными им автоматами.

Азаров вырвал из зажима универсальный инструмент, и когда первая из бегущих фигур поравнялась с ним, резко шагнув вперед. Калве трагическим жестом поднял обе руки, Коробов весь напрягся, рванулся вперед: то ли оттащить Азарова назад, то ли помочь ему, если разгневанные хозяева начнут с ним расправляться, — он и сам как следует не успел сообразить.

Столкновения не произошло. Видимо, хозяева были не драчливы. Они даже не попытались защищаться. Только одна из фигур — та, что повыше ростом, — пробежав мимо, на миг остановилась, подняла руку и вполне понятным, совершенно человеческим, укоризненным жестом постукала себя по шлему. Азаров от неожиданности отскочил, нервно засмеялся...

Чужие, цепляясь за эстакаду, лезли в ракету. Вот они уже скрылись в люке. Тогда и люди стягнули оцепенение, бросились за ними: в тесной ракете хозяева не смогли бы уклониться от объяснений. Коробов вскочил в люк первым, тяжело переводя дыхание, огляделся. Никого не было. Он бросился в рубку — и там пусто. Тогда он побежал по коридору в другую сторону. За ним, громко топая, бежали подоспевшие Азаров и Калве.

Пришельцы оказались в кислородном отсеке. Они торопливо вытаскивали из зажимов заряженные кислородные баллоны — те самые, служившие для питания скафандров. Потом завозились, помогая друг другу.

Земляне стояли неподвижно, угрожающе, загораживая выход из тесного помещения. Азаров все еще сжимал в руке универсальный инструмент. Калве лихорадочно соображал, как завязать разговор, как найти общий язык, попытаться объяснить,

что произошло какое-то недоразумение, попросить у хозяев помощи, которую они, разумеется, могли оказать...

В это время обе фигуры выпрямились. Черные скафандры распахнулись, упали — и под знакомым прозрачным шлемом Коробов увидел бесконечно дорогое разъяренное лицо Сенцова.

10

С опаской, как бы чего не задеть, не сдвинуть с места, пятеро космонавтов медленно пробирались по коридору чужой ракеты.

Свой корабль, честно служивший с самой Земли, решили покинуть временно, как они говорили, хотя в душе каждый понимал, что дорогая сердцу ракета больше никогда не взлетит. Слишком велики оказались повреждения, причиненные взбесившимися роботами; в обшивке ракеты прорезаны два широких отверстия: одно в носовой части, второе недалеко от кормы корабля. Ракета была разгерметизирована, а главное — в полную негодность приведены кибернетические устройства, оказавшиеся как раз на пути раскаленных струй горелок. Восстановить их, как сказал после беглого осмотра Калве, невозможно, а лететь без них нечего и думать.

Поэтому космонавты сделали то единственное, что им оставалось: сняли с ракеты все, что могло представлять для них какую-нибудь ценность, и перенесли в чужой корабль. Здесь хоть можно было снять скафандры и отдохнуть, подумать, что делать дальше.

Умом они понимали: случилось непоправимое. Но сердце отказывалось верить, что всякая надежда вернуться на Землю отрезана и долгие годы — или сколько им еще осталось жить — им суждено провести на этом спутнике. Пожалуй, выражение «долгие годы» было чересчур оптимистичным: из своей ракеты им удалось спасти лишь кислородный резерв. Демонтировать регенерационные установки в этих условиях без специальных механизмов было невозможно. Правда, в чужой ракете тоже был кислород, но сколько его еще оставалось в резервуарах, неизвестно; подача могла прекратиться в любую минуту.

А если и хватит кислорода, то впереди их подстерегают еще голод и жажда: когда будут исчерпаны все запасы, имевшиеся в ракете и рассчитанные лишь на время рейса, с небольшим аварийным резервом.

...Но так или иначе, отсрочку они получили. Сейчас Сенцов и Раин, уже побывавшие в здешней ракете, уверенно вели товарищей.

Космонавты миновали одну поперечную переборку. За ней коридор сразу расширился, пол его был выложен странными, неправильной формы плитками. Космонавты шли, и все время их преследовало чувство неловкости, какое охватывает человека, случайно попавшего в чужую квартиру в отсутствие хозяев, когда на каждом шагу открываются какие-то неожиданные, интимные, милые для посвященных, но ничего не значащие для посторонних подробности.

Вне ракеты этого чувства не было, как не было и самого ощущения дома: слишком уж обширными, на земной взгляд,

выглядели и ангар и весь спутник и слишком ясным было сугубо техническое назначение всех его помещений и устройств. Здесь же были другие масштабы, сравнимые с земными, и те самые подробности и мелочи, какие только и делают живым всякое жилье, подробности, указывающие не только на мысль, но и на чувство разумного существа: узор пола, странная, незаметно переходящая одна в другую окраска стен — с разных точек зрения одно и то же место воспринималось то зеленым, то золотистым, а то вдруг густо-синим, с какими-то светлыми прожилками. Осветительные плафоны в точности повторяли форму самого корабля; зеркальные пластины у дверей: неизвестным хозяевам свойственно было, видимо, стремление к нарядности, к праздничному блеску (а для настоящего звездолетчика всегда был и останется праздником каждый полет). Все это делало их существами, во всяком случае, понятными. Обменявшись несколькими фразами по этому поводу во время краткой передышки в коридоре, космонавты двинулись дальше.

— Далеко вы нас ведете? — спросил Коробов, покряхтывая под тяжестью большого резервного баллона с кислородом.

— Не знаю, так далеко мы с Раиным не заходили... — ответил Сенцов. — Думаю, надо пройти в самый нос, расположиться там, а потом уже... ох!

Переборка была прозрачной, и Сенцов, шедший чуть впереди, не разглядев, налетел на нее. Несмотря на прозрачность, она обладала, похоже, твердостью легированной стали. Сенцов ожесточенно тер ушибленный локоть.

— Вот тебе на... Что же, дальше и пройти нельзя?

— Вот именно... — сказал подошедший Раин. Он тщательно ощупал переборку: в ней не было и намека на дверь.

— Так... — зловеще сказал Сенцов. — Опять начинаются загадки. Откровенно говоря, у меня пропало всякое желание их разгадывать. Но придется поискать, как же она убирается...

— Тогда только без меня, — мрачно сказал Коробов, отступая назад. — Я тут что-либо нажимать или открывать категорически отказываюсь. Хватит с меня одного приключения!

Сенцов улыбнулся, но на всякий случай тоже отошел подальше от перегородки.

— Что же, — спросил сзади Азаров, — так и будем стоять в коридоре?

Тогда Сенцов, рассердившись, решительно открыл ближайшую из боковых дверей. Она плавно укатилась вбок, в стену.

Их взглядам открылась довольно обширная комната. Она производила странное впечатление: по двум стенам ее хитро переплетались прозрачные и непрозрачные трубки, висели сосуды причудливой, невиданной на Земле формы; низкие шкафчики — на их дверцах тускло голубели выключенные экраны.

— Лаборатория какая-то, — сказал Сенцов.

— Комфортабельная лаборатория, — сказал Раин, указывая на занимавший всю середину комнаты низкий стол в форме буквы «S». Около него находились две бесформенные, как показалось на первый взгляд, кучи какого-то светлого вещества. Раин подошел, тронул рукой поверхность одного возвышения. Она мягко поддалась. Он уселся — часть бесформенного возвы-

шения полезла вверх, словно он вытеснил ее весом своего тела, образовала подобие спинки. Раин откинулся на нее, положил руки на колени, сказал с удовольствием:

— Удобно...

Не вставая, он оглядел цветные занавеси, висевшие на одной из стен. Они даже с земной точки зрения гармонировали с нежной окраской стен.

Войдя в комнату, остальные космонавты сложили на пол свой груз и теперь тоже с любопытством осматривались. Азаров присел на стоявшее поодаль, в самом углу, ложе из такого же, как кресло, непонятного материала. Ложе опустилось под ним, обхватило его со всех сторон... Сенцов подошел, сел рядом, сказал:

— Противоперегрузочное устройство, что ли? Сидишь на нем — веса своего не чувствуешь.

Коробов разглядывал стены. На них кое-где виднелись неправильной формы выступы, похожие на рамки, но пустые — ни рисунков, ни фотографий, чистая белая поверхность.

Кроме ложа и столика с двумя креслами, в этой части каюты ничего не было, хотя места оставалось столько, что, по замечанию Азарова, могла бы танцевать не одна пара. На стенах виднелись какие-то головки, кнопки. Нажимать их и вообще что-нибудь трогать Сенцов сразу категорически запретил, хотя и у самого чесались руки.

— Нельзя, — сказал он в ответ на обиженное возражение Азарова. — Не говоря уже о том, что здесь в любую минуту могут оказаться хозяева...

Насчет хозяев он сказал с неким умыслом. Все были подавлены набегавшими одно за другим событиями. Следовало дать ребятам возможность выговориться, отвести душу. А о хозяевах спутника и этого корабля наверняка захотят поговорить все.

Так оно и получилось.

— Насчет хозяев — это старая песня, — сказал Азаров. — Кто их видел? Никто. Кто видел хотя бы их след? Тоже никто. Уж если ни один из них не счел нужным до сих пор показаться — значит, на всем спутнике нет ни одной живой души. Одни автоматы.

— Допустим, — отозвался Коробов. — Их действительно сейчас может и не быть на спутнике. И тем не менее не исключено, что в любую минуту они могут появиться.

— Откуда? — запальчиво спросил Азаров. — Из воображения? Оно не у всех такое необузданное, как у тебя...

Коробов пропустил выпад мимо ушей.

— Почему из воображения? С планеты.. От Марса нас отделяют всего двадцать три тысячи километров. Для такой вот ракеты расстояние пустяковое. Предположим, что спутник действительно автоматизирован до предела. Но время от времени сюда могут являться и его настоящие хозяева, ну, для контроля, что ли, для наладки... А кто может поручиться, что те же автоматы не сообщили им о нашем прибытии и сейчас их ракета уже не находится где-нибудь поблизости?

— Поручиться, конечно, трудно... — сказал Раин. — Но все же это кажется маловероятным.

— Почему?

— Потому, что это не дает ответа на один вопрос: почему в течение всех этих лет, обладая такой первоклассной стартовой площадкой для космических путешествий, как этот спутник, и такими кораблями, как тот, в котором мы находимся (он хлопнул ладонью по креслу), они до сих пор не посетили Землю?

— Вопрос не новый, — сказал Сенцов.

— Тем не менее закономерный. Ответ может быть, как я считаю, только один: они не посетили нас потому, что их здесь давно нет.

— Как давно? — спросил Азаров.

— По меньшей мере с тысяча девятьсот восьмого года...

— Но что же могло произойти на планете за несколько десятков лет?

— А почему обязательно на планете?

— Ну, знаешь ли, — сказал Коробов, — это уже несерьезный разговор. Что же, по-твоему...

Сенцов с удовольствием слушал разгоревшийся спор: все, казалось, и в самом деле забыли, в каком положении очутились. Три голоса звучали переплетаясь... Кстати, почему только три?

Сенцов перевел взгляд на Калве. Тот как вошел в кабину, так и стоял возле двери, даже не присел, только положил на пол свой мешок с водой. Он даже не открыл, как другие, шлем скафандра, и лицо его за отблескивавшей пластмассой было плохо различимо.

— Лаймон, а ты как думаешь? — спросил Сенцов.

Калве не пошевелился. Тогда Сенцов встал, подошел к нему, крепко тряхнул. Калве медленно откинул шлем: лицо его неузнаваемо осунулось, редкие волосы были взъерошены, глаза упрямо прятались за веками.

— Да что с тобой?

— Ничего... — ответил Калве, едва разжав губы. — Устал.

— Так хоть сядь отдохни...

— Да, благодарю, — сказал Калве вежливо. — Я действительно сяду отдохну...

Он уселся во второе кресло, откинул голову, закрыл глаза. Спор прервался, и Сенцову подумалось, что и самих спорящих сейчас интересовал не столько предмет спора, сколько сам разговор, чтобы можно было хоть несколько минут не думать о том, о чем не думать было нельзя.

— Ну, так до чего же договорились? — весело спросил Сенцов.

— До того, что на хозяев рассчитывать не приходится, — криво усмехнулся Азаров. — Выбираться придется самим... Ну ладно, об этом еще успеем... Вы бы хоть рассказали, как вам удалось выбраться.

— Это у него спрашивайте, — Сенцов кивнул на Раина. — Я играл, так сказать, чисто страдательную роль. Очнулся в тамбуре ракеты, а потерял сознание еще внизу. Это он и люк разыскал и меня перетащил... Как ему это удалось, не понимаю.

— Я и сам не понимаю, — улыбнулся Раин. — Сказали бы раньше — не поверил.

— Ну, а потом мы тут немножко осмотрелись, хотели определить хотя бы, откуда поступает кислород и нельзя ли нам подзарядить свои баллоны. Надежда, конечно, фантастическая. И, понятно, никаких баллонов и зарядных установок не нашли. Далеко заходить не стали — хотелось скорее выбраться к вам, да и, кроме того, надоели уже всякие неожиданности вроде дверей, которые не желают открываться...

Коробов смущенно закашлялся, Сенцов улыбнулся.

— Ну, все хорошо, что хорошо кончается... Словом, на помещение со скафандрами мы наткнулись совершенно случайно, — это была ближайшая к выходу дверь. Ну, и нам, естественно, пришло в голову испробовать, а нет ли в скафандрах кислородного заряда.

— Это тебе пришло в голову, — сказал Раин. — Я бы на это никогда не решился. Шутка ли, надеть чужой скафандр, на котором ни баллонов нет, ничего похожего...

— Ну, я тогда об этом не очень задумывался, — сказал Сенцов. — Все это получилось как-то внезапно. Я открыл эту дверку...

— Ага, вот это — скафандры! — сказал Сенцов.

Двенадцать скафандров стояли, распыленные зажимами. Они не могли быть не чем иным, как скафандрами, и рассчитаны были явно на существа прямо ходящие, с двумя верхними и двумя нижними конечностями. Только высотой эти существа должны быть, пожалуй, не меньше двух метров.

— Ну вот... — сказал Сенцов. — Вот такими они и были...

Забыв о поисках кислорода, оба рассматривали скафандры, мяли пальцами материал, вглядывались. Сделаны они были из какого-то непонятного, на ощупь мягкого, эластичного вещества черного цвета.

— Да, великаны, — тихо сказал Раин.

— Почему только шлемы у них непрозрачные? — сказал Сенцов негромко, будто разговаривая сам с собой. — А ну-ка...

Он осторожно высвободил из зажимов один скафандр.

— Помоги-ка... — не снимая своего скафандра, он сунул ноги в чужой, напоминавший комбинезон с расстегнутым от пояса до ворота верхом.

— Ты в нем утонешь, — сказал Раин, которому эта примерка казалась по меньшей мере ненужной.

Сенцов влез в комбинезон. Рукава и штанины сложились гармошкой. Раин откровенно рассмеялся.

— Ладно, ладно, — ворчливо сказал Сенцов, — хорошо смеется тот... Только как его застегивают?

— На одну пуговицу, как летний костюм, — сказал Раин, все еще посмеиваясь: уж очень комичным выглядел Сенцов в скафандре «на вырост». Пуговица, на которую указал Раин, находилась там, где должна была быть пряжка пояса, если бы скафандры имели пояса.

— На пуговицу? — с сомнением сказал Сенцов. Скептически повертел пуговицу двумя пальцами. Она послушно повернулась, и разрез комбинезона начал медленно исчезать, словно

невидимая «молния» соединяла оба его края так, что не осталось даже следа.

— Можно и на пуговицу, — победоносно сказал Сенцов. — Ага, а это, очевидно, для шлема... Ясно. Ну, одевайся.

— Зачем? — спросил Раин.

— Сейчас я надену шлем. Не думаю, чтобы скафандры стояли у них не готовые к выходу. Это противоречит логике... Значит, в них должен быть кислород. Если это действительно так, в них мы дойдем до ракеты.

— А если...

— А если нет, тогда... Тогда ты еще раз спасешь меня.

...Через несколько минут оба с надетыми шлемами уже стояли перед входным люком. Странно: кислород в скафандры поступал, хотя никаких баллонов не было.

За ними захлопнулась дверь, закрывая вход в ракету. Потом стал медленно втягиваться люк.

— Смотри! — вскричал Раин. — Смотри-ка, свет!

Сенцов его не услышал: радиосвязь в этих скафандрах — если она была — они не сумели включить. Раин не видел и лица Сенцова: снаружи шлемы казались непрозрачными, хотя изнутри все было отлично видно. Но Сенцов и сам увидел свет и порывисто поднял обе руки, словно вместо этого неверного, дрожащего сумеречного освещения увидел настоящее земное солнце...

Медленными шагами они пересекли зал. Руки и ноги тонули в складках скафандров. Оба думали об одном и том же: раз есть свет, почему бы и дверям не оказаться в порядке?..

И действительно, дверь открылась легко, словно это и не она заставила их пережить нелегкие минуты. Сенцов бросил прощальный взгляд на чужую ракету.

— Ну, — сказал он ей, — пока...

Но, конечно, он не думал, что свидание состоится так скоро и таким образом. Иначе он, возможно, и не стал бы говорить «пока».

— ...Иначе я не стал бы говорить «пока», — закончил Сенцов. — Вот так все и случилось... Кстати, из ваших объяснений я понял, почему мы оказались взаперти. Но отчего механизмы снова начали действовать?

Коробов взглянул на Калве. Тот по-прежнему сидел с закрытыми глазами: уж не заснул ли от усталости? Коробов потянул его за рукав. Тогда Калве медленно, как сквозь сон, ответил:

— Что же удивительного, машина такой мощности имеет возможность вместо неисправной подключить другую секцию. А может быть, это вещество регенерирует. Не разобравшись, трудно сказать.

— Да... — протянул Коробов. — Но каким образом ваш счетчик оказался все-таки в ангаре совсем в другой стороне? Он ведь и сбил нас с толку.

— Какой это счетчик? — недоуменно спросил Сенцов.

— Да вот этот! — ответил Коробов, доставая злополучный приборчик из кармана.

— Мы не брали никакого счетчика, — сказал Раин. — Или, может, ты брал?

— Нет, — сказал Сенцов, внимательно разглядывая прибор. — Нет, и я не брал. Постой-ка, постой... Ну, конечно!

Он сжал счетчик в руке, выпрямился.

— Действительно, наш. Ленинградская марка. Но как он... А может быть, вы сами? А? Петро? Лаймон?

— Дай-ка, — сказал Раин. Взял счетчик. Приблизив к глазам, осмотрел. Усмехнулся. — Нет, не наш.

— По-твоему, марсиане пользуются ленинградскими счетчиками?

Вместо ответа Раин указал на чуть заметную метку на торце прибора.

— Читай: «А-4»... Четвертая автоматическая, — сказал он. — Это счетчик с автоматической ракеты. Только как он сюда попал?

— Глаза астронома... — сказал Сенцов. — Да, твоему зрению позавидуешь. Значит, до нас здесь побывала хотя бы одна из наших исчезнувших автоматических ракет... Вы ее не заметили?

— Там не было ракеты, — в один голос сказали Коробов и Калве.

— Еще одна загадка! Вот и работа нам нашлась: разузнать, что стало с той ракетой.

— Наверное, то же самое, что с нашей, — сказал Азаров. — Эти автоматы, по-моему, специально натренированы готовить из всех ракет, что попадают им под руку, колбасную начинку.

— Кстати, — спросил Сенцов, — есть не хотите?

Никто не ответил.

— Что же это вы, а? — укоризненно сказал Сенцов. — Все робинзоны начинали с того, что прежде всего как следует наедались. Говорят, на полный желудок легче переносить...

Снова никто ему не ответил. Калве продолжал сидеть, погруженный в думы. Коробов встал, начал расхаживать по каюте, подходил то к одной, то к другой стене, внимательно разглядывал сосуды, кнопки, пустые рамки, что-то бормотал или напевал под нос. Насупившийся Азаров следил за ним взглядом; наконец, когда Коробов запел особенно громко и особенно фальшиво, не вытерпел:

— Ну, кончай ты, ради бога. Не мелькай перед глазами и не пой! Тут и без твоего музицирования тошно.

Коробов, ничуть не обидевшись, тотчас же умолк. Сенцов сказал:

— Ну что ж, так и будем молчать? Положение наше, как говорится, не самое веселое. Но вот мы с Раиным, например, вообще думали, что конец пришел! И все же на этот раз автоматы нас не одолели.

— Но в будущем это не исключено! — вставил Азаров с нервным смешком.

— Ну-ну, не так-то это просто, — успокаивающе сказал Сенцов. — В конце концов нас пятеро — это больше, чем тысяча автоматов.

— Пока счет не в нашу пользу...

— Все это было слишком неожиданно. При подготовке космонавтов на Земле еще не читают курса поведения в чужих местах, — сказал Сенцов.

— Скоро начнут, — усмехнулся Коробов.

— Да, если мы сможем добраться до Земли или хотя бы сообщить на Землю обо всем случившемся... — сказал Сенцов. — Мы не имеем права подвергать риску другие корабли, которые, безусловно, еще пройдут к Марсу. Надо их предупредить, чтобы не повторяли наших ошибок.

— Какие ошибки? — спросил Раин. — Ну, хорошо, мы с тобой могли и не выйти на поверхность. В таком случае мы все пятеро оказались бы вместе с ракетой в ангаре. Ну, а потом? Чем объяснить нападение роботов? Опять нашей ошибкой? Какой?

— Не знаю, — откровенно сказал Сенцов. — Но это-то нам и надо установить, чтобы на нашем опыте учились другие. Трудно, конечно, сказать, чем руководствуются роботы и логические устройства другого мира...

— Программой, — внезапно, не открывая глаз, сказал Калве. — Только программой.

— А почему у них должна быть такая программа, чтобы уничтожать чужие ракеты? Ведь случай довольно редкий, вряд ли для него могла быть выработана программа.

Калве открыл глаза, сел прямо.

— В том-то и дело, что такой программы не было, — сказал он. — В том-то и беда.

— Что-то уж очень туманно, — проговорил Сенцов. — Ты, Лаймон, давай без загадок и иносказаний.

Калве мурло посмотрел на него. То ли он так тяжело переживал потерю своих любимых кибернетических устройств, то ли какая-то мысль тяготила его, но Калве было не узнать. От его всегдашнего благодушия не осталось и следа, движения стали нервными, порывистыми.

— Скажи, — обратился он к Раину, — ты, когда мы шли к этой ракете, кажется, упоминал, что сначала наткнулся на другой люк, который тебе не удалось открыть?

— Ну, действительно, так и было, — сказал Раин. — А при чем...

— Подожди минутку, — Калве резко вытянул руку. — На каком расстоянии этот люк находится от кормы корабля?

— Ну... приблизительно метров десять-двенадцать.

— Ну вот... А вы обратили внимание, в каких именно местах автоматы прорезали оболочку ракеты?

— Погоди, погоди! — вскочил Сенцов. — Два отверстия... Одно в носовой части, другое...

— На расстоянии приблизительно двенадцати метров от кормы, — закончил Калве. — Теперь ясно? Автоматы и не имели такой программы — разрушить ракету. Наоборот...

— Починить, что ли? — спросил Азаров.

— Мне стыдно, — сказал Калве вместо ответа. — Я должен вам признаться, что мне больно и стыдно за себя. Я ведь считаю себя специалистом в этой области, как вы знаете, участвовал в разработке многих систем — кибернетических систем самого разного назначения.

— Ну, это мы знаем, — сказал Сенцов.

— Ошибка, о которой вы говорите, моя ошибка. Я не предусмотрел, хотя, если бы было время поразмыслить, я бы наверняка догадался...

— К сожалению, у нас этого времени не было, — сказал Коробов. — Не так развивались события, чтобы сидеть и размышлять.

— Когда я первый раз увидел эти автоматы, шнырявшие вокруг ракеты и подававшие какие-то сигналы, — продолжал Калве уже более твердым голосом, — я должен был задать себе вопрос: а что им нужно? Зачем они тут и что их интересует?

— Мы задали себе такой вопрос, — сказал Коробов.

— Да. Но нас тогда интересовало одно: не нанесут ли они какого-либо вреда ракете. Мы подождали и убедились, что никакого непосредственного — подчеркиваю, непосредственного — вреда они ракете не причиняют. И мы успокоились.

— Я начинаю понимать, — пробормотал Раин.

— Вот-вот... Логически рассуждая, что должно произойти с ракетой, когда она возвращается на свою базу из космического рейса? Вы пилоты, вы лучше знаете.

— Ну, естественно, она должна подвергнуться осмотру, контролю...

— Вот именно. И ее подвергли осмотру. Осматривали ее автоматы. Осматривали, конечно, не в буквальном смысле слова. Очевидно, в их ракетах — хотя бы в этой самой — в определенных точках вмонтированы какие-то датчики, которые в ответ на запрос автоматов-информаторов дают им сведения о состоянии ракеты в целом, ее отдельных узлов и механизмов. И эти автоматы требовали таких сведений...

— И не получили... — пробормотал Сенцов.

— Конечно, потому что наша ракета устроена совершенно иначе и на такой контроль не рассчитана... Но при программировании действий автоматов, как я уже сказал, прибытие чужих ракет предусмотрено, естественно, не было. А какой вывод должно сделать логическое устройство, управляющее автоматами?

Калве сделал паузу. Все сумрачно молчали.

— Вывод, что ракета неисправна. Если кибернетическая централь получает от своих автоматов-рецепторов сплошные нули, то... Далее. Автоматы, очевидно, отметили, что в ракете не открылся ни один люк.

— Как же не открылся? — сказал Коробов. — А мы с тобой что, сквозь оболочку вышли, что ли?

К его изумлению, Калве кивнул головой.

— Вот именно. Для них именно сквозь оболочку, это ты очень хорошо сказал. Ведь автоматы искали люки именно в тех местах, где расположены люки у их ракет: в носовой части и у кормы, на расстоянии...

— Десяти-двенадцати метров! — вставил Раин.

— Совершенно правильно. Ведь даже такое мощное кибернетическое устройство — это не мозг... Оно повинуете программе, а в этой программе могло быть предусмотрено что угодно, кроме того, что люк из определенного места ракеты переместится на десяток метров в сторону.

— Да, это незачем было предусматривать, — признал Сенцов.

— Вот видите! Зато можно было предусмотреть другое: что люки — очевидно, такие случаи у них бывали — при полете корабля сквозь атмосферу чужой планеты или вследствие иных причин могли выйти из строя...

— Завариться или заклинить от удара метеорита, — вставил Коробов, — или...

— Это неважно. Факт тот, что в таких случаях киберустройства, очевидно, должны были попытаться вскрыть люки, чтобы помочь выйти экипажу — если уцелел экипаж, — или хотя бы, чтобы дать возможность проникнуть в ракету снаружи, извлечь материалы экспедиции, заняться ремонтом корабля... И вот в действие вступили автоматы, которые начали вырезать люки.

— Вырезанные ими отверстия были уже этих люков, — возразил Азаров.

— Ну, правильно, — сказал Сенцов. — И я бы так поступил. Они вырезали отверстия в крышках люков: крышку потом легко заменить.

— Ну вот, — закончил Калве. — Вот, как я считаю, разгадка того, что произошло с ракетой. Возможно, все это не так просто. Не исключено, что...

— Подожди! — прервал его Азаров. — А почему эти автоматы начали действовать с таким замедлением?

Калве помолчал.

— Я думаю, — сказал он затем, — что тут сыграли роль... мы сами. Автоматы, безусловно, реагируют на присутствие живых существ, людей или как там надо их называть... Возможно, люди нашли бы другой выход. В таком случае в кибернетики центр была бы послана соответствующая команда. Недаром у меня все время было такое чувство, что за мной наблюдают. Это была выжидательная пауза. Ведь автоматы и управляющий ими центр не могут мыслить, они не могли понять, что мы появились именно из ракеты, а не извне. Вот почему они ждали, но программа не была изменена.

— А это значит, — добавил Раин, — что в общих чертах они действительно были похожи на нас, как о том свидетельствуют скафандры. Марсиане они или не марсиане, но должны быть очень близки нам по строению.

— Это и странно, — сказал Сенцов. — Ведь все-таки трудно предположить, что форма бытия Разума исчерпывается человекоподобными.

— Очевидно, — сказал Раин, — на той планете, откуда они родом, условия в основном сходны с нашими.

— Хорошо, — прервал его Сенцов, которому новый научный спор сейчас вовсе не казался необходимым. — На досуге мы поговорим и об этом. А сейчас важно другое. И наши ошибки и опасности, угрожающие как во время облета Марса, так и при посадке на Деймос, нам теперь в общих чертах ясны. Значит, остается только решить те задачи, которые выдвигает обстановка: задачу отлета и задачу связи; вернее, наоборот — прежде всего задачу связи с Землей, потом уже отлета. Вот над чем надо думать.

В каюте воцарилось молчание. Что можно было предложить? Ракета непоправимо выведена из строя, при нападении роботов пострадала и рация дальней связи.

Сенцов, видя, что товарищи уже немного отдохнули, приказал возобновить переноску снятых с земной ракеты грузов. Все принялись за дело. Перетащили все, что еще оставалось необходимого для жизни, и кроме того, катушки с результатами научных наблюдений, записями телемагнитоскопов, рулоны диаграмм, вычерченных самописцами за время полета, боржурнал, некоторые уцелевшие приборы и даже личные вещи.

Затем они подкрепились, и Сенцов приказал отдыхать. После детального осмотра коридора оказалось, что здесь на каждого приходилась одна каюта-лаборатория, да еще семь оставались пустыми. Впрочем, это не радовало: в своей ракете было хоть в тесноте, да не в обиде.

Сенцову казалось, что едва доберется он до уже знакомого мягкого, убаюкивающего ложа, как моментально уснет. Но стоило лечь и закрыть глаза, как сон ушел окончательно и бесповоротно.

Сенцов лежал смертельно усталый и знал, что не заснет, пока не найдет хотя бы направления, в котором им следует действовать.

Он встал, вышел в коридор. Подошел к прозрачной перегородке. Продолжавшийся за нею коридор через несколько метров упирался в дверь — там, видимо, и находилась рубка. Ворвавшись, Сенцов вопреки собственному запрету попытался как-нибудь сдвинуть перегородку. Это ему не удалось, и тогда он начал медленно ходить взад и вперед по коридору, стараясь ненароком не разбудить товарищей.

У двери каюты, где поместился Раин, он прислушался: астроном имел обыкновение похрапывать во сне. Действительно, из-за двери доносились едва уловимые звуки, но какие-то странные. Сенцов тихо приоткрыл дверь — и остановился, изумленный.

Раин вовсе не спал. Он сидел у стола и слушал Калве, что-то говорившего ему шепотом.

Сенцов хотел было выругать их за нарушение приказа, но тут же спохватился: а сам... Ясно, мысль о выходе из положения занимала не его одного. Он вопросительно взглянул сначала на Калве, потом на Раина. Раин пожал плечами, Калве отрицательно покачал головой.

Сенцов присел рядом с Раином. И тут же в открытую дверь заглянул Коробов и, усмехнувшись, вошел в каюту. За ним — Азаров. Все слова были в сборе.

— Ну, раз пришли — предлагайте, — сказал Сенцов.

— Да мы тут думали... — сказал Раин. — Восстановить никак нельзя?

— Никак, — коротко ответил Сенцов.

— Мне все же кажется, — сказал Калве несмело, — мне лично кажется, что мы могли бы воспользоваться этой ракетой, не так ли? В конце концов это тоже космический корабль. — Он умолк, поочередно вглядываясь в лицо каждого пилота.

Коробов терпеливо ответил:

— Это действительно тоже космический корабль, в этом ты прав. И велосипед и гоночный автомобиль — транспорт. Но по-

сади велосипедиста на гоночную машину и предложи ему ночью добраться, скажем, из Риги в Москву. Учти, что он ни разу в жизни не управлял автомобилем. Учти, что он может пользоваться только картой мира в масштабе один к двадцати миллионам. У него из ста шансов — десять расколоть машину еще в гараже и примерно восемьдесят девять — свалиться в кювет на первом же повороте. Притом у него все-таки раз в десять больше возможностей добраться до цели, чем у нас.

— Куда в десять — в сто! — сказал Сенцов. — Он хоть понимает, что автомобиль надо заправить бензином. А что мы знаем об этой ракете?

— К тому же Москва стоит на месте, — добавил Азаров. — Земля — нет.

— Перечислять все, чего мы не знаем об этой ракете, можно без конца, — продолжал Сенцов. — Как проникнуть в рубку? Как ракета управляется? Как выводится из ангара? Какие ускорения развивает? Этих «как» очень много. Но главное даже не это. Будь мы сейчас в рубке, у пульта управления, все равно я бы не решился нажать ни одной кнопки...

— Почему? — насторожился Азаров.

— Эту ракету строили не люди, а иные существа. Мы не знаем образа и ритма их жизни, привычек, потребностей. Может быть, для них являются естественными такие вещи, которые для нас смертельны. То, что мы пока ни с чем подобным не столкнулись, еще ничего не значит. У нас нет доказательства, что они мыслили и чувствовали так же, как мы. И пока мы таких доказательств не найдем, эти существа останутся для нас тайной за семью печатями. А мы их не найдем, если только не встретим кого-либо из них, на что надежды, как вы сами понимаете, мало...

— Так что же делать? — тихо спросил Калве.

— Отдыхать! А затем пойдем еще раз к нашей ракете и на месте посмотрим, не удастся ли все же смонтировать передатчик из остатков ракет и запасных частей. Не забывайте, первая задача — связь! Ну, утро, как говорится, вечера мудренее...

Он встал, но никто не торопился расходиться. И тогда Калве тоже поднялся с места, высокий, тяжелый, грозно навис над Сенцовым.

— Вы хотите доказательств? — спросил он неожиданно тонким голосом. — Хорошо, вы их получите. Я их ищу, ищу и нахожу!

— Что ж, — сказал Сенцов, серьезно глядя на Калве. — Я повторяю: никаких авантур, никакого ненужного риска допущено не будет. В конце концов здесь нам немедленная гибель не грозит, а работы и на спутнике сколько угодно. Но если будут действительно серьезные доказательства того, что полет на чужой ракете не грозит нам никакими опасностями — сверх обычной нормы, конечно, — что мы можем понять то, что понимали и чем владели строители и пилоты этого корабля, если все это будет, — тогда мы, безусловно, полетим.

— Я найду! — твердо сказал Калве.

Странно, после этого заявления Калве, человека, казалось, меньше всех смыслившего в расчетной технике, знатока только кибернетических машин, у всех на душе полегчало. Не выход и

даже не путь к выходу, а все же какой-то краешек надежды забрезжил впереди...

— Вот так... — сказал Сенцов и вдруг почувствовал, что ему страшно хочется спать.

— Да, самое время отдохнуть, — ответил Коробов, позевывая. — Действительно, утро вечера мудренее...

11

Когда проснулись и позавтракали, Сенцов сразу же задал всем работы.

Приходилось искать сразу в нескольких направлениях. Первоочередной задачей было установление связи с Землей, поэтому Азаров поручили еще раз обследовать земную ракету и демонтировать все, что еще осталось от передатчика. Может быть, удастся собрать хоть какое-нибудь подобие рации.

Помимо этого, надо было начать как-то разбираться хотя бы в основах окружавшей их техники. Кто знает, может быть, таким путем можно хотя бы постепенно освоить управление чужим кораблем. Для этого решили прежде всего тщательно исследовать робот, валявшийся возле их старого корабля и поврежденный при вспышке топлива. Этим занялись Сенцов и Раин.

А Калве с той же целью — ознакомиться и попытаться понять принципы устройства и действия — отправился наверх, в кибернетический центр. Его задача была, пожалуй, важнейшей: нельзя вечно жить под угрозой какой-нибудь новой неприятности со стороны кибернетических машин и управляемых ими автоматов.

Коробов продолжал детальный осмотр чужой ракеты, чтобы точно выяснить запасы кислорода и электроэнергии, которыми они располагали.

Все без лишних разговоров взялись за дело.

С роботом справиться оказалось нелегко. С трудом удалось разрезать его поврежденную пламенем оболочку электрическим резакон. Как и ожидали, под колпаком ничего похожего на кибернетическое устройство не оказалось. Всего несколько приборов, какие-то цилиндрические непрозрачные аппараты и небольшие многоугольные ящики. На блестящих стержнях, которые могли служить выводами, Сенцов при помощи тестера обнаружил слабое напряжение. Стерженьки эти входили в цилиндры, туда же тянулись гибкие ленты непонятного назначения.

Самым интересным в автомате оказались рычаги-щупальца. Сенцов и Раин долго пытались добраться сквозь твердейшую броню из непонятного материала до этих рычагов, но так и не смогли: никаких рычагов просто не было. То, что они принимали за предохраняющую оболочку, оказалось самой машиной — без сочленений, без всяких деталей, твердый и в то же время необычайно гибкий монолит. Чем он приводился в движение, было также непонятно: к нему не подходили никакие движущиеся части. Они попробовали присоединить один из рычагов к цилиндрам с напряжением. Твердое щупальце начало изгибаться, сокращаться, как мускул, только с гораздо большей силой; рычаг толщиной в палец свободно поднимал кислородный баллон, большой стационарный баллон из ракеты!

Видимо, конструкторы этих машин применяли не механические схемы, подобные земным, а нечто совсем иное: им удалось получить вещество, непосредственно превращавшее электрическую, а может быть, химическую энергию в движение.

— Гораздо экономнее с точки зрения расхода энергии, — воскликнул Раин. — Высшая ступень!

Оба долго сидели над разобранным роботом: чтобы понять все тонкости его устройства, нужны, пожалуй, не дни, а недели...

И непонятно, как все это им поможет освоить ракету? — Ну, уж и ракета... — прервал их размышления довольный голос подошедшего Коробова.

— Что? — насторожился Сенцов.

— Отличная машина! — Коробов замотал головой от восхищения.

— А кислород нашел?

— Кажется, да... Твердой уверенности, правда, нет. Хранилище большого объема, но не с газом и не с жидкостью, а с твердым веществом. К нему присоединены такие же аппараты. По моим соображениям, они и превращают твердый кислород в газ.

— Из чего же вы заключили, что это кислород? — спросил Раин.

— А вот из чего. На всех хранилищах имеется такой вот знак, — Коробов пальцем нарисовал на матовой поверхности защитного кожуха робота точку, вокруг нее — два concentрических кружка и на внешнем из них — шесть точек. С минуту все смотрели на медленно тающий рисунок.

— Понятно? — спросил Коробов. — Атом кислорода — шесть электронов на последнем, втором, уровне... Хорошо, что хоть в этой области их символика нам понятна. Нашел я и другие хранилища с таким вот знаком...

— Водород, — сказал Раин.

— Именно. Это решает проблему воды хотя бы в принципе. Следовательно, воздухом и водой мы обеспечены основательно.

Сенцов нетерпеливо спросил:

— А насчет двигателей ничего не ясно?

— До двигателей я добраться не смог... — медленно сказал Коробов. — Там глухая переборка. Как только я подошел, сразу завывало, залаяло... Что-то вроде сирены. Только очень высокие тона. Очевидно, предупреждение об опасности. Не с нашими скафандрами туда лезть.

— Значит, совсем ничего?

— Единственное, что можно сказать, — двигатели, топливо и все остальное занимают гораздо меньше места, чем на нашей ракете, не только по отношению ко всему объему, но и абсолютно. Я специально шагами вымерял...

— Значит, двигатель не химический, — сказал Сенцов. — На каком же приводе? Какое топливо?

— Вероятнее всего, атомное, — ответил Коробов. — Иначе не было бы сигнала опасности.

— Сомневаюсь, чтобы было атомное, — сказал Сенцов. — Я ракету осмотрел снаружи, пока вы спали... Совершенно не то сопло, какое нужно для атомного двигателя, по крайней мере по нашим соображениям.

— Ну, на это вообще внимания обращать не следует, — не согласился Коробов. — И весь этот корабль не так массивен, как наш: переборки миллиметровой толщины, а прочность изумительная.

— Да я не о прочности говорю, — сказал Сенцов. — Курс двигателей помнишь? Принципиальные основы атомного двигателя? Ну вот, а тут совсем не то...

— Я прикидывал, — сказал Коробов. — Если там химическое топливо, то, каким бы совершенным оно ни было, этой ракете дальше Марса не уйти. А вдруг они только на Марс и ходили? — Он помолчал и неожиданно спросил. — Ну как, обедать будем?

— Надо подождать ребят, — ответил Сенцов. — Они там тоже увлеклись. Да, это невесело — то, что ты говоришь...

— Все оборудование ракеты указывает, что она предназначена для дальних рейсов, — вставил Раин. — Даешь Землю!

— Пока мы не знаем... — начал Сенцов.

— Даешь обед! — перебил Коробов. — Ага, Витя прибыл. Ну, что там у тебя? Демонтировал рацию?

— Что осталось — демонтировал, — угрюмо ответил подошедший Азаров.

— Ну и как? Выйдет что-нибудь?

Азаров пожал плечами, ответил:

— Разве что любительский приемник...

— Так-так... — невесело сказал Сенцов. — А на Землю сообщить все же надо. А вообще в ангаре как? Спокойно?

— Какое спокойно! → мотнул головой Азаров. — Опять этих полно.

— Режут?

— На сей раз летают. Что-то приваривают, уже навесили одну крышку люка, сейчас возьмется с другой...

— Ясно, — сказал Раин. — Они продолжают выполнять свою программу: ремонтируют ракету... Жаль, что нам это помочь не может: как бы ни ремонтировали, вычислителей они нам не восстановят.

— Да, — сказал Сенцов, — с нашим кораблем мы простились навсегда.

— Но интересно, — проговорил Раин, — до чего они дойдут?

— Ну, для того чтобы это определить, надо быть знатоком их тонких душевных движений, — съязвил Азаров. — Как Калве, например... А кстати, где он?

Из ангара Калве почти бегом поднялся вверх. Он замедлил шаг, лишь попав в знакомый зал, где серая масса грелась в фиолетовых лучах.

Здесь он сразу перестал спешить, начал все рассматривать так внимательно, задумчиво, неторопливо, словно в запасе у него была еще целая вечность.

Каково, например, назначение вот этого сооружения в центре зала? Небольшой прямоугольный постамент, похожий на высокий столик. В центре его круглый, чуть наклоненный экран, на нем светятся, переливаясь, четыре огонька. Калве склонил над экраном прозрачный шлем.

Теплый золотистый глазок дрожал в центре экрана. Три тонких черных концентрических кольца охватывали его, и на каждом тоже переливался огонек, голубой — на внутреннем, зеленый — на среднем и оранжевый — на внешнем. Калве долго всматривался в странные огоньки; непонятно, что было в них такого. Мало ли приборов со световой сигнализацией перевидал он на своем веку, но почему-то на них хотелось смотреть и смотреть...

Потом он перевел взгляд на расположенные вокруг экрана оранжевые выпуклые, как у грибов, шляпки. Их было тридцать, возле каждой — два прозрачных глазка. Возле одного грибка левый глазок светился ровным синим светом, а около соседнего, кроме синего, горел и второй — мигал тревожным красным огнем. Остальные глазки были безжизненны.

Вокруг экрана в столিকে тянулась кольцевая прорезь, из которой выходил тонкий рычажок. Он плавно изгибался к экрану, так что конец его почти касался матовой поверхности. Рычажок заканчивался вытянутым заостренным овалом с тонкой иглой на конце.

Рядом торчали еще две круглые головки с какими-то делениями. Перед столом вздымался щит, на нем — несколько экранов и приборы со шкалами без стрелок.

Все это явно имело непосредственное отношение к управляющим кибернетическим устройствам — хотя бы потому, что находилось в этом зале. У Калве зачесались кончики пальцев, до того захотелось сразу нажать на красные кнопки, посмотреть, что появится на экранах, разобраться в назначении большой красной рукоятки сбоку (ага, ею-то, наверное, и включается весь этот агрегат!).

Но он помнил, сколько непредвиденных последствий может вызвать в этом мире каждое неосторожное движение.

Ему впервые отчетливо подумалось, что вовсе не люди создали все эти непонятные приборы. До сих пор это как-то не укладывалось в сознании. Ощущение было такое, словно ты находишься в чужой стране, где, хотя и не понимаешь языка, но видишь вокруг себя таких же людей и вещи, сделанные их руками... И только в эту минуту в пустом зале, где когда-то жил, чувствовал, мыслил командир всех этих приборов и механизмов, Калве вдруг неудержимо захотелось представить, каким же он был, как выглядел этот творец, наверное давно уже включившийся в вечный круговорот материи и сейчас, возможно, произрастающий где-нибудь на Марсе в виде чахлой голубой травки. Он машинально, забыв про шлем, поднял руку — снять шапку...

Рука его натолкнулась на прикрепленный к шлему инвертор, и это напомнило ему о ближайшей задаче.

Калве подумал, что Сенцов все-таки видел дальше их всех, — недаром ему нужны были доказательства того, что мы в состоянии понять, постигнуть законы мышления этих существ. Что же, надо искать, искать!

С чего начать? Он стал снова осматривать пульт, пытаясь логически разобраться в назначении органов управления машины. Но вскоре он поймал себя на том, что просто-напросто старается мысленно как-то приспособить отдельные рычажки и

включатели чужой машины к тем функциям, которые выполняли другие рычажки и другие включатели на его собственном пульте. Таким путем он далеко не уйдет.

Тогда он опустил экран инвертора, включил прибор. В шлеме стало темно, как будто бы в зале погасли все огни. Он испуганно приподнял экран, и свет снова ударил ему в лицо. Тогда он опять опустил экран, закрыл на несколько секунд глаза, чтобы они привыкли к темноте. Когда он вновь открыл их, тьмы больше не было.

На повисшем перед его глазами экране ветвилось великое множество голубоватых линий, полос, кружков. Это прибор делал видимыми все попадавшие в поле его зрения, находившиеся под напряжением проводники. Свиваясь и развиваясь, сходясь и разбегаясь в стороны, они образовывали странную, причудливую сеть. Местами они были разорваны, кое-где их разделяли темные промежутки — участки сети, как понял Калве, пока отключенные.

Прежде всего он обратил внимание на линию, которая выглядела беспокойнее других: равномерная дрожь сотрясала ее; она пульсировала, как тонкая чувствительная жилка на человеческой руке. Калве проследил ее путь — она заканчивалась где-то совсем недалеко...

Калве поднял инвертор; жмурясь от света, достал из кармана скафандра длинный кусок провода, намотал на руку от плеча до кисти, а самый кончик — вокруг указательного пальца. Потом он подключил провод к аккумулятору и снова опустил экран.

Теперь его рука возникла на экране инвертора в виде бледно-голубой спирали с редкими витками. Она медленно скользила: Калве двигал рукой, стараясь совместить ее с пульсирующей линией. Когда это удалось, он повел указательным пальцем в воздухе, повторяя во всех изгибах путь пульсирующей линии. Вот палец добрался до места обрыва. Калве медленно повел руку на сближение с пультом, торопливо поднял экран. Так и есть — палец его упирался в мигающий красный глазок.

Теперь он так же медленно повел рукой в обратном направлении, ища переключатель, от которого ток шел на лампочку. Найдя его и двигаясь по линии дальше, он мог прийти к другому переключателю и так постепенно разобраться во всей топографии кибернетического центра. На это потребуется время, но много пути не было: простое нажатие кнопок и рычагов наугад могло привести к весьма печальным результатам.

Так он работал, и голубые, то резкие, то как бы размытые линии змеились перед его глазами. Потом он осторожно поднялся с места и, не поднимая экрана инвертора, начал медленно бродить по залу, следя за уходящими под пол проводами. Обойдя центральный пульт по кругу, он установил, что кабели отходят в направлении каждой из тридцати секций машины. Выбрав один из них, Калве установил, что он шел не непосредственно в отсек, а скрывался в стоявшем в простенке шкафчике. Здесь тоже было множество деталей — разбегались глаза.

Медленно переходя от шкафчика к шкафчику, Калве заметил, что большинство из них находилось в покое, работало только

два. Один из них относился именно к их отсеку: в нем шла напряженная работа, вспыхивали и угасали какие-то голубые кольца, эллипсы, многоугольники, возникали мгновенные разряды, похожие на экране на вертящиеся молнии. Калве еще не знал, что автоматы вновь начали работу вокруг искаленной ракеты, но догадывался, что такая активность машины может иметь отношение именно к их кораблю.

Второй работающий аппарат, как вначале предположил Калве, должен был относиться к тому отсеку, где в ангаре лежала чужая ракета. Но потом он понял, что ошибся: судя по расположению шкафчика, он относился как раз к тому отсеку, где был найден счетчик.

Значит, и в том отсеке что-то происходит? Что? Какая опасность еще подстерегает их?

Снова возвратившись к центральному пульту, Калве догадался, наконец, в чем дело, и успокоился. Был включен шкафчик именно той секции, в сторону которой был повернут центральный многопозиционный переключатель. А это могло означать лишь одно: этот отсек был последним, в котором что-то происходило, когда строители почему-то покинули свою искусственную планету. Что же именно происходило? Логично было предположить, что происходило что-то связанное с ракетами, а раз ракеты там не было, значит происходило именно отправление ракеты — последней покинувшей спутник.

Если так, то в этом переключателе не может быть ничего страшного... Калве осторожно поднял руку, нашарил переключатель, повернул на одно деление и поспешил к тому шкафчику, который должен был, по его предположениям, включиться. Да, он не ошибся, аппарат работал. Теперь в нем возникали сложные узоры, нарисованные электрическим током. Возникали и исчезали.

Что-то это ему напоминало... Ага, машина ведет себя так, будто она озадачена. Смена импульсов в ней происходит в том же ритме, да-да, и с той же частотой, как в радиосигналах, что слушал Азаров в первые минуты после прибытия. Калве попробовал включить соседнюю секцию, еще одну, и всюду повторялось одно и то же. Он начал догадываться: ни в одном из этих ангаров нет ракет, это они с Коробовым видели сами. Значит, команда, которая посылалась с помощью этого переключателя, действительно относилась к каким-то действиям, связанным с ракетами.

Калве удовлетворенно усмехнулся. Он на правильном пути. Именно здесь пряталась разгадка управления механизмами, обслуживающими ракеты. И первый секрет можно было узнать уже сейчас, сию минуту: просто повернуть переключатель в положение, включающее их отсек — единственный, в котором была ракета, — и посмотреть, что из этого получится.

«Спокойно, милый друг, спокойно, — сказал он себе. — Не надо торопиться... От этого поворота переключателя ракета может в один миг вылететь в пространство, а ведь она нам нужна... Вспомни-ка Коробова и серую массу! Нет, никаких эмоций, никаких порывов. Только осторожно, только методично...»

Калве совсем забыл, что время идет, что друзья, вероятно,

уже беспокоятся о нем, что он давно хочет есть и запас кислорода у него приближается к концу. Со стороны он выглядел сумасшедшим: то расхаживал по залу, бормоча себе под нос, то снова и снова усаживался перед пультом и водил над ним рукой, прослеживая какую-нибудь интересную цепь.

Теперь он решил найти дорогу к волноводам, по которым должны были передаваться команды из центра по секциям. В существовании их он не сомневался. Однако никаких схем, хотя бы отдаленно напоминавших соответствующие земные, Калве пока не видел. Потом ему показалось, что проще будет проследить, откуда подходят импульсы к круглому экрану, какой источник питает непрерывно горящие на нем огоньки. Может быть, тогда станет понятно, что же именно эти огоньки обозначают...

Голубые линии, которые он стал теперь изучать, уводили его куда-то совсем в другую сторону. Они не соединялись ни с одним из шкафчиков, а тянулись под стену и затем вверх, уходя в расположенный выше ярус.

Калве решил, что немедленно пойдет их разыскивать: эти огоньки почему-то казались ему заслуживающими особого внимания. Он повернулся к двери, и вдруг чья-то рука легла ему на плечо.

Резко рванувшись, Калве сорвал со шлема экран инвертора, закрывавший глаза, и облегченно перевел дыхание: перед ним стоял Коробов.

Коробов онемел: сквозь шлем было видно, как он беззвучно шевелит губами. Калве с досадой выругал его за то, что подкрадывается неслышно и пугает людей, вместо того чтобы окликнуть по-человечески, а потом вспомнил, что ведь сам же выключил свою рацию, так как связи с товарищами все равно не было. Он повернул рычажок, и в его наушники ворвался негодующий голос Коробова:

— ...окончательно. Такие это полтора часа?

Калве взглянул на часы. Действительно, вот уже целый час сверх уговора провозился он здесь, и, если бы не резервный баллон с кислородом, на который автоматически переключилась подача, ему давно пришлось бы плохо. Вздохнув, он развел руками и спросил:

— А у вас как там дела?

— Да ничего особенного... Ребята разобрали один робот. Типичный марсианский робот... А у тебя как?

— Да вот, — протянул Калве, — типичная марсианская кибернетика...

Потекли дни. Все ушли в работу: Азаров колдовал над спасенными деталями рации, Сенцов, Коробов, Раин все обшаривали их новое пристанище — не теряли надежды разобраться в устройстве корабля. Роботы в соседнем ангаре и те, не покладая шупальц, трудились над их старой ракетой, что-то подтаскивали, наваривали... Они утихомирились только на третий день.

Калве все дни напролет занимался все тем же: при помощи инвертора прослеживал одно за другим бесконечные разветвле-

ния цепей кибернетического центра. Каждый день он распутывал еще один узелок схемы, но — странное дело — чувствовал, что к решению основной задачи — к овладению ракетой — пока не приблизился ни на шаг. Вечерами — условными в этом мире — приводил в порядок сделанные за день записи и наброски, и со стороны это выглядело так, будто Калве готовит к печати солидную монографию «К особенностям структуры марсианских вычислительных и быстрорешающих устройств», столь спокойным и благодушным он казался. На деле же его все больше охватывала тревога.

Первые дни друзья встречали его с нетерпением — вот сейчас Калве, усевшись в кресло, вдруг возьмет да и скажет: «Ну, между прочим, можно лететь хоть завтра. Нажать там одну кнопку, и сразу отсек откроется...» Постепенно все начали понимать, что этого дождутся не скоро.

Текли дни, и каждый из них уносил с собой частицу вспыхнувшей было надежды.

Первым начал сдавать Азаров. У него что-то не ладилось. Исподволь наблюдая за ним во время работы, Сенцов заметил, как все чаще взгляд молодого пилота становится отсутствующим, устремляется куда-то сквозь все перегородки, броню спутника, сквозь многие миллионы километров пространства.

Раин внешне оставался спокоен. Но и он все чаще начал заговаривать о том, не пора ли, наконец, бросить напрасные поиски, не тратить зря время, а использовать его для того, чтобы осмотреть весь спутник, исследовать его — хотя бы в интересах будущих поколений. И — кто знает? — если во всем этом огромном хозяйстве найдется хотя бы один годный к употреблению телескоп, посвятить свое время (оставшееся еще время — так следовало понимать это) тому, что было делом его жизни — наблюдению светил.

Начинало казаться (или это Сенцовым овладевала уже паника?), что Коробов тоже изучает ракету не для того, чтобы применить свои знания при возвращении, а просто убивая время. Может, с таким же увлечением, иногда думал Сенцов, и с таким же спокойствием второй пилот решал бы сейчас шахматные задачи, окажись у них шахматы?

Но прекратить работу было невозможно. Связь с Землей была нужна во что бы то ни стало: тут речь шла о безопасности тех, кто в будущем полетит по этой же трассе, о безопасности многих людей и кораблей. Передатчик был совершенно необходим. По сравнению с задачей предупреждения Земли их собственное спасение отходило на второй план. Поэтому следовало ободрить Азарова, как-то помочь ему.

...Сенцов оставил Раина и Коробова в нижнем этаже носовой части ракеты, где они и так и сяк пробовали подобраться к наглухо закрытому аппарату искусственной гравитации, и направился в каюту Азарова.

Азаров лежал, уткнувшись лицом в эластичное ложе. Очевидно, нервы все-таки не выдержали: по всему полу каюты были расхвырваны детали, пластины печатных схем, отдельные блоки, валялись клочки бумаги — остатки очередной уничтоженной схемы.

— Не выходит? — спокойно спросил Сенцов.

— И не может выйти. С таким же успехом можно монтировать передатчик из пивных бутылок. Генераторный блок погиб, чем я его заменяю? От усилителя сверхвысоких частот что осталось? Рожки да ножки! Нечего и думать...

— Думать все-таки надо, — сказал Сенцов. — Передатчик — это главное. Другого способа сообщить на Землю у нас нет и быть не может. Конечно, на спутнике наверняка есть какие-то устройства связи. Но как отличить их? Как понять, передатчик это или какой-нибудь агрегат для чистки сапог?

Азаров кивнул.

— На это надежды нет, — сказал он. — Мы можем надеяться только на свои детали. А у нас их не хватает, и взять их нелегко.

Оба умолкли, каждый мучительно думал, где искать выход. Потом Азаров тяжело вздохнул.

— Да, знать бы на Земле, что такое случится, всю ракету набил бы запасными блоками. Жаль, что в другой рейс идти не придется: теперь уже есть опыт по части вынужденных посадок.

— Ну, это ты оставь, — сказал решительно Сенцов. — Все мы хотим еще летать. Погибать никто не собирается. Вот поэтому-то и нужен передатчик.

— Мы все сделали, — пробормотал Азаров. — Теперь осталось только с честью закончить. Передатчик? На передатчике мы на Землю не улетим.

— Не знаю, откуда вдруг такой пессимизм, — сказал Сенцов. — Погибнуть здесь мы никак не можем... (Азаров пошевелился, искоса взглянул на Сенцова.) Ну, предположим самое худшее. Мы действительно не сумеем использовать эту ракету. Ну и что? (Азаров часто заморгал, затем посмотрел на Сенцова уже прямо.) Будем ждать здесь. Кислорода, воды хватит надолго. Продуктов — на год. На худой конец наладим их регенерацию.

— И что же — до конца жизни? — хрипло спросил Азаров. Сенцов пожал плечами, усмехнулся.

— А сколько ты еще рассчитывал прожить? — спросил он спокойно.

Азаров поморгал, нетвердо ответил:

— Ну, лет семьдесят...

— Допустим. Так почему нельзя жить здесь? Образумь, так сказать, филиал человечества... Да ведь нам здесь век доживать не придется! Хотя это уже зависит от тебя.

— От меня?

— Конечно. Будет связь с Землей — за нами прилетят не позже, чем через год. Ты же сам понимаешь, нас не бросят. Год — это даже крайний срок...

— Подумаешь, год! — сказал Раин. Оба оглянулись — не заметили, как он появился в дверях. — Робинзоны вон десятками лет жили, да разве в таких условиях? Тут за год всего даже осмотреть не успеешь.

Азаров все еще лежал, но щеки его чуть порозовели.

— Так что остановка за тобой. Сумеешь смонтировать ра-

цию — вытащим ее на поверхность спутника, будем сигналить на Землю.

— Да из чего? Из чего? — закричал Азаров. — Как будто я не хочу! Ведь нет выхода!

— Выход всегда есть! — твердо сказал Раин. — Надо только уметь его найти. Из могилы, говорят, нет выхода, да и то люди выбирались. Надо искать! Ты не пробовал использовать то, что осталось от вычислителей Калве? Там ведь какие-то блоки уцелели...

— Да думал я об этом, — ответил Азаров. — А вы видели, что там уцелело? Таких блоков у меня и у самого хоть пруд пруди.

— Действительно, надо еще подумать, — сказал Сенцов. — Ведь выход-то есть, наверняка есть, только мы его не видим...

На минуту воцарилось молчание. И потом Сенцов задумчиво проговорил:

— Генераторный блок, генераторный блок... А если взять части от других приборов? Насколько я вспоминаю устройство рации, там использовалась часть тех же самых типовых деталей, которые стоят в наших радиометрических приборах... Хотя бы в тех же счетчиках. А?

— Я прикидывал, — сказал Азаров. — Кое-что оттуда можно позаимствовать, но не все.

— Счетчик? — внезапно спросил Раин. — Погодите-ка, мне пришла в голову идея... Счетчик-то мы здесь нашли?

— Ну, нашли...

— Так, значит, и сама автоматическая ракета должна быть где-то здесь, на спутнике. Ее надо только найти. Ведь радиооборудование ракет-автоматов в принципе от нашего ничем не отличалось?

— Только в деталях! — сказал Сенцов, и Азаров подтверждая кивнул. — Это мысль!

— Может быть, там вообще сохранился в целости передатчик! — с воодушевлением подхватил Азаров. — А ведь действительно, как нам сразу не пришло в голову?.. Надо немедленно начать поиски!

— Я думаю, — сказал Раин, — что вообще надо изменить распорядок работ. Пусть Коробов вместе с Азаровым идут на поиски. А я буду помогать Калве. Вдвоем у нас пойдет гораздо скорее. С осмотром же ракеты отлично справишься и ты один.

— А какой смысл? — спросил Сенцов. — Калве и так работает правильно. А мы бы вдвоем.

— Гм... — неопределенно ответил Раин. — Наверх я все же пойду?

— Что же, пожалуйста, — согласился Сенцов. — А ты, Витя... Но Азаров уже пошел за скафандром.

Калве ввел Раина в круглый зал с пультом.

— Вот, — сказал он. — Тут помещается пульт управления. Но дело-то все в том, что эти машины самопрограммируются. Они способны сами менять режим работы в зависимости от изменения окружающей обстановки и так далее...

— Знаю, — ответил Раин. — Испытали на собственной шкуре.

— Следовательно, логически рассуждая, управлять ими практически нет никакой необходимости. А в то же время есть и пульт и органы управления — вот они. Вот эта рукоятка совершенно меняет режим работы. Я тут кое в чем сумел разобратся...

— Очень интересно! Так что же вас смущает?

— Не могу понять, как это происходило. Видите этот экран со стрелкой? Он связан с чем-то в верхних ярусах, исследовать я еще не успел. От него идут цепи ко всем машинам. Но зачем он? Понять не могу.

— Так, так... — начал присматриваться Раин. — Три кольца... Если это атомная структура, то один электрон на третьем уровне... Натрий?

— При чем тут натрий?

— Не представляю... А чем, собственно, этот пульт управляет?

— Тут происходит приблизительно вот что, — пояснил Калве. — При установке стрелки в одно из трех фиксированных положений по длине и в любое положение по окружности в цепи возникают кратковременные импульсы, вернее — комбинации импульсов. Они слишком непродолжительны, чтобы представлять собой какую-то программу, которая передается машине. Но они могут быть сигналом к выработке определенной программы.

— Это уже кое-что. Я, правда, в этой области не специалист...

— Тем лучше! Как говорится, свежая голова. Так вот, эти импульсы направляются в одну из секций машины, а именно в ту, которая в данный момент включена вот этим многопозиционным переключателем. Но направляются не непосредственно, а проходят через эти вот устройства (он указал на стоявшие в простенках шкафчики). В них сигналы значительно видоизменяются... Я подозреваю, что именно здесь помещается управление программирующими устройствами.

— Резонно. А эти лампочки?

— По всей вероятности, они сообщают, когда сигналы доходят до адресата. Но вот каково содержание сигналов?

— Я сужу, возможно, как дилетант, — сказал Раин. — Но посмотрите на двери: настолько велика была, очевидно, уверенность конструкторов в безотказности своих машин, что они не предусмотрели даже аварийного ручного открывания дверей. И если уже, очевидно, десятилетия назад покинутый спутник все еще нормально работает, значит в их рассуждениях была истина...

— Проблема кибернетики номер один — проблема надежности — ими решена основательно, — с уважением знатока ответил Калве. — И как разумно все автоматизировано: механизмы не работают непрерывно, а включаются лишь на время, когда необходимо. Именно поэтому они и не устают, не стареют. Мы не знаем, когда прилетел сюда этот корабль, — может, сто, а может, и тысячу лет назад. А все автоматы в полной рабочей готовности. Удивительно продуманно и экономно! Это построено на века...

— Но, — продолжал Раин, — стоит ли строить такие вещи

на века? Техника так стремительно развивается, машины стареют... Вы говорили, что импульсы идут от этой стрелки?

— Да, — ответил Калве. — Она выдвижная, телескопическая. Каждому из трех строго фиксированных положений ее по длине соответствует своя форма импульса. И при каждом положении конец стрелки находится на одной из этих окружностей. Стрелку можно двигать также по кольцевой прорези. При этом я заметил: импульсы посылаются в машину именно в тот момент, когда стрелка совмещается с огоньком, расположенным на той окружности, на которой находится конец ее. Нацеливать стрелку можно очень точно, тут целая система настройки; причем здесь — он указал на один из экранов — мы видим участки окружностей под большим увеличением. Настроить можно с точностью до десятой доли градуса...

— Но зачем?

— Этого-то мы и не знаем.

— Не знаем... — как эхо, повторил Раин. — Так... А эти сигналы? Ага, они указывают, где находится ракета? Итак, сидевшему за этим пультом следовало знать, в каких ангарах есть ракеты и в каких нет? Так, так... Не подтверждает ли это вашего предположения о том, что вся эта техника и служит для запуска ракет?

— Так мне казалось. Но я боюсь ошибиться.

— Если так, — оживился Раин, — возможно, мы действительно отсюда выберемся? Чем я могу вам помочь?

— Мне пока не ясна роль этой рукоятки, — сказал Калве. — Вы двигайте ее, а я прослежу за возникающими импульсами.

— А это не опасно?

— Все равно включенный сейчас ангар пуст...

Раин послушно положил руку на рычаг. Калве надвинул на лицо экран инвертора, кивнул головой, сказал:

— Начинайте.

Раин нажал рукоятку.

Калве словно выслеживал зверя: согнувшись, приглядываясь к стремительной пляске голубых линий, запетлял по полу. Раин с улыбкой наблюдал за ним. Затем, действуя по оставленной Калве программе, он поставил рукоять в прежнее положение и сразу же опять потянул на себя, повторяя ту же серию импульсов. При этом он мельком взглянул на небольшой экран, находившийся рядом с рукояткой... и моментально забыл и о Калве и о его задании.

— Что с вами? — окликнул его Калве.

Раин, не отрывая глаз от экрана, замахал рукой. Калве подбежал к нему.

На чуть выпуклом экране — он был, как и все экраны на спутнике, не кинескопом, а какой-то иной конструкции — мелькали странные картины. Калве и Раин затаили дыхание.

...Это не был полетный дневник. Раин понимал, что если на спутнике и имелся бортжурнал, страницы которого теперь возникали перед ними, то велся он, вернее всего, в какой-то закодированной записи, магнитной или иной. Но сейчас они видели их уже расшифрованными, как будто на этом небольшом, сантиметров шестьдесят на сорок, экране им показывали хроникальный фильм.

А может быть, это вовсе и не были записи из журнала... Машина показывала отдельные, разрозненные события, и к тому же в обратной последовательности, словно заново припоминая их, углубляясь в прошлое, чтобы лучше проанализировать. В ее воспоминаниях — если так можно было назвать воспроизведение на экране событий, запечатленных в виде мельчайших электрических зарядов в блоке памяти машины, — встречались странные провалы, вызванные, возможно, какими-то неполадками в самой машине. Во всяком случае, на экране не получалось связного рассказа, а мелькали разрозненные картины, какие порой видятся во сне.

Сначала Калве и Раин увидели этот самый машинный зал и себя в нем, потом в зале остался один Калве, потом Калве и Коробов (так решил Раин, потому что фигуры, хотя и расплывчатые, все же напоминали людей в знакомых скафандрах) открывали подряд все двери.

После короткой заминки на экране возникло крупное изображение красной планеты. Они сразу узнали Марс. Потом промелькнули сразу два изображения: с поверхности Марса стартовали ракеты, как две капли воды похожие на ту, которая стала теперь их домом, а на другой половине экрана откуда-то из пространства надвигался на них сплюснутый сфероид, охваченный поясом взлетных эстакад. Калве и Раин узнали в нем Деймос и переглянулись: снято со стороны?

Изображение с Марсом поблекло, задрожало и, размываясь, исчезло, а надвигающийся шар Деймоса занял весь экран. В одном и том же месте его поверхности изредка вспыхивали слепящие огненные струи...

— Вы понимаете, что это значит? — вскричал Калве. — Это же не спутник!

— Звездолет... мы на звездолете! — быстро ответил Раин.

Вспышки продолжались — очевидно, включались на короткое время двигатели, тормозя звездолет. Потом на экране замелькали изображения внутренних помещений Деймоса, разные его отсеки. Большинство из них было совсем не знакомо космонавтам. Одно из изображений замерло, задержалось на экране: большой зал, который весь, от пола до потолка, пронизывали странные, радужно переливающиеся стержни. Но некоторые из них не светились — от них во все стороны разлетались красные искорки...

«Неисправность, что ли?» — подумал Калве, наблюдая, как постепенно гаснут и остальные стержни. Вот потух и последний: из него вылетела стайка искр, и наступила темнота...

Разбираться во всем этом не было времени. На экране возникла стремительно летящая из темноты глыба. Трудно было определить ее размеры: это мог быть метеорит, мог быть и крупный астероид. Он выглядел каким-то не настоящим, а словно нарисованным и сразу расплылся и погас, сменившись новым изображением. Теперь весь экран заняла гигантская, как показалось обоим, планета с неровной, волнующейся, как море, поверхностью. Что-то знакомое почудилось Калве в облике этой планеты, он повернулся к Раину...

— Юпитер, — коротко сказал тот, не отрываясь от экрана.

Неожиданно появился тот же самый круглый пульт, около

которого они стояли, и знакомый экран был в середине его, только его опоясывало не три, а пять окружностей, и огоньков было больше, как сразу заметил Калве. Раин поднял брови: вдруг на экране возникли знакомые уже три кольца...

Калве осторожно отошел от экрана: ему не терпелось проверить, с какой нагрузкой работает машина сейчас. Он шел от шкафчика к шкафчику, в которых сосредоточивались результаты громадной работы, протекавшей в десятках наполненных серым веществом ящиков во всех тридцати секциях машины. Да, вот теперь она работала на полную мощность: везде бушевали голубые линии...

Калве заглянул в одну из секций: серая масса показалась ему охваченной холодным голубым пламенем.

Калве возвратился к экрану, от которого все не мог оторваться Раин.

— Что? — спросил его Калве.

— Снова переигрывает... — почему-то шепотом ответил Раин.

Он напряженно всматривался в экран, карандашом наносил какие-то точки на листок бумаги... А на экране промелькнула водяная гладь, взволнованная ветром, потом равнина, озаренная зеленоватым светом. И все исчезло. Экран погас.

Калве и Раин молча сидели еще минут пять — на экране ничего больше не возникло.

Раин с трудом перевел дыхание. В баллонах кончался кислород. Надо спешить в ракету.

— А работа? — спросил Калве.

— Придется прийти еще раз... И вообще к черту данные! Вы можете попытаться объяснить, что это нам показывали?

— Я думаю, — сказал Калве, — что этой рукояткой машине задается определенный режим работы, при котором она может анализировать события, записанные в ее памяти.

Для удобства и быстроты восприятия лишь какую-то часть этого анализа обладавшая громадной — это Калве понял еще раньше — памятью машина преобразовывала в видимое изображение. Как это делалось, Калве не представлял, но ощущал, как машина, которой приходилось иногда при помощи логических выкладок восстанавливать события, сведения о которых почему-то не были для нее закодированы, иногда не то, чтобы запутывалась в рассуждениях, а тут же, на экране, исследовала различные варианты и тут же отбрасывала менее вероятный. Так, следовало разобраться, были ли кадры о прилете ракет с Марса документальной записью или отвергнутым вариантом. А промелькнувший метеорит? Что обозначали затухающие стержни? Что двигатели звездолета вышли из строя? Но было непонятно: от столкновения ли с метеоритом, или же из-за перенапряжения двигателя при попытках вырваться из притяжения Юпитера. Во всяком случае, двигатели вышли из строя, звездолет вынужден был остаться здесь...

Раин слушал объяснения Калве, что-то быстро записывал. Ему пришлось в голову, что дело было даже не в притяжении Юпитера, а просто в том, что при наблюдениях издалека вся масса нашей солнечной системы казалась летевшим сюда неведомым астронавтам сосредоточенной в центральном светиле. Звездолет шел на такой скорости, что, когда приборы заметили

ошибку, исправить ее, не допустить гибельного искривления траектории стало можно, только пустив двигатели на полную мощность. И двигатели, наверное, уже порядком износившиеся за долгий полет, не выдержали — отказали...

— Но куда они делись, хозяева этого корабля? — спросил Калве. — Почему бросили такое удивительное сооружение? Это же настоящее чудо науки и техники!

Раин задумчиво пожал плечами, потом ответил:

— Судя по тому, что мы видели, произошла какая-то авария, и они были вынуждены покинуть этот звездолет и перебраться на борт другого, спасательного корабля. — Раин помолчал. — Ничего, во всем разберемся со временем... А пока все это настолько важно, что нам надо как можно скорее передать это на Землю. Мы одни не можем оставаться хранителями таких бесценных сведений. Вся надежда теперь на Азарова...

14

Азаров в это время был далеко от них. Нагрузившись запасными баллонами с кислородом, он уже успел обшарить многие помещения Деймоса.

Они пошли вместе с Коробовым, а потом разошлись в разные стороны. Азаров решил начать поиски с того отсека, в котором был найден счетчик. Да, возможно, ракета когда-то и была здесь, но никаких следов ее пребывания не осталось.

Куда она могла исчезнуть? Где искать ее? Очевидно, если ее куда-то перетаскили — разумеется, в разобранном виде, — то тащили ее не через коридор... А для чего вообще могли ее разобрать? Ну, хотя бы для изучения — вполне возможно.

Значит, надо было найти иной ход из ангара. Поиски заняли около часа и не увенчались успехом до тех пор, пока Азарову не пришлось в голову попробовать проникнуть в один из боковых люков: судя по происшествиям в их ангаре, за ними должны были находиться роботы.

Он с трудом открыл один из люков. Конусы автоматов стояли за ним без движения, будто дремали в ожидании, когда их позовут. Азаров осторожно пробрался между ними. Ход привел его к широкой трубе, уходившей вертикально вверх. В ней была дверь. Азаров вошел, постоял немного — внезапно пол под его ногами стремительно пошел вверх.

...Потом больше двух часов бродил он по космическому городу. Глазам его открывались огромные лаборатории, пустые хранилища, в которых когда-то, очевидно, находились обильные запасы. В одном зале оказался даже огромный — метров сто на двести — бассейн, сейчас пустой. «Уж не плавательный ли?» — усмехнулся Азаров.

Он проходил через просторные залы, уставленные непонятными устройствами, которые с одинаковым успехом могли предназначаться и для испытаний машин, и для гимнастики, для тренировки бездействующих мускулов.

Он разыскал и жилые каюты — они одни занимали целый этаж. Попытался прикинуть общее количество населения спутника. Получалось очень большое число, порядка нескольких тысяч. Азаров недоверчиво покачал головой.

Кислорода, однако, и здесь в атмосфере не было. Жить тут сейчас было нельзя.

Азаров прибавлял шаг. Осмотр заинтересовал его, хотя никаких следов автоматической ракеты обнаружить он не смог.

Он поднялся в очередной ярус. Открыл дверь. И отшатнулся, увидев звездное небо. Сначала ему показалось, что он внезапно вышел на поверхность спутника, но сейчас же он понял: в этом зале одна стена и потолок были так прозрачны, что, казалось, вовсе отсутствовали.

Вероятно, Азаров поднялся уже в самую верхнюю часть шара, если только спутник действительно имел такую форму. А это, несомненно, была обсерватория, по крайней мере некоторые приборы напоминали земные рефлекторы и радиотелескопы.

Азаров пожалел, что рядом нет Раина: астроном позавидовал бы ученым, которые когда-то здесь работали... Кроме несомненных телескопов, здесь были и иные приборы — легкие фермы без антенн и без зеркал, и Раин наверняка не пожалел бы времени, чтобы понять, какое отношение имеют они к астрономии.

Азаров присел в кресло перед одним из таких приборов, чтобы оглядеться и передохнуть. Отдыхая, он задумчиво глядел сквозь прозрачную стену в черноту пространства. И внезапно ему показалось, будто перед его глазами возникают новые звезды. Да, несомненно, вот уже несколько их появилось из темноты... Его осенила смутная догадка: вероятно, прибор все-таки был тоже телескопом, только роль линз в нем, как в электронном микроскопе, выполняли мощные магнитные поля. Инструмент, очевидно, включался автоматически, как только оказывалось занятым кресло наблюдателя.

Азаров внимательно разглядывал звездную картину — неба он не видел, казалось, уже неделями... Телескоп выделял часть небосвода — похоже, созвездие Дракона, сообразил он, вспоминая занятия по астронавигации. Только из четырех светил, которые были сейчас в поле зрения телескопа, раньше он знал лишь одну звезду четырнадцатой величины — прочие оставались невидимы и в самые сильные телескопы Земли. Случайность ли это? Просто ли инструмент направлен на этот участок неба, или...

Ему припомнились рассуждения Раина о том, что возникновения и быстрого развития жизни следует ожидать на планетах, вращающихся именно вокруг энергетически не очень сильных светил — желтых карликов вроде Солнца. В таких планетных системах гораздо менее вероятны резкие катастрофы — такие, как внезапные скачки радиации, губительные для жизни, успевшей уже приспособиться к определенному режиму.

Но если это не случайность, что ученые Марса искали в созвездии Дракона? Нет, все-таки случайность...

Встав с места, он подошел к одному из рефракторов. Тот же уголок неба отражался в его зеркале. И в ту же сторону были направлены ажурные параболоиды радиотелескопов.

Нет, это не случайность, что в какое-то определенное время телескопы смотрят на созвездие Дракона. А если не случайность, то... И это большое число жилых кают... Такому количеству жителей просто нечего было делать в спутнике, на них не хва-

тило бы работы... Нет, конечно, это не может быть простой случайностью...

Он прошел в соседний зал. Это была громадная, на многие гектары, оранжерея, покрытая таким же прозрачным куполом, за которым зияла пустота. Зал не делился на отсеки и, видимо, занимал всю верхнюю часть шара. Только в центре потолка виднелась круглая непрозрачная площадка, к ней снизу шла толстая труба.

Азаров направился к ней. Путь лежал мимо длинных полос грунта, на котором в свое время, похоже, росло что-то, служившее продовольствием. Иначе какой был смысл разводить здесь сады? Теперь лишь хилая, желтоватая травка покрывала почву — может быть, потомки культурных растений, оказавшихся менее долговечными, чем машины, и выродившихся в результате отсутствия ухода и возросшей радиоактивности. Кое-где стояли странные, низкорослые, искривленные деревья без листьев, но с зеленовато-голубыми, просвечивающими ветвями. Они жили — устройства спутника продолжали подавать сюда воду, углекислоту, питательные вещества.

Азарову пришло в голову, что в оранжерее должен быть кислород: здесь нет машин, которым могла бы угрожать коррозия, а система деления спутника на отсеки и ярусы с блокировкой всех переходов позволяла иметь в различных местах разную атмосферу.

Однако он не стал проверять свое предположение. Возникшие у него мысли манили к круглой площадке наверху.

Он подошел к трубе, осмотрел ее в поисках люка. Люк был и даже сам открылся перед ним. И в тот же миг разом погасли висевшие невысоко над полом мощные светильники, оранжерея наполнилась теплым желтым светом...

— Солнце! — неистово крикнул Азаров, закрывая глаза от света. Действительно, Деймос на своем пути вокруг Марса вышел из теневого конуса, и далекое, родное светило залило оранжерею своими лучами.

— Солнце... — повторил Азаров, прижимаясь к прозрачной стене, черное пространство за которой сразу перестало казаться таким безнадежным.

Ему хотелось петь, смотреть на Солнце без конца. С трудом заставил он себя войти в открывшийся перед ним люк. Побежали вниз стены, трубы... Теперь Азаров оказался на самом верху, на заветной площадке.

— Ну да, — сказал он. — Я так и думал...

Он очутился в небольшом круглом прозрачном зале, и теперь со всех сторон его окружало звездное небо. По окружности зала тянулись низкие широкие диваны. В центре, у четырехгранного пюльта, стояло откинутое назад кресло. Перед пюльтом возвышался большой постамент с экранами, шкалами приборов, блестящими точками индикаторов. На самом же пюльте не было ничего: ни переключателей, ни рычагов. Только две большие выпуклые кнопки — красная и белая — выступали над его гладкой поверхностью.

— Так я и думал... — проговорил Азаров. — Конечно, это не спутник. Звездолет, звездолет высокого класса...

Он сел в кресло за пюльтом. Тотчас же на постаменте засве-

тился экран: на нем была точная картина звездного неба, такая же, какая виднелась за прозрачным куполом этой, по всей вероятности, ходовой рубки. Наверное, это был звездный компас: чтобы следить, насколько точно машины соблюдают курс. Азарова немного удивило, почему строители звездолета вынесли ходовую рубку на самую поверхность, гораздо безопаснее было бы поместить ее где-нибудь в глубине корабля. Но тут же, став на место воображаемого оппонента, он возразил сам себе: так можно судить, исходя из земных представлений о прочности...

Приборов на пульте громадного звездолета оказалось даже меньше, чем на их земной ракете. Вероятно, здесь гораздо в большей мере, чем пока на Земле, применялось суммирование показаний приборов вычислительными устройствами. К пилоту поступали лишь обработанные, самые важные сведения. За остальными следили сами машины.

Азаров вздохнул, закрыл глаза. Вот так здесь сидел когда-то командир звездолета, вел его к неведомым светилам — представитель иной жизни, намного обогнавшей нашу... На диванах вокруг располагались в свободные минуты члены экипажа, друзья и соратники командира — такие же, как он, рослые, здоровые и, наверное, добрые и веселые люди. Они жили, они стремились к открытиям, от которых, быть может, зависела судьба пославшей их планеты.

Азарову показалось, будто просторное помещение наполнилось вдруг сдержанным гулом голосов, едва слышным отзвуком работавших где-то внизу двигателей... Перед его закрытыми глазами замелькали незнакомые, причудливые рисунки созвездий, почудилось, что он сам грудью рассекает пространство, через которое стремится этот могучий шар...

Так он сидел несколько минут, не раскрывая глаз. Но надо уходить отсюда: не здесь же, в ходовой рубке звездолета, искать остатки автоматической ракеты!

Он спустился обратно в оранжевую, не задерживаясь, двинулся дальше. И снова потянулись бесконечные вереницы помещений, заполненных машинами, механизмами, все более странными, непохожими на земные, комнат с неустойчивыми полами, — они мягко колыхались, когда Азаров проходил по ним... В одном месте он наткнулся на прозрачную перегородку, за которой клубился лиловый туман — только густые лиловые облака, сквозь которые ничего нельзя было разглядеть, — и среди них то и дело посверкивали голубые молнии. Азаров долго стоял, наблюдая за причудливой игрой разрядов, пока они не начали слишком часто отскакивать в его сторону. Тогда он поспешил уйти отсюда, обозначив перегородку на плане, на котором отмечал весь свой путь.

...Через два часа он снова оказался внизу, в радиальном коридоре. Сегодняшняя программа поисков была закончена, он видел очень много интересного, а ведь была осмотрена лишь малая часть того, что скрывалось в этом колоссальном шаре. Над его устройством впоследствии не один год поломают голову ученые Земли. Но никаких следов автоматической ракеты он так и не обнаружил.

Азаров уже хотел войти в коридор, ведущий к ангарам, но раздумал и решительными шагами подошел к другой двери —

той самой, у которой Сенцов и Раин, пробираясь с поверхности, обнаружили, по их словам, усиленную радиацию. Почему ракета или ее остатки не могли находиться в помещении, где уровень радиации выше?

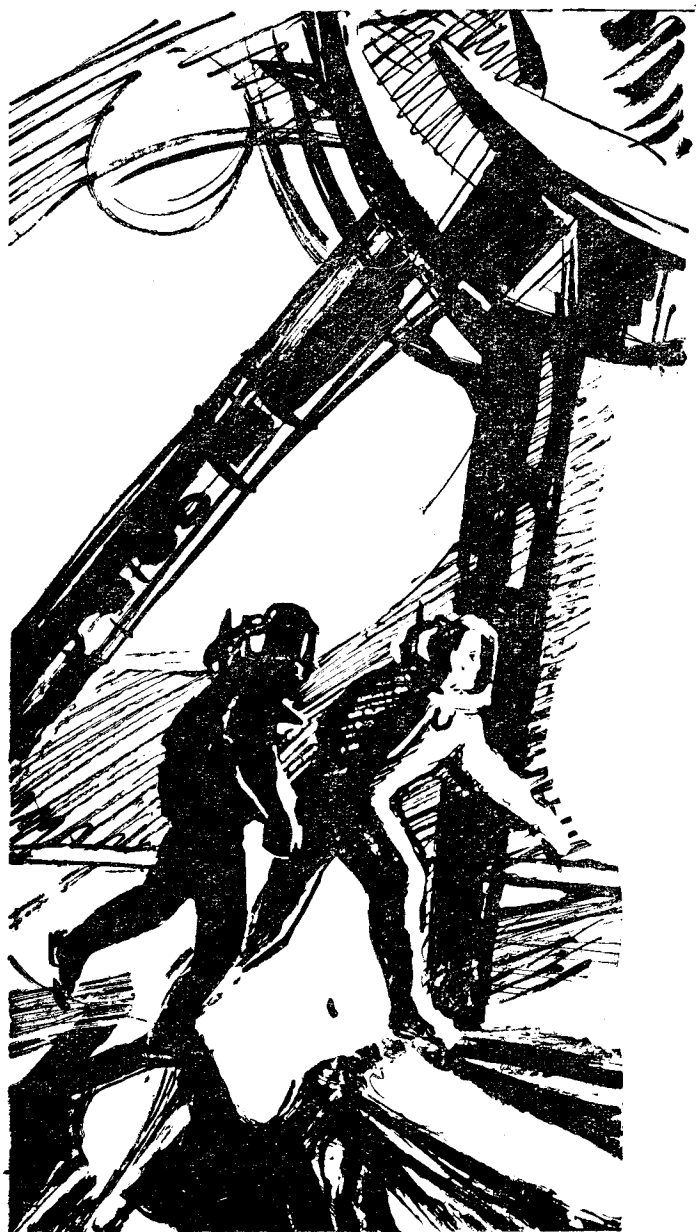
Он приблизился к двери вплотную. Лампочка индикатора затлеала чуть ярче. Ну и что? До опасности, во всяком случае, далеко, а ракета может находиться именно здесь, и все равно ведь, если она не найдется в других помещениях, придется лезть за ней сюда.

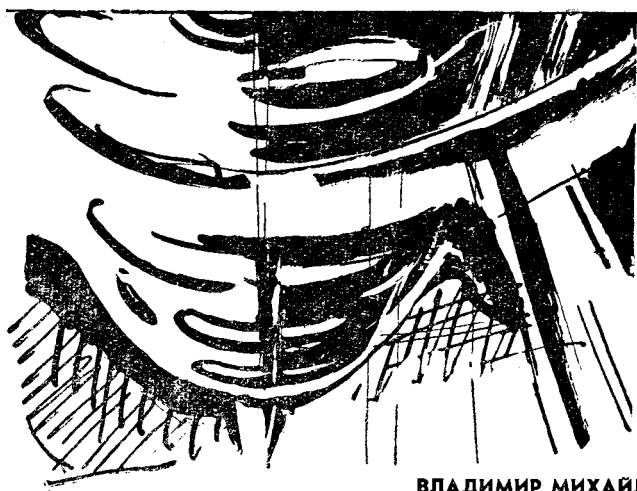
Азаров оглядел дверь. Запорной планки здесь не было, но слева он увидел три углубления — такие же, как и у входного люка корабля, — вложил пальцы в эти гнезда.

Дверь тяжело поехала в сторону, он успел удивиться ее необычной толщине... И сразу лампочка в скафандре запылала так ярко, что в глазах его на миг поплыли красные круги. Радиация стремительно возрастала, как будто он, открыв дверь, выпустил на волю миллиарды крошечных дьяволов и они, радостно кувыркаясь, стремительно неслись теперь по коридору... Азаров инстинктивно рванул назад, но тут же остановился: надо же закрыть дверь, иначе...

Он снова вложил в гнезда три пальца, но дверь не закрывалась. Азаров стал лихорадочно вспоминать, как же закрывался люк ракеты, и с ужасом вспомнил, что это происходило лишь после того, как кто-нибудь переступал порог в одну или другую сторону. Наверное, был и другой способ, но он его не знал. Значит, чтобы закрыть дверь и прервать течение смертоносного потока, остается одна возможность: заставить ее опуститься за собой, а потом уже искать, как открыть ее изнутри...

{Окончание следует}

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

ОСОБАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ*

Рисунки А. Гусева

Эти мысли пронеслись в его мозгу в доли секунды, и он сделал последний шаг, отделявший его от двери, хотя знал, что ему после этого наверняка не выбраться... В последний миг он подумал, что товарищи не найдут его следов и не узнают, что случилось. Они зря потеряют время на поиски. И потом если даже отыщут автоматическую ракету, то без него, Азарова, гораздо дольше будут возиться с передатчиком, потому что полностью заменить его в радиотехнике не мог бы даже такой мастер электроники, как Калве. Все так, но это лишь мелкие неприятности по сравнению с той опасностью, какой угрожала всем открытая дверь. Она означала явную гибель, а если уж гибнуть, то одному, а не пятерым...

Он закрыл глаза и рванулся вперед, нагнув голову, прощаясь со всеми и одновременно проклиная радиацию. Так вот, значит, какой конец готовила ему судьба...

* Окончание. См. номера 3 и 4 за 1962 год.

Азаров успел пробежать шага два и даже увидел краешком глаза широкий коридор и на противоположной его стороне еще дверь, почему-то закрытую не до конца. За ней скорей угадывались, чем виделись, странные, тускло поблескивавшие, уходящие ввысь колонны. В следующий миг что-то мягко толкнуло Азарова в грудь, он зашатался, потерял равновесие, чуть не упал — что-то мягко подхватило его, словно он опустился на мягчайшую перину, вынесло, откинуло от двери обратно в коридор.

Еще два раза он пытался прорваться, но оба раза невидимая преграда останавливала его, мягко опрокидывала, отбрасывала назад... Пройти в дверь оказалось невозможным.

Азаров перевел дух, руки и ноги его дрожали... Он громко выругал неизвестных конструкторов, придумавших такую мудреную защиту и не догадавшихся применить простую блокировку двери. Потом он повернулся и торопливо побежал к товарищам. Боком проскользнул в дверь коридора, словно надеясь этим задержать излучение, не дать ему проникнуть следом за ним, хотя знал, что простые двери его не задержат, не остановят...

Возле двери в ангар он наткнулся на Коробова — тот спешил ему навстречу. Азаров взглянул на его встревоженное лицо, на напряженные глаза и положил руку на плечо товарища, прижался к нему, словно ища поддержки...

15

Это было как наводнение, когда вода подступает все выше и нет надежды, что уровень ее по какой-то причине остановится и удастся спастись. Все двери закрыли накрепко, однако уровень радиации возрастал хотя и медленно, но неудержимо.

Можно было, конечно, покинуть ракету и укрыться в верхних ярусах спутника. Но тогда придется окончательно проститься с надеждой отправить сообщение на Землю: другого выхода на поверхность, кроме уже известного, они не знали, а радиограмму можно послать только с поверхности — сквозь броню звездолета радиоволны их передатчика не пройдут.

Отступать решили в самую последнюю минуту. Пока же все занялись одним: поисками автоматической ракеты с передатчиком. Искали и не находили...

С Азаровым все держали себя так, словно бы ничего и не случилось. Но сам он был чернее тучи, порывался лезть в самые опасные места, пока Сенцов не сказал ему однажды:

— Ты не горячись... Теперь сам видишь — к чему это приводит.

Собирались вместе, лишь совсем выбившись из сил. И уже становилось ясным, что через день-два уйти все равно придется: уровень радиации станет опасным. Наверху еще можно будет продержаться, но здесь оставаться невозможно.

О своем трудном положении ничего не говорили. Рассказывали друг другу о том, что видели за день, спорили, как

объяснить те или иные непонятные машины, приборы. Эти беседы за ужином теперь были единственным временем, которое космонавты проводили вместе, и на них полагалось являться чисто выбритыми, подтянутыми, в вычищенных комбинезонах.

Сейчас в одной из кают, превращенной в кают-компанию, собралось уже трое пилотов. Они были голодны, с нетерпением поглядывали на часы, но оба ученых задерживались, хотя и вели поиски в разных направлениях.

Наконец они явились вместе, оба какие-то мрачно-возбужденные. Молча сели за стол и ели молча, не поднимая глаз на товарищей.

— Не нашли, конечно? — спросил Сенцов, когда ужин уже заканчивался и на столе оставалось только какао во фляжках с присосками: питались они так же, как при невесомости, — привыкли, да и другой посуды не было.

— Не нашли... — мрачно ответил Раин.

Калве только вздохнул.

Раин замолчал, но не удержался:

— Что ж тут скрывать?... И не найдем. И никто не найдет.

— Почему ты думаешь? — насторожился Сенцов.

— Мы тут с Калве прикинули... По дороге забежали в кибернетический центр и там еще раз проверили. Как будто бы наши выводы правильны...

— Какие выводы?

— Где был найден счетчик? — спросил Раин. — В том отсеке, на который указывал переключатель на пульте. А переключатель этот, как Калве в общем установил, задает машине режим подготовки ракеты в данном ангаре к полету.

— Ну и что?

— Ясно, что автоматическая ракета, попавшая сюда таким же образом, как мы...

— То есть автоматически посаженная и затем втянутая в ангар, — уточнил Калве.

— Ну да... Эта ракета и встречена была, очевидно, так же, как наша...

— Это справедливо, — сказал Коробов. — Они однотипны, разница лишь в деталях.

— Правильно. Значит, и ее роботы по своей программе сначала вскрыли, а потом, так сказать, отремонтировали: навесили люковые крышки, кое-что там наварили — по образцу своих ракет.

— Так, понятно...

— Но так как она попала в тот ангар, который был переключателем подготовлен к выпуску ракеты, то ее, поскольку никакого вмешательства в программу действий машины не последовало, просто-напросто выбросили из ангара. Отправили, так сказать, в рейс... Другого объяснения мы не находим.

— Подожди... Но на чем же она ушла в рейс? Кто включил двигатели?

— Никто не включал, — ответил Азарову уже Сен-

цов. — Ты что думаешь, ракеты у них стартовали на своих двигателях? Что бы тогда осталось от этих ангаров? Нет, они выбрасывали их таким же образом, каким и втягивали: посредством поля, магнитного или другого — мы не знаем.

— Правильно, так и мы с Калве решили, — поддержал его Раин. — Ну, а раз ее выбросили, то искать ее бесполезно, сами понимаете...

— Да не может быть! — возразил Азаров. — Они же не могут быть такими глупыми, ваши роботы и машины. Выбрасывать ракету, в которой нет ни одного человека, незаправленную, неподготовленную и вообще чужую...

— Они не глупые и не умные, — сказал Калве. — Они действуют по программе. Что касается людей — возможно, и у них на звездолете были автоматические ракеты-разведчики. А что касается того, что выброшенная ракета была не готова, то автоматы этого просто не заметили.

— То есть как? — удивился Коробов.

— Можно себе представить, что автоматы, снимающие показания датчиков после возвращения ракеты из рейса и передающие их в кибернетический пост, принимают сигналы, свидетельствующие о недостатке чего-то: топлива, энергии... Тогда происходит дозарядка. А раз, по их «понятиям», ремонт окончен, сигналов о нехватке чего-либо не поступало, то, значит, ракета готова к вылету.

— Может быть, конечно, это и не так, — сказал Раин. — Но что спорить и ломать головы? Давайте проверим!

— Как именно? — спросил Сенцов.

— Пожертвуем нашим искалеченным кораблем. Он нам больше не нужен, с него снято все, что возможно. Переключим машину на наш ангар. Тогда будет видно, что произойдет. Автоматы уже несколько дней не прикасаются к ракете. Если наши предположения подтвердятся, значит мы узнали, как производится отправление ракет. И, кроме того, прекратим ненужные поиски...

Сенцов молчал. Было видно, как жаль ему расставаться со своим, хотя бы уже и ни на что не годным кораблем: командование им было поручено ему, Сенцову, и вот не уберег... Кроме того, если эксперимент подтвердит предположения Раина и Калве, значит не остается никакой надежды разыскать недостающие части для передатчика, для восстановления связи с Землей...

— А куда же девались остальные наши разведочные ракеты? — пытаюсь найти хоть малейшую возможность иного решения, спросил Сенцов. — Ведь их посылали несколько, и ни одна не вернулась. Что же по-вашему: их все вот так здесь прооперировали, а потом выбросили? Больно естественно получается...

— О судьбе других автоматических ракет мы пока ничего не знаем, — ответил Раин. — Можно только гадать. Может быть, и не одна из них побывала тут. А вероятнее, что остальные ракеты, попадая в сильное магнитное поле этого звездолета, выходили из строя, теряли правильный курс...

— Возможно, — задумчиво вставил Коробов. — Отказала автоматика, и ушли они куда-то в бесконечность, ищи их теперь. Ты вспомни, командир, как нам самим пришлось взяться за управление, когда при полете сюда задурили автоматы.

Сенцову нечего было возразить. Ничего не скажешь, доводы основательные. После долгой паузы он молча кивнул, принимая план Райна и Калве.

В конечном итоге главное было — выяснить как можно больше сведений об устройстве звездолета. Кто знает, пусть не сейчас, а хотя бы через полгода они смогут разобраться и в том, как его строители осуществляли связь, сумеют все-таки дать сигнал на Землю. Для этого стоило пожертвовать многим.

...Три пилота медленно вошли в ангар. Взобравшись на эстакаду, постояли возле корабля. Металлическая сигара сейчас была вовсе не похожа на ту, какой ее втянули сюда автоматы всего несколько дней назад. Появились два новых люка. Основная ступень накрепко приварена к первой — теперь не было никакой возможности отбросить ее в полете... Какие-то гребни украшали среднюю часть ракеты. Такие же они видели и на оболочке чужого корабля, ставшего теперь их домом. Зачем они нужны?

Сенцов легко коснулся, словно погладил, шероховатой оболочки ракеты. Вручную закрыли люк, так и оставшийся открытым с самого дня нападения. Потом молча слезли с эстакады и отошли в дальний угол зала. Сенцов послал Азарова передать ученым, что можно начинать.

Прошло несколько минут. Внезапно в зале раздалось легкое гудение, на стенах загорелись, замигали сотни лампочек. Их переключка становилась все быстрее, наконец, лампы стали вспыхивать и гаснуть с такой быстротой, что зарило в глазах.

Оба ожидали: вот-вот ракета сорвется с места, поползет вверх по эстакаде... Но лампочки внезапно погасли.

Прошло еще несколько минут. Все началось сначала — и опять без видимого результата. Снова наступил перерыв, он тянулся, казалось, бесконечно. Сенцов уже собрался пройти в кибернетический центр и поинтересоваться: долго ли еще ученые-исследователи намерены развлекаться, не лучше ли сразу признать, что их опыт не удался, предположения не подтвердились?..

В этот момент переключка огоньков началась в третий раз, и Сенцов решил подождать до очередного перерыва. Но лампочки не угасали, мигание их слилось в один световой кипящий вихрь, и, наконец, Сенцов и Коробов увидели, как тяжелое тело ракеты начало медленно, едва уловимо всплывать над эстакадой... Оно повисло в воздухе на расстоянии нескольких сантиметров над поверхностью вогнутого лотка, на котором до этого лежало. Это выглядело странным и сверхъестественным.

— Сейчас они ее... — сказал Коробов.

Сенцов замахал рукой, словно требуя полнейшей тишины. Глухо загудело где-то совсем рядом, за стеной. Задрожал

пол. По нему чуть заметно заскользили струйки пыли, они текли в двух направлениях — к углам зала. Сенцов понял, что заработали компрессоры, откачивая воздух из ангара.

— Да, они правы... — пробормотал он.

Внезапно оба космонавта вздрогнули. В ангаре раздался могучий рев. Стихнув, он повторился еще и еще... Вспыхнул под потолком большой красный глаз, его прерывистый свет казался гневным. Вой сирены все усиливался.

— Ясно! — прокричал Коробов. — Нам придется выйти... Очевидно, по требованиям безопасности присутствие кого-либо в ангаре во время запуска не разрешается...

Они быстро пошли к двери, открыли, выскочили в коридор. Пока опускалась дверь, Сенцов бросил последний взгляд на корабль — он все так же висел над эстакадой... Дверь опустилась, и тотчас же сильная дрожь прошла по стенам, потолку — и все стихло, только глухое гудение компрессоров доносилось из-за стены. Коробов попробовал открыть дверь, она не поддавалась. К ним подошли остальные трое. Молча остановились, стали ждать.

Дверь открылась минут через пять. В ангаре все осталось по-прежнему. Только эстакада опустела.

— Да... — сказал Сенцов после минутного молчания. — Ну что ж, прощай... — И было непонятно, относились ли эти слова к исчезнувшему навсегда кораблю, или к надежде смонтировать передатчик, или ко всему вместе...

— Далеко она не уйдет, — сказал Азаров. — Двигатели-то не включаются...

— Станет спутником Марса, — подтвердил Раин. — Когда-нибудь мы ее выловим...

— Ну, пошли, — позвал Сенцов, и все вернулись в ракету. Сбросили скафандры, собрались в кают-компанию.

— Что будем делать? — спросил Сенцов.

Все молчали. Из ракеты не сегодня-завтра придется уходить. Надежды собрать передатчик не осталось. Может быть, конечно, со временем что-нибудь и придумается, но сейчас ломать голову было бесполезно.

— Ну что ж, — сказал Сенцов. — Во всяком случае, открытия нами сделаны первостепенного значения. И то, что это звездолет. И относительно Фобоса. Я думаю, что — как бы там ни было — нам надо записать все, что мы видели. Рано или поздно наши записи найдут... Может быть, именно наверху мы найдем возможность связаться с Землей, хотя бы используя какой-нибудь мощный источник света. Не может же быть, чтобы на звездолете не было такого устройства. Световые сигналы, возможно, заметят с Земли. Пока ясно одно: здесь, в ракете, оставаться нельзя.

Остальные понуро слушали его, никто не говорил ни слова. После паузы Раин преувеличенно-бодро сказал:

— Писать так писать... Что именно мы запишем?

— Напишем, как нам это все представляется, — сказал Сенцов. — Вот как ты сам представляешь себе случившееся?

— Как я себе представляю? — задумчиво переспросил Раин.

Много лет назад от созвездия Дракона по направлению к солнечной системе шел звездолет.

На борту его, кроме экипажа, были тысячи колонистов — они летели заселять новые планеты, выдвигать все дальше во вселенную форпосты Разума.

Размеренно работали двигатели. Звездолет шел на скорости, близкой к световой, но на борту его размеренно текла жизнь, велись наблюдения, исследования. Приближался решающий момент — уже неподалеку была желтая звезда, вокруг которой, как установили астрономы, обращалось несколько планет.

В вычислениях астрономов вкралась неточность. Уже в фазе торможения звездолет сблизился с крупнейшей планетой солнечной системы — Юпитером. Притяжение этого гиганта начало искривлять путь корабля. Пришлось усилить торможение, чтобы искривление не стало гибельным для всех живых, находившихся на его борту.

Им удалось избежать гибели. Но двигатели не выдержали, режим работы их был нарушен. Пройдя орбиту Юпитера, звездолет оказался вынужденным окончательно затормозиться у следующей по направлению к Солнцу планеты и лечь на круговую орбиту.

Были сделаны попытки восстановить двигатель. Они не увенчались успехом. Космонавты вызвали помощь с родной планеты.

Помощь могла прийти через годы... А пока, используя находившиеся на борту звездолета ракеты, экипаж начал исследование трех планет, которые могли оказаться пригодными для колонизации. За эти годы пришельцы побывали на Марсе, на Земле, на Венере.

Помощь пришла. Но и тогда им, видимо, не удалось восстановить испорченные двигатели. Потерпевший аварию звездолет пришлось оставить здесь, возле Марса.

Хотя ни одна из трех обследованных планет не годилась, по мнению пришельцев, для колонизации, но продолжать их изучение и детальное обследование стоило. Используя оставленную станцию, пришельцы в любой момент могли снова посетить солнечную систему. Пока же они занялись поисками пригодных для колонизации планет в других ближайших звездных системах...

— Ну, конечно, многовато фантазии, — сказал Сенцов. — Но в общем так оно, возможно, и было...

— Интересно, почему эта ракета не ушла вместе с остальными? — спросил Коробов.

— Вряд ли такое путешествие, как у них, могло обойтись без жертв, — ответил Раин. — Очевидно, для этой ракеты просто не хватило экипажа.

Все на миг умолкли.

— Впрочем, может быть и другое объяснение, — сказал Раин. — Они оставили одну ракету на случай своего возвращения, чтобы можно было посетить планеты снова.

— А почему они не смогли колонизировать эти планеты?

— Мы можем сделать некоторые выводы на основании анализа условий, существующих в звездолете. Содержание

кислорода здесь, в атмосфере, значительно больше, чем у нас. На Марсе кислорода и того меньше, на Венере, очевидно, тоже... Возможно, были и другие причины...

— Так, — сказал Сенцов. — Вопросы еще будут? Нет? Добро... А теперь — за работу.

— Послушайте, — торопливо проговорил Калве. — Но ведь это... Нельзя же, чтобы на Земле не узнали об этом еще годы. Мы обязаны использовать все возможности. Мы теперь знаем, как стартуют ракеты...

— То-то вы возились чуть ли не полчаса!

— Мы не сразу разобрались... Оказывается, поворота переключателя недостаточно. Там есть еще стартовая кнопка, ее надо нажать. Разобраться можно... Почему же мы не рискнем? Оставим записи здесь, а сами пустимся на этой ракете...

— И я бы рискнул, — поддержал Азаров.

— Рисковать не будем, — холодно ответил Сенцов. — Голосовать тоже. Будем делать так, как я сказал. Все равно наши сюда прилетят.

— Конечно, прилетят! — сказал Коробов. — Вон какие ребята остались на Земле: Низов, Крамер, Рудик...

— Да, это надежные ребята, — сказал Сенцов. — Добавь к ним Иванова и Вольского — вот и готовый экипаж...

— Нельзя в такой экипаж Вольского, — перебил его Раин. — Астроном он хороший, но сдержанности у него мало. Его надо в такой экипаж, где будет, кому его сдерживать. К Улугбекову, например. Улугбеков, Вернер, Самохин, Ильин и Вольский — вот это будет первоклассный экипаж.

— С Низовым может лететь Бочаров, — сказал Сенцов. — Хотя он сам в скором времени может получить корабль. Страшно способный парень... Дзенис — вот кто может лететь с Низовым. Отличный пилот...

Так прощались они с теми, кто остался на Земле, у кого впереди была еще долгая жизнь, много миллионов километров и — как знать, — может быть, даже световых лет пути...

— А вы говорите — лететь... — сказал Сенцов. — Из ваших же слов следует, что все улететь не смогут: кому-то придется остаться, нажать стартовую кнопку...

— Так то — для автоматических ракет, — сказал Калве.

— А для неавтоматических?

— По логике ракеты с экипажем должны стартовать после сигнала с самой ракеты. В ней тоже должна быть стартовая кнопка.

— Иди проверь, — усмехнулся Сенцов.

— Может, ты сам сходишь проверишь? — сказал Раин. — Я устал...

— Это куда же? — спросил Сенцов. — В кибернетический центр?

— Зачем в центр? В рубку...

— Куда? — прошептал Сенцов.

— Я говорю — в рубку, — сказал Раин.

— Он говорит — в рубку, — подтвердил Калве.

Сенцов минуту недоверчиво смотрел на них, затем яростно пробормотал что-то и выскочил из каюты. Коробов и Азаров кинулись за ним. Раин и Калве неторопливо пошли следом.

Приближаясь к проклятой прозрачной перегородке, Сенцов невольно замедлил шаг и протянул руку. Но обогнавший его Коробов как ни в чем не бывало прошел дальше...

Перегородка исчезла.

— Как? — спросил коротко Сенцов.

— Переключатель... — ответил подоспевший Раин.

Дверь в рубку открылась легко. Все пятеро, теснясь в дверях, заглянули в нее.

Как и в центральном посту звездолета, здесь вдоль стен тянулись диваны, а посредине стоял пульт — такой же, как в кибернетическом центре, только гораздо меньше. Очень мало приборов, и никаких органов управления, только круглый экран со стрелкой и две большие, выпуклые кнопки — красная и белая.

— Что за черт, — сказал Сенцов. — Ни одного рычага...

Раин между тем осмотрел экран.

— Да, — сказал он Калве. — Нет сомнения — они связаны. Огоньки здесь точно так же расположены, как и на экране кибернетического поста.

— И стрелка в таком же положении, — кивнул Калве.

— Тебе ясно? — спросил Раин, обращаясь к Сенцову. — Перегородка блокировала рубку, пока поворотом переключателя мы не назначили ракету к вылету. Теперь остальное ваше дело, товарищи пилоты.

Сенцов все еще растерянно осматривался вокруг: может, это совсем не космический корабль? Как мог кто-то лететь в ракете, где нет ни одного органа управления?

— Нет, — сказал он, — на таком корабле далеко не улетишь. Я, во всяком случае, не рискну. Переключатель выключить, а то что-нибудь еще стрясется...

— Но мы же проверили схемы... — умоляюще сказал Калве.

— Нет, — сказал Сенцов. — Нет.

Наступило молчание. Все смотрели на командира.

— Категорически? — хмуро спросил Азаров.

— Категорически. Я доверяю автоматике, но не до такой степени... Раз нельзя управлять или хотя бы задать программу — значит, нельзя и лететь. Если мы даже вылетим, то неизбежно затеряемся в пространстве. Ну, кто мне объяснит, как тут рули-то включаются? А двигатель?!

— Ну что ж, — спокойно сказал Раин. — Выключим...

16

И опять — какую же ночь? — Сенцову не спалось. Завтра предстояло покинуть ракету — так он решил, а он ведь при любых условиях оставался командиром.

Будь эта ракета построена людьми, он бы рискнул. Один человек всегда в конце концов разберется в том, что придумал другой. Но эту ракету строили не люди, а существа

инного порядка. А тут все имело огромное значение: быстрота их реакции, физические возможности... Кто его знает — может быть, у них управление кораблем на биотоках? Вылететь и болтаться в пустоте до конца дней — нет, уж лучше ждать здесь.

Но ждать здесь — значит не предупредить Землю, товарищей. Но Калве так и не дал обещанных доказательств того, что пришельцы были подобны людям. Внешнего сходства мало. На Земле все люди в общем похожи друг на друга, а в то же время... Слишком много неизвестных в этой задаче...

...Все-таки он незаметно уснул, забылся. Сквозь сон Сенцову показалось, будто кто-то зовет его. С трудом он приподнял голову, но, сколько ни вслушивался, ни одного шороха не слышалось в каюте. Во всей ракете царила мертвая, космическая тишина.

И все-таки было такое ощущение, что зов ему не почувдился.

Сенцов поднялся и вышел из каюты, чтобы походить по коридору, успокоиться. Длинный, ровно освещенный, пустынный коридор уже несколько раз помогал ему сосредоточиться, прийти в себя, овладеть мыслями.

Правильно ли решает он, командир? Не рано ли сдастся?

Правильно, решил он еще раз. И больше об этом думать не стоит. Завтра перейти в оранжерею, где есть кислород, может быть, даже и растения удастся использовать для еды. Все.

Он снова вернулся в каюту, улегся на диван. Дремота все ближе подступала к нему, и вдруг он снова услышал чей-то голос.

Да, это был тот же самый голос... Женский — низкий, чуть вибрирующий, полный какой-то мягкой теплоты... Он легко и мелодично произносил непонятные слова, и казалось — женщина чем-то взволнована, настойчиво просит о чем-то дорогом, очень важном... Или же она что-то объясняет ему? Голос иногда повышался, дрожал и снова ласкал слух бодрими, радостными переливами...

И тогда Сенцов сразу вспомнил, что в тот момент, когда впервые он услышал голос, ему снился сон. Женщина снилась ему, стройная и красивая. Он не мог сейчас припомнить ее лица, но голос ее он узнал, и интонацию тоже. И так же, как во сне, он не понимал ее слов, но чувствовал теплоту и нежность, которыми этот голос был пропитан.

Голос умолк, оборвавшись на полуслове, и тогда Сенцов, окончательно понявший, что слышит его вовсе не во сне, стал лихорадочно соображать — откуда же он мог возникнуть? Это не галлюцинация: женщина действительно говорила где-то совсем рядом, здесь, в каюте...

Вскочив, он начал тщательно обыскивать каюту. Открывал стенные шкафы, исследовал весь, до последнего дециметра, пол — и ничего не нашел. И только в самом углу, над ложем, на уровне головы лежавшего человека обнаружил маленькую дверцу, не замеченную им раньше.

За ней оказался миниатюрный аппарат, из него торчала пластинка, покрытая сложным, неправильной формы узором. Очевидно, здесь было записано последнее пожелание женщины уходящему вдаль любимому человеку, и бывший хозяин каюты слушал его перед сном...

Почему, уходя, он не взял письма? Таких вещей не забывают. Просто потому, что они торопились, или была и другая причина?

Возможно, командир корабля — каюта эта, ближайшая к рубке, принадлежала, наверное, ему — погиб еще раньше. Не случайно ведь ракета осталась в спутнике.

Сенцов от души пожалел женщину с удивительным голосом, которая никогда не дожидется обратно любимого. Да и сама она, наверное, давно ушла из жизни — сколько времени утекло... Впрочем, может быть, там, на их планете, живут долго?

И вдруг — впервые с такой отчетливостью — его охватило чувство, что построившие этот звездолет и ракету были такими же, как люди. Они так же любили, а значит, так же ненавидели, так же страдали, так же радовались и так же мыслили, и поэтому никакого бессознательного зла не могло быть скрыто в их технике...

И еще он понял, что возможность выбраться отсюда все же существует и они ее со временем обязательно найдут!

— Спасибо, милая, — сказал он женщине и поклонился в ту сторону, где стоял аппарат. Он сказал это так сердечно, словно его благодарность могла долететь до нее. Но — кто знает? — может, каждое, даже самое тихое слово благодарности и любви не теряется в пространстве и всегда достигает того, кому оно послано, летя со скоростью, о какой еще ничего не знает теория относительности?

Потом он вынул пластинку из аппарата, чтобы голос не звучал зря: только в трудные минуты следовало слушать его... Он подумал, что непременно возьмет ее с собой на Землю.

Затем он вышел из ракеты. Уровень радиации продолжал возрастать. Медлить было нельзя.

Он пошел будить остальных. Вскоре все были в сборе. Сенцову не пришлось долго объяснять положение.

— Ну что ж, присядем как полагается... — сказал Сенцов, — и все сели на минуту. Все уже было собрано, все готово к уходу наверх, в оранжерею.

Сенцов оглядел друзей.

Они уже принадлежали истории — пять человек, сидевшие в чужой каюте.

Они принадлежали истории, как первые люди, встретившиеся с иной цивилизацией. Но даже если бы этого не было — а на Земле ведь об этом пока ничего не знали, — они равно принадлежали истории, как люди, погибшие вне Земли, при штурме Пространства. Еще живые, они были погребены под невообразимой толщей отделявших их от родной планеты просторов, которые когда-нибудь покажутся совсем не страшными.

И все же, подумалось Сенцову, они не капитулировавшая армия, а отдыхающие между боями солдаты.

Отдыхали бойцы... И, как обычно бывает на привалах, кто-то тихонько принялся напевать песню.

Едва разобрав напев, Сенцов подхватил ее — так же негромко, потому что песня эта была из тех, какие поются не звучными и хорошо поставленными голосами, а тихо, чуть, может быть, неправильно и хрипловато, с тем трудно определенным качеством, которое по-русски называется задушевностью, и не могут его заменить никакая школа и даже талант.

Это была песня, родившаяся в незабываемые и неповторимые тридцатые годы, — такие далекие и такие близкие сейчас им; песня, в которой как бы сконцентрировалась вся романтика того сурового, вооруженного времени...

В ней пелось о двух друзьях, которые служили в одном полку — «пой песню, пой...» (пой, что бы там ни было: не тебе одному пришлось нелегко! — так понимал сейчас Сенцов эти слова), — и, несмотря на разницу характеров, они дружили настоящей дружбой (тут в песню вступили Коробов и Азаров: кому, как не им, летчикам, было знать цену настоящей дружбе!)...

Земная песня звучала в призрачно, неправдоподобно освещенной каюте. И так неистово захотелось каждому еще хоть на час увидеть Землю — родную, суровую и прекрасную.

И вдруг Сенцов поднялся во весь рост, глаза его сверкали.

— Ребята! — громко сказал он. — Мы все продумали, и иного выхода у нас нет. Только уходить... Лететь — безумие, мы даже не знаем, как включаются двигатели... Но мне почудилось... мне кажется — так ли уж необходимо нам все продумывать? Вы понимаете, ведь это все строили люди. Люди! Пусть они иначе себя называли, как бы они там ни выглядели... А ведь не может один человек в таком деле подвести другого! Лететь нельзя, потому что не умеем управлять ракетой. Но Земля ждет! И ведь они же летали! А может быть, и мы сможем? Может быть, здесь совсем и не надо управлять? У меня такое чувство, что разгадка где-то рядом, стоит только ее поискать как следует... Дело ведь не в наших пяти жизнях, черт их возьми совсем... Мы-то могли погибнуть и раньше... Но люди ждут нас! Если мы не вернемся, Земля прервет исследования, будут снова перепроверяться все расчеты и конструкции, уйдет время, может быть, годы... Мы должны вернуться!

— А ну, — в наступившей тишине сказал весело-лениво Коробов, придвигаясь к столу. — Ведь, по сути дела, дом у нас почти рядом, — он стремительно начертил на столе пальцем два концентрических круга. — Вот Марс, а вот Земля...

— А тут Венера, — иронически сказал Азаров и начертил третью концентрическую окружность, поближе к Солнцу. И тут же вздрогнул — так резко схватил его за руку вскрикнувший Раин.

— Ты что? — спросил Сенцов.

— Ничего... — сказал Раин. — Просто я идиот. Марс, Земля, Венера... А в центре что, я вас спрашиваю?

— По всем данным, Солнце, — буркнул Сенцов. — Ну и?..

— Так, — удовлетворенно кивнул Раин. — Прошу разрешения отлучиться на полчаса.

— Куда?

— Очень важно... Проверить одно соображение, — сказал Раин, роясь в грудке справочных катушек, захваченных ими из погибшей ракеты, и торопливо заправляя одну из них в магнитофон. — Одно соображение...

Он закрыл глаза, прислушиваясь к числам, которые равнодушно диктовал магнитофон, и делая быстрые расчеты на листке бумаги.

Потом просмотрел их и кивнул.

— Мы вдвоем с Калве... Одевайся, Лаймон, — он начал натягивать скафандр, от нетерпения не попадая в рукава. — И как только мы раньше не сообразили... Искали сложностей, а получается очень просто...

— Да в чем дело-то? — не выдержал Азаров. — Что за секреты?

— Узнаешь, дорогой, узнаешь, — сказал Раин. — Через полчаса мы вернемся. Захвати инвертор, Калве...

Пока трое в каюте ожидали их возвращения, не произнося ни слова и только переглядываясь, Раин и Калве миновали отсек с вычислителями и вошли в круглый зал. Раин торопливо подошел к экрану, склонился над ним, глухо — только по голосу можно было понять, как он волнуется, — сказал:

— Дай-ка увеличение...

Калве включил. Несколько минут Раин напряженно всматривался, водя стрелкой по экрану, что-то считал, шевелил губами. Наконец он решительно поставил кончик стрелки точно на огонек среднего кольца.

— Замерь... — сказал он коротко.

Калве двинулся вдоль кабеля, медленно приблизился к двери, ведущей в секцию, сказал:

— Сигналы поступают...

— Так, — сказал Раин, выписывая новые цифры на листке бумаги. После этого он еще раз проверил положение стрелки. Кивнул головой. Выпрямился, весело блестя глазами: — Пошли...

Через десять минут они были уже в рубке ракеты. Три вопрошающих и полных надежды взгляда встретили их. Калве в ответ недоумевающе пожал плечами, покачал головой. Раин сразу направился к центральному пульта, несколько секунд глядел на него. Пригладив волосы, сухо сказал:

— Все мы — а я в самую первую очередь — заслуживаем единицы по сообразительности и логике. Я никак не мог разобраться в значении пульта на кибернетическом посту. Калве тоже. Но это оказалось не по его части... Если бы кто-нибудь из моих ассистентов на кафедре не знал, что

Земля обращается вокруг Солнца, — это было бы меньшим грехом... На пульте обозначены — и мы давно должны были догадаться — орбиты трех планет: Марса, Земли, Венеры. Вот они, кольца с огоньками. А огонек в центре.

— Солнце! — сказал Калве, улыбнувшись, как будто он уже увидел настоящее, земное солнце — не пылающий, косматый шар, каким они видели его из ракеты сквозь светофильтры, а золотистое, ласковое земное светило, сияющее на голубом небе...

— Солнце, — повторил Раин. — Но дело не в этом — сам факт этот еще ничего не значит... (Сенцов кивнул головой.) — Стрелка на пульте может находиться на уровне любой из трех орбит. Причем это не схема: огоньки перемещаются, они дают действительное положение планет на орбитах в данную минуту — это я специально проверил по справочникам. Страшная удача, что нам удалось их спасти... И вот, устанавливая стрелку в положение, когда острие указывает, скажем, на Землю, мы даем задание кибернетическому центру, который тут же начинает вырабатывать программу полета...

— Стоп! — прервал Сенцов. — А вы в этом уверены?

— Вероятность ошибки невелика, — ответил Калве. — Я не допускаю, что мы могли ошибиться. Я исследовал очень тщательно. И убежден в том, что правильно понял общие принципы...

— И что же? — спросил Сенцов.

— Программа передается в киберустройство ракеты, — сказал Калве. — Импульсы уходят по кабелю. Мы проследили — он идет сюда. Машина, как можно заключить, вычисляет и задает ракете оптимальный режим полета на данную планету применительно к сегодняшнему положению планет на орбитах.

— Видите, — вставил Раин, — в каком положении стоят сейчас огоньки? В таком же, как и в кибернетическом посту. Это может означать только, что ракета сейчас подключена к большой машине...

— А какой именно ракете эта программа передается, — заключил Калве, — определяется переключателем. Одновременно может стартовать только одна ракета.

— Ясно! — торопливо сказал Азаров. — Значит, своими ракетами они действительно не управляли. С начала до конца корабль ведут автоматы.

— Это просто руководство для программирующего устройства, — сказал Калве. — Для удобства оно выполнено в виде планетной карты.

— А почему только для трех планет? — спросил Коробов.

— Не обязательно... Когда-то в этот пульт были заложены и другие схемы. Помните, мы видели на экране...

— Программа... — сказал Сенцов. — А если вылет задерживается?

— Вычислитель ракеты должен постоянно вносить в нее поправки, — ответил Калве. — Интересно будет разобраться в его устройстве...

— Ну, а как же все-таки стартовать?

— Вот кнопки — такие же, как в кибернетическом посту. Там старт давался белой кнопкой. Дело человека только дать разрешающий импульс в машину. Дальше она ведет корабль сама...

— Что ж, — сказал Коробов. — У велосипеда есть педали, у автомобиля нет. Но никто не отказывается ездить на автомобиле из-за того, что у него нет педалей...

— Вот, значит, как получается... — сказал Сенцов. — Просто кнопка... Нажать — и лететь...

— Лететь! — как эхо, повторил Азаров.

— Лететь, — спокойно согласился Коробов.

— Лететь, — сказал Раин и усмехнулся.

— Лететь так лететь, — безмятежно проговорил Калве. — Так я пойду разложу вещи...

— Слушайте! — вдруг громко воскликнул Азаров, вспомнив в этот миг две такие же манящие пусковые кнопки, которые властно притягивали его руку, когда осматривал он командный пункт в ходовой рубке звездолета. — Слушайте, а что, если нам лететь прямо на нем?..

Он взмахнул руками, пытаясь пояснить свою мысль.

— На чем? — переспросил Сенцов.

— Да прямо на звездолете! Если наши гении разобрались, как запустить чужую ракету, то и с управлением всем звездолетом справятся.

Все переглянулись.

— Вот это был бы подарочек для Земли! — восторженно сказал Коробов.

Сенцова тоже захватила дерзкая мысль Азарова, но лишь на мгновение. Тут же он поспешил охладить пыл товарищей.

— Ничего не выйдет. Если они бросили здесь свой звездолет, то, значит, он совершенно неисправен. И, вероятно, выведены из строя его двигатели, отсюда и повышенная радиация, которую Азаров выпустил на свободу, по неосторожности сунувшись в машинный отсек. Помнится, ты говорил, что там одна из дверей была даже не закрыта?

Сразу помрачневший Азаров молча виновато кивнул.

— Значит, там серьезные повреждения, и хозяева в спешке покидали корабль. И если уж сами создатели этого звездолета не надеялись его отремонтировать, то нам и мечтать об этом смешно.

— Правильно, — поддержал его Раин. — Лучше, как говорится, синицу в руки, чем журавля в небе.

— А такая синица, как эта ракета, тоже подарочек неплохой, — ободряюще добавил Коробов, хлопая Азарова по плечу.

— Ладно, пошли собираться! — решительно сказал Азаров и первым вышел из рубки. За ним последовали остальные. Сенцов остался один.

— Ну вот... — сказал он тихо. — Ты ведь не подведешь, правда?

Никто не мог бы услышать ответа. Но он, наверное, услышал, потому что улыбнулся взволнованно и радостно.

— Ну что же? — сказал Сенцов. — Так где у них сидел пилот? Здесь?

Он взглянул на стоявшее перед пультом большое кресло, приподнятое на что-то вроде пьедестала — под ним, наверное, находились противоперегрузочные устройства.

Составление программы полета было закончено. Об этом возвестил вспыхнувший полчаса назад на пульте огонек. Побывав в последний раз наверху, Калве установил, что машина выключилась. Зато за задней стеной рубки не умолкало чуть слышное гудение: кибернетическая машина ракеты продолжала работать, с каждой протекшей минутой внося в программу соответствующие изменения.

— Ну, — сказал Сенцов, — значит, решились. Я уверен, что мы не ошибемся: «Разум не может подвести другой Разум. Мы должны верить Разуму, хотя бы он и принадлежал другим существам...»

В рубку, вытирая пот с лица, вошел Коробов.

— Вроде бы приготовления закончены... — сказал он. — Вахту в полете будем нести?

— Поскольку Правилами предусмотрено, — ответил Сенцов.

— Кто первый?

Сенцов пожал плечами, давая понять, что считает вопросом лишним и даже не заслуживающим ответа.

— Тогда ты, может, отдохнешь? — спросил Коробов.

— А как же! — сказал Сенцов. — Обязательно... И еще как! В санатории! На Земле...

В последний раз осмотрели ангар, стоя в проеме люка. Коробов заметил внизу, почти под самой эстакадой, забытый кем-то кислородный баллон — один из служивших для питания скафандров, и весело усмехнулся: по опыту он знал, что стоит забыть что-нибудь на месте, тогда уж обязательно уедешь.

Потом все собрались на середине входного отсека. Раин вошел последним. Замигали лампочки, и стальные рычаги, распрямляясь, медленно вдавили втянутый кусок обшивки на место. Все меньше становилась светлая щель. Рычаги, дойдя до места, глухо лязгнули.

В коридоре освобождались от скафандров. Сенцов еще раз прошел по каютам, проверил, все ли закреплено как надо, чтобы не случилось чего-нибудь во время старта.

Медленно вошел в рубку. Двигаясь, как во сне, расселся по диванам. Тут всем стало по-настоящему страшно...

Сенцов остановился у пульта.

— Ну, так что же? Что скажешь, второй пилот?

— Интересно, — откликнулся Коробов, — каков все-таки этот новый способ передвижения в пространстве?

— Доберемся и до него, — сказал Раин. — Не исключено, что мы сможем наладить связь с ними. А со временем и встретиться.

— Да, — сказал Сенцов, — встретимся. В полном составе.

Он опустился в кресло перед пультом. На миг зажмурился. Потом нажал белую кнопку.

Низкий гул наполнил рубку. На пульте замигали разноцветные огоньки. По одному из экранов заструились светлые линии. Сначала редкие, они постепенно собирались во все более плотный пучок.

Рядом вспыхнул второй экран. На его зеленоватом фоне возник непонятный рисунок: несколько рубиново-красных цилиндров, каждый в нескольких местах перехватывали толстые спирали кабелей.

— Вы только посмотрите... — изумленно воскликнул Сенцов и потянулся за карандашом.

Внезапно блокнот, положенный Сенцовым на пульт, всплыл, повис в воздухе. Все почувствовали странную легкость, от которой успели уже отвыкнуть... Искусственная гравитация выключилась, диваны повернулись так, что их плоскость стала перпендикулярной оси корабля. Все торопливо улеглись, утонули в диванах. Стало легче дышать. Сенцов понял, что аппараты подают в рубку усиленную дозу кислорода.

— Ну вот, — сказал Коробов. — Даже не верится. Летим... И ведь придут времена, когда школьники станут путать эпохи и страшно удивляться, если учитель им скажет, что звездоплавание началось в двадцатом веке, а вовсе не в десятом, как думает ученик Петров, и что Джордано Бруно погубила инквизиция, а совсем не гравитация...

— Не забудут! — сказал Сенцов уверенно. — Ну, по местам!

Во все более нарастающем гуле ракета дрогнула и медленно заскользила вверх. Это были лишь первые сантиметры из тех миллионов километров пути, пройти которые ей предстояло, но они в каком-то отношении были самыми главными и самыми трудными.

Распахнулись, ушли в стороны стены. Ускоряя ход, ракета проскочила шлюз. Рубку обняла темнота, в прозрачном куполе мелькнули ребра эстакады — и, выброшенная мощным магнитным полем, ракета скользнула в пространство.

— Летим! — ликующе крикнул Азаров и чуть не прикусил язык.

Кругом загремело сильно и мелодично, будто сама гармония небесных сфер, о которой писали древние, снизошла на головы экипажа. Диваны прогнулись, тела налились тяжестью... Это включились двигатели, разгоняя ракету.

— Похожи на обыкновенные, химические... — сквозь зубы проговорил Коробов.

Сенцов не ответил. Втиснутый в кресло, он напряженно смотрел на экран с красными цилиндрами, словно чего-то ждал. Ускорение возрастало, в глазах темнело.

Сенцов подумал, что надо было лечь на диван... Но внезапно гул оборвался. Ускорение исчезло. Все одновременно подняли головы. Калве сказал Раину:

— Страшно было...

— Еще будет, — сказал Раин. — Но, как сказал один старинный писатель, это совсем другая история...

Сенцов увидел, как из одного рубинового цилиндра на экране вырвался ослепительный, узкий луч света. Выбросил луч еще один цилиндр, еще...

— Фотонный! На квантовых генераторах! — крикнул Сенцов, откидываясь в кресле.

Ослепительный, хотя и притушенный фильтрами, свет бушевал теперь на экране. Снова прогнулись диваны, на шкалах приборов рванулись вверх красные полосы... В полной тишине главный двигатель корабля набирал ход.

— Следующая остановка — Земля! — торжественно сказал Сенцов. — Он не станет садиться на Лунную базу, ему это незачем. Интересно, где он приземлится?

Глядя на один из экранов, где, стремительно удаляясь, уменьшался шар Марса и совсем уже неразличимым казался только что покинутый ими звездолет, Раин сказал:

— Похоже, лететь будем считанные дни... Это тебе не полет по орбитальной траектории. Он летит по траектории светового луча! Примерно, конечно.

— Недаром он так и выглядит! — ответил Сенцов. — Что ж, по сути дела, надо бы уже начинать готовиться к посадке...

— Я все-таки хотел бы разобраться в этом кибернетическом устройстве, — пробормотал Калве и покосился на Сенцова.

— Стоп! — сказал Сенцов, всем телом радостно ощущая, как плавно все быстрее и быстрее разгоняется корабль. — Я вам разберусь! Вы не думайте, что ноли корабль чужой, на нем правила недействительны. Корабль теперь наш!

И, усмехнувшись, добавил:

— Нарушать работу автоматов в рейсе запрещено правилами. Без Особой Необходимости...

